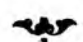
ДРЕВНИЕ РОССИЙСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ СОБРАННЫЕ КИРШЕЮ ДАНИЛОВЫМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1938

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА,
СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ
С. К. ШАМБИНАГО

ОФОРМЛЕНИЕ КНИГИ
Г. СМЕЛОВОЙ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Откликаясь на требования советской читательской общественности, „Academia“ предприняла издание ряда классических произведений народного творчества.

Одним из таких изданий являются предлагаемые читателю „Древние российские стихотворения“.

Сборник Кирши Данилова, ставший библиографической редкостью, включает лучшие образцы песенного народного творчества, собранные в конце XVIII века.

Тексты песен воспроизводят последнее полное издание П. Н. Шеффера, но разделены на стихи. Орфография современная; фонетические особенности изменены только там, где они не нарушают колорита песни.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начало XIX века подарило любителей древнерусской литературы двумя интересными новинками: в 1800 году вышло „Слово о полку Игореве“, в 1804 — „Древние российские стихотворения“, открывшие современникам совершенно новый материал в области народной поэзии и привлекшие к этому сборнику внимание специалистов.

В XVIII веке старую народную песню еще можно было слышать всюду. Один английский путешественник, описывая в 1779 г. свой путь из Москвы в Петербург, „не мог надивиться“ страсти русского народа к пению: „Ямщик ноет от начала до конца станции, земледелец не перестает петь при самых трудных работах; во всяком доме раздаются громкие песни, и в тихий вечер нередко доходят до слуха вашего отголоски из соседственных деревень. Один остроумный писатель, живший долгое время в России, говорит, что сии песни бывают различного содержания: иные заключают в себе описание жизни какого-нибудь витязя, иногда любовное объяснение или разговор молодого любовника с своей возлюбленной, иногда изображение прелестной девушки; нередко также что-нибудь ужасное, как-то: казнь разбойника, убийство и тому подобное“.[1] Здесь удачно определен тогдашний песенный репертуар: богатырская песня, и лирическая, и казацко-разбойничья, и, наконец, типа

[1] „Путевые записки от Москвы до С.-Петербурга одного англичанина в царствование имп. Екатерины II, заключающие в себе весьма любопытные исторические сведения, относящиеся к России в XVIII ст.“, пер. с фр., 1837, стр. 47.

„балладного“, вроде известной песни: „Князь Роман жену терял“.

Много любителей песен и плясок встречалось среди мелкопоместного дворянства. Во второй половине XVIII века мода на „простонародную“ песню охватила и высшее общество. Забавно рассказывает Болотов, автор известных мемуаров, о пребывании во время Семилетней войны фельдмаршала Апраксина в Европе: „На походе Апраксин помещался в огромных калмыцких кибитках, убранных кошмами и коврами. Адъютанты и ординарцы, вызываемые к нему ночью, заставали своего фельдмаршала утопающим в пуховиках, а в головах, за столиком, сидел солдат-гренадер и рассказывал ему во все горло сказки для успокоения душевного на сон грядущий“. [1]

Любители песни составляли для себя рукописные сборники стихотворного материала. Подбиралось безразлично всё, что нравилось. Сборники ходили по рукам и, несомненно, как результат повышенного спроса, в виде „песенников“, вошли в состав печатной продукции. Число песенников сильно вырастает к концу XVIII и началу XIX века. Основоположником печатных песенников является Михаил Дмитриевич Чулков,— писатель, журналист, публицист, актер и ученик основателя русского театра Ф. Г. Волкова, принадлежавший к кружку знаменитого писателя Н. И. Новикова. В основу своего издания (1770—1774 гг., 4 части) Чулков положил рукописный сборник, составленный его отцом, сначала истопником, потом известным сказочником и песельником имп. Елизаветы. Чулковское „Собрание разных песен“ было переиздано Новиковым с прибавлением двух новых частей (1780—1781 гг.); общая численность помещенных в таком соединенном собрании песен дошла до 1200.

[1] Щепкина, Старинные помещики на службе и дома, СПб., 1890. стр. 137.

Содержание этого, равно как и других, подражавших ему песенников, состояло из произведений искусственной лирики вперемешку с подлинными народными песнями. Помещались песенки Ломоносова, Сумарокова, Державина, Капниста и Николева, подражавшего в некоторой степени народным. Из песен подлинно народных главным образом встречались свадебные, бытовые, любовные. Песен о богатырях (термина „былина“ не было: он более поздний, искусственный и неверный) было очень мало, да и те составляли перепечатку из Чулкова—Новикова. Таковы: „Илья Муромец на Соколе-корабле“, „Молодец и королевична“, „Князь Роман жену терял“, „Суровец“. Богаче были представлены „исторические песни“, мало, кстати сказать, разнообразившиеся по сюжетам в различных песенниках. Обычно это были песни времени Ивана Грозного, казачьи, эпохи Петра I, солдатские о событиях XVIII века.

Соседство искусственной и народной песни неблагоприятно сказывалось на сохранности текста последней: в песенниках она исправлялась и „приукрашалась“. В чем состояли эти „прикрасы“,—объясняет М. Попов в предисловии к своему песеннику „Российская Эрата“ (СПб., 1792 г.). Со „старинными песнями,—говорит он,—я поступал так“: делал небольшой выбор „из преогромныя стаи“; в отобранном исправлял не только „разногласие и меру в стихах“, но и делал перестановки стихов из одного места в другое, чтобы „связь их течения и смысла“ сделать „плавнее и естественнее“. Даже Чулков, стоявший ближе всех к живой народной песне, и тот вносил большие поправки. Малопонятное казалось ему „порчей“ со стороны „неискусных переписчиков“, поэтому встречавшиеся ему „загадки“ Чулков, по собственному признанию, бывал принуждаем „отгадывать“, хотя и сомневался, попадали ли его исправления подлинно „на сочинительские мысли“.

Читатели, таким образом, получали народную песню

не в оригинале. Только Н. А. Львов, личность исключительная по разнообразию дарований, издавая в 1790 г. песенник „Русские народные песни“, с музыкальной обработкой Прача, писал в предисловии: „Собрание сие имеет всё достоинство подлинника: простота и целость оного ни украшением музыкальным, ни поправками иногда странной мелодии нигде не нарушены“. Здесь впервые как бы приотворилась дверь для будущих научных изданий.

Составителей песенников не мог не занимать вопрос об авторах материала. Творцы искусственной лирики были им знакомы. Но кто были „сочинителями“ песен народных? В этом направлении также иногда высказывались замечания, подходящие к современному пониманию народного творчества. Историк Болтин, например, считал песни о богатырях произведениями особых народных певцов, кормившихся пением как ремеслом, подобно тем нищим-слепцам, которые „поют и поныне“ стихи на всяких народных сборищах. Еще более четко высказался упомянутый Львов, который в „предуведомлении“ к переизданному им в 1806 г. своему „Собранию“ писал: „В России сочинители народных песен совсем неизвестны, и, следовательно, оные более принадлежат всему народу. По содержанию некоторых из них можно догадываться, что сочинители были казаки, бурлаки, стрельцы, служилые люди, фабричные, солдаты, матросы, ямщики“... Народными песнями не только интересовались, но и искали новых сюжетов. В 1739 г. имп. Елизавета писала С. А. Салтыкову: „У Василья Федоровича Салтыкова в деревне поют песню крестьяне, которой начало: „Как у нас в сельце Поливанцове да бояри-от дурак решетом пиво цедил“. Оную песню вели написать всю и пришли к нам немедленно“... В смысле такого же повышенного интереса к новым сюжетам следует понимать и письмо известного своим огромным богатством и чудачествами Прокопия Акинфиевича Демидова академику и историку Герарду-

Фридриху Миллеру от 22 сентября 1768 г.: „Милостивый государь Федор Иванович, в присутствие ваше у меня благоволил мне приказать—прислать „О селе Романовске, а ныне называют с чего Преображенским". Я достал от сибирских людей, понеже туды всех разумных дураков посылают, которые прошедшую историю поют на голосу, которую при сем к вашему высокородию посылаю. В прочем желаю здравия и благополучия и остаюсь к повелению готовый Прокофей Демидов". При письме была приложена хорошим писарским почерком писанная в сплошную строку, но с ясно сохраненным стихом историческая песня об осуждении Иваном Грозным на казнь царевича Федора и спасении его Никитой Романовичем; перед текстом помещены две нотных строчки с напевом, в скрипичном ключе.

Письмо это является, так сказать, зародышем „Сборника Кирши Данилова".

Этот сборник и был напечатан в начале XIX века под названием: „Древнія русскія стихотворенія. Москва. Въ Типографіи С. Селивановскаго. 1804", на 324 страницах. Книга начиналась кратким стихотворным посвящением главному директору почт Д. П. Трощинскому, подписанным буквою „К". Далее следовало обращение „К публике": „Нечаянный случай доставил мне рукопись древних стихотворений, которая, может быть, дорого стоила собирателю её. Желая принести общее удовольствие, я издаю теперь сии стихотворения, с надеждою услужить тем русской литературе, любителям древностей и вообще читателям всякого состояния.—Не делаю здесь исторических замечаний, к которым временам отнести должно сочинения сии; но ежели оные охотно приняты будут, то при втором издании прибавлены быть могут нужные замечания. Издатель". За обращением следовало 26 „стихотворений", представляющих исключительно богатырские песни на новые, не известные дотоле сюжеты. Имени „Кирши Данилова" в книге нигде не значилось.

За „издателя“, не подписавшего своей фамилии, обычно принимался Андрей Федорович Якубович, занимавший в то время небольшую чиновничью должность в московском почтамте. Но его участие сводилось лишь к роли редактора, подготовившего издание по чужому поручению. Ход дела выясняется из записки Якубовича, написанной им по поводу предполагавшегося второго издания сборника. „Собирателем“ этих „важных для словесности старых памятников“ оказался „известный по своей странной жизни“ П. А. Демидов; после его смерти рукопись попала к его родственнику Н. М. Хозикову, а в 1802—1803 гг.— к директору московского почтамта Ф. П. Ключареву. Последний заинтересовался оригинальностью материала, показал рукопись Н. М. Карамзину, уже начинавшему собирать источники для „Истории государства Российского“. По получении одобрительного отзыва Ключарев решил издать избранные песни и поручил работу одному из своих подчиненных, „воспитаннику Московского университета“ Якубовичу. Желая посвятить издание своему прямому начальнику Трощинскому, Ключарев написал стихотворное обращение, подписав его буквой „К“, а весь „труд в рассмотрении и честь издания“, т. е. всю редакторскую работу и оформление, поручил Якубовичу.

„Обстоятельства“ не позволили появиться второму, более полному изданию. Известный любитель древностей, граф Николай Петрович Румянцев, желая приобрести рукопись, вступил с Ключаревым в переписку. Ключарев отдал рукопись в полное распоряжение графа, за что получил „в подарок“ 1000 рублей ассигнациями. Это была, конечно, замаскированная покупка: крупному чиновнику считалось „неудобным“ заниматься продажей.

Когда новый владелец увидел, что издание Ключарева далеко не полно, то решил издать рукопись целиком и за научной помощью обратился к тогдашнему знатоку древних рукописей К. Ф. Калайдовичу. Он послал его

в 1816 г. в Калугу, где Якубович служил уже почтмейстером, для собирания сведений о прежней судьбе рукописи. В 1818 г. появилось второе издание, под заглавием: „Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ и вторично изданныя, съ прибавленіемъ 35 пѣсенъ и сказокъ, доселѣ неизвѣстныхъ, и нотъ для напѣва. Москва. Въ типографіи Семена Селивановскаго. 1818".

И на этот раз рукопись полностью воспроизведена не была: не было напечатано 7 скоморошьих песен по их „нецензурности" и, кроме того, Калайдович не осмелился напечатать: „Из монастыря Боголюбова", как написанную „в насмешливом тоне", и „Голубиную книгу", „неприличную по смешению духовных вещей с простонародным рассказом". Тем не менее прибавлено было 35 новых песен, так что второе издание увеличилось до 423 страниц.

На книге впервые появилось имя „Кирша Данилов". Его сообщил Калайдовичу Якубович, вычитавший это имя на первом, выходном листе рукописи, утраченном ко времени второго издания. К сожалению, Якубович не сделал точной копии этого листа; он считал Киршу тожественным с упоминающимся в одной песне рукописи „Кириллом Даниловичем", „вероятно, родившимся в Киеве", потом „ставшим казаком", судя по тому, что он „нередко воспевает подвиги сего храброго войска с особенным восторгом". В предисловии к книге Калайдович дал ряд дополнительных сведений о рукописи и высказал свой взгляд на роль Кирши в составлении сборника и вообще на древнюю поэзию.

Калайдовичу принадлежит указание, что песни были записаны для П. А. Демидова приблизительно в 1748 г. (Якубович полагал: в 1766) и что Кирша Данилов „принадлежит к первым десятилетиям XVIII века". Роль Кирши для Калайдовича не совсем ясна: он считает его „вернее собирателем", нежели „сочинителем" песен,

но в то же время он ему представляется как „самостоятельный переделыватель древнейших остатков народных песен“, посвящавший „свои струны“ героям „времен Владимировых“. „Данилов,— поясняет Калайдович,— писал более для людей необразованных, потому у него много фарсов; пел не для бессмертия, а для удовольствия своих слишком веселых слушателей; посему-то он пренебрегал умеренностью и правилами благопристойности. Места, в нашем издании означенные точками, показывают, что тут певец наш, пресыщенный дарами Вахуса и мечтаниями о сладострастных вакханках, терял совершенно уважение к стыдливости. Он даже целые семь песен пустил по тому пути, на коем впоследствии прославился Барков, хороший поэт, к сожалению, талант свой во зло употребивший“.

Сказав очень коротко о языке песен — „права Данилова на красоты слога самые ограниченные“ и о стихосложении — „мера неопределенная, тоническая с окончанием каждого стиха дактилем“, Калайдович дает историко-литературный обзор материала. Его высказывания, сделанные в такое время, когда наука о народной словесности только еще зарождалась, надолго, однако, утвердились в дальнейших работах исследователей. Таковы, например, постоянные сопоставления пиров Владимира с летописными указаниями на пиры Владимира I с дружиной, параллели некоторым богатырям из среды средневековых летописных героев.

Рукопись Кирши, бывшая в руках Калайдовича, конца не имела: она обрывалась на листе 101 об., после нескольких строк песни о Стеньке Разине. Кроме того, Калайдович получил сначала от Якубовича 1—97 лл. рукописи, остальные 98—101 об. были доставлены ему А. П. Степановым, калужским прокурором, уже в довольно потрепанном виде.

В издании 1818 г. живое и руководящее участие принимал А. Ф. Малиновский, один из редакторов „Слова

о полку Игореве“. Приобретенный графом Румянцевым „Сборник Кирши Данилова“ был передан для рассмотрения и изучения ему.

„Сборник Кирши Данилова“ впоследствии переиздавался: в 1878 г. Комиссией для печатания государственных грамот и договоров (3-е издание) и в 1893 — А. С. Сувориным („Дешевая библиотека“, 4-е издание). И то и другое издания являются простыми перепечатками издания Калайдовича, так как подлинная рукопись затерялась.

Обилие оригинальных сюжетов, прекрасно сохраненный стих, полнота и ясность изложения, сравнительная древность текстов (XVIII век), естественно, выдвигали „Сборник Кирши Данилова“ на высокое место. Он получил в науке значение первоисточника, несмотря на богатейшие и тщательно выполненные записи песен, сделанные П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом в середине XIX века. Между тем суждение о сборнике приходилось иметь по изданиям, далеко не выдержанным научно. Несмотря на то, что, сверх оговоренных Калайдовичем небольших поправок против оригинала, в тексте, будто бы, „ничего не прибавлено и не опущено, как у первого издателя, делавшего произвольные в стихах прибавления и сокращения“, тем не менее, исследователям, работавшим над текстом, приходилось временами предпочитать текст Якубовича. Это в известной степени снижало достоинство сборника, время и место возникновения которого оставались неопределенными.

Однако затерянная было рукопись нашлась. В 1894 г. заведывавший земскими школами Богородицкого уезда б. Тульской губернии П. В. Чехов уведомил академика В. И. Ламанского, что в библиотеке кн. М. Р. Долгорукого, родного внука А. Ф. Малиновского, найдена рукопись Кирши Данилова. Кн. Долгорукому перешла большая часть библиотеки и архива Малиновского. Владелец рукописи подарил ее Публичной библиотеке в Пе-

тербурге, и вполне научное воспроизведение знаменитого оригинала, наконец, появилось: „Сборникъ Кирши Данилова. Изданіе имп. Публичной библіотеки по рукописи, пожертвованной въ библіотеку кн. М. Р. Долгорукимъ, подъ редакціею П. Н. Шеффера, съ фототипическимъ снимкомъ. СПб. 1901".

Из предисловия редактора явствует, что рукопись сборника писана четкой писарской скорописью на 1—101 об. листах бумаги большого формата, в переплете значительно более позднем, чем сама рукопись. Сборник, судя по бумаге, относится к 80-м годам XVIII века. Почерков, повидимому, пять. Дошедшие сведения о происхождении „Сборника Кирши Данилова" очень скудны. Однако на основании того, что дает непосредственное наблюдение над текстами, что подсказывается выводами, добытыми общим изучением народной поэзии, можно установить, как говорит Шеффер, „пока" следующее: сборник заключает в себе западносибирские тексты песен. Дошедший список является тщательной копией списка, часть которого, несомненно, существовала в 1768 г.—время написания письма Демидова. Этот последний список мог заключать тексты или непосредственно записанные по поручению Демидова, или он мог быть также копией с еще более старого оригинала. Если таковой существовал, то он, во всяком случае, судя по намекам некоторых песен, не мог быть составлен ранее 1721 г.

Текст рукописи Кирши Данилова написан в сплошную строку, без разделения на стихи. Последнее принадлежит печатным изданиям 1804 и 1818 гг. Перед началом каждой песни помещены 1—2 нотных строки, содержащие оригинальный мотив песни. В издании Шеффера они воспроизведены автотипически, в то время как у Калайдовича (и во всех его перепечатках) они награвированы, и очень неверно. Поэтому утверждения изучавших эти ноты и сравнивавших их с „египетскими иероглифами",

которые ни по складу, ни по рисунку мелодии, ни по движению интервалов никак не могут считаться действительно русскими мотивами, после издания Шеффера отпадают, хотя и в них встречаются неточности.

Не верить показанию Якубовича о том, что на первом листе рукописи было выставлено имя Кирши Данилова, конечно, невозможно. Киршу в науке и считали исполнителем поручения Демидова собрать песни. Так говорит об этом О. Ф. Миллер: „Первый настоящий сборник былин в их народном, а не прикрашенном виде—это составленный в половине прошлого века для П. А. Демидова на горных его заводах сборник казака Кирилла Данилова". Знатоком песни и профессионалом-исполнителем признавал его акад. Ф. Е. Корш. Между тем Шеффер, отстаивая за сборником имя Кирши Данилова, „чтобы не затушевать роли лица, которому мы непосредственно обязаны совершенно исключительной для XVIII века записью былевых текстов", не решается утверждать, что это лицо именно Кирша Данилов, до тех пор, пока не будет детально изучен сборник.

Однако такой работы до сих пор не появлялось. Поэтому большую ценность имеет сделанное тем же Шеффером указание на следующую особенность сборника: в заглавиях песен имена иногда встречаются не в той форме, какую имеют в тексте. Так, в заглавии „Сеславьевич", в тексте „Всеславьевич"; в заглавии „Гаденович", в тексте „Годинович"; в заглавии „Гордей", в тексте „Гордеи"; „Казаринов" — „Казаренин" и „Казарин"; „Потук" — „Поток". Одна песня о Добрыне озаглавлена „Добрыня купался, Змей унес", между тем содержание такого заглавия не оправдывает. Это обстоятельство может указывать на то, что лицо, озаглавившее тексты, было знакомо с народной поэзией в большем объеме, чем тот, в котором она представлена в сборнике. Эта особенность сборника, по мнению Шеффера, доказывает, что тексты записаны „каким-то люби-

телем песен, а может быть, и профессиональным певцом, чем, вероятно, и объясняются качества записи текстов".

Сборник Кирши Данилова очень разнообразен по составу. Он содержит: 1) одиннадцать сюжетов на темы о богатырях, воинского характера, среди них — четыре об Илье Муромце, по две о Добрыне и Василии Буслаеве, по одной об Алеше Поповиче, Волхе, Сауле Леванидовиче; 2) тринадцать сюжетов типа новеллы — о Соловье Будимировиче, госте Терентище, Дюке, Иване Гостином сыне, Добрыне, Дунае, Ставре, Иване Годиновиче, Гордее (Гордене), Чуриле, Казарине, Михаиле Потоке, две о Садке; 3) одиннадцать исторических песен эпохи Грозного, Смутного времени, царей Алексея и Петра; 4) десять сюжетов на казацкие темы; 5) шесть — „балладного" типа: „Когда было молодцу пора, время великое", „По долам девица копала коренья лютые", „Перед нашими воротами утоптана трава", „Князь Роман жену терял", „Во хорошем высоком тереме", „Ох, в горе жить, некручинну быть"; 6) два духовных стиха: „Сорок калик со каликою", „Голубина книга сорока пяден" и 7) семнадцать скоморошьих песенок, носящих характер пародий, смехотворных припевок или коротких грубо-комических 2—3-стиший, не связанных какой бы то ни было фабулой и по неприличию своему не могущих быть напечатанными целиком; впрочем, бо̀льшая часть таких 2—3-стиший однообразна и особым остроумием не отличается; остальные песенки подлинно веселы.

Если этот материал охарактеризовать, хотя бы в общих чертах, относительно формы, то легко заметить сходство поэтических приемов в разных сюжетах. Одни и те же описательные картинки — „формулы", „общие места", сопровождающие разные моменты действия в песне: снаряжение коня, богатырская поездка, вход в княжеские палаты, обращение с той или иной речью одинаково звучат во всех сюжетах. Эпитеты и сравнения, нередко

меткие и оригинальные, также сходно повторяются в ряде песен.

В композиции богатырских песен исследователями давно уже была подмечена наличность „плана", делящего повествование на три части: вступление — „зачин", главная часть — повествование и „исход" — заключительная концовка. Прекрасно записанные песни „Сборника Кирши Данилова" в большинстве случаев этот план выдерживают, причем „зачины" разных сюжетов сходны, „исходы" встречаются часто и одинаковы, хотя бы в формулировке: „то старина, то и деянье".

Рассказ развивается всюду последовательно, без лишних задержек. Столь частая в устных записях ретардация — повторение при всяком удобном случае большого числа уже напетых стихов — в сборнике проведена в меру, ровно настолько, чтобы сообщить особый колорит песне. Что касается другой особенности устных записей — „контаминации" — соединения нескольких сюжетов в один, то хотя она и встречается, но заставляет думать: не органично ли такое соединение для той или другой песни?

Удивительно обилие в песнях разных топографических названий. Их очень много при рассказах о казацких поездках, детально намечен весь поход Ермака при завоевании Сибири, обязательны названия улиц при упоминании о том или другом городе, наименование церквей: „Христова благовещенья у нас в Киеве", „Николы Мясницкого". Все эти формальные особенности и приемы проходят красной нитью через весь сборник.

Что касается внутреннего содержания песен, то останавливает на себе внимание полное совпадение характеристик песенных персонажей, если им почему-либо приходится выступать в разных сюжетах. Например, Иван Гостиный сын появляется при одной и той же обстановке, с одним и тем же обращением к князю.

Затем — веселость и грубоватый комизм нередко заходят в песни с серьезным содержанием, придавая тогда особую оригинальность повествованию. Поэтому в сборнике так интересна сатирическая пародия на серьезные темы, вроде: „Агафонушка“, „Чурилья игуменья“, „Из монастыря Боголюбова“. Последние две, по тонкой иронии над монашествующими, могут быть сопоставлены с новеллами Декамерона.

Если прибавить к этому выдержанность языка, стиха (перебои могут быть объяснены ошибками при переписке), наличие нот у целого ряда песен, то впечатление, что „Сборник Кирши Данилова“ представляет запись своеобразного по подбору репертуара народного певца или даже сплоченной группы народных певцов-скоморохов, будет достаточно вероятным. Недаром на скоморохов сборник обращает особое внимание.

Обычное их название — „веселые молодцы“; им „на потешенье“ поется песня — старина, они — непременные гости на пирах, „беседах“. Когда жена Ставра, Василиса, под видом „грозного посла“ приехала в Киев выручать из неволи своего мужа, она спросила у Владимира, чем он в Киеве „потешается“. Тот немедленно послал за скоморохами — веселыми молодцами „всяких рук“. Забавно и остроумно помогают они гостю Терентищу прогнать из дома женина любовника. Весь разговор жены Терентья со скоморохами о том, что случилось с ее мужем, полон неподдельного комизма. „Веселый молодец — не утеха ли то?“ — говорит про скомороха песня.

Песни определенно указывают, что „старины“ поются, „сидючи в беседе смиренныя, испиваючи мед, зелено-вино“, т. е. на собраниях, вечеринках. Где веселые молодцы пьют, тут и „честь воздают“ хозяевам. В числе особо выдающихся качеств в Василии Буслаеве отмечается его способность к пению — „нет такого певца во славном Новегороде“. Но, к сожалению, повадился он якшаться „со пьяницы, со безумницы, с веселыми

удалыми добрыми молодцы". Скоморохи не скрывают, что склонность у них „к зелену вину" отменная. Коротенькая припевка сборника: „А не жаль мне битого, грабленого" предлагает пожалеть „похмельного молодца" — „Кирилу Даниловича", купить ему винца, опохмелить: „еще в некое время пригожусь я вам всем". Как раз этот „Кирил Данилович" и приводился Калайдовичем в связь с Киршей Даниловым, предполагаемым составителем сборника.

Многочисленные записи песен, сделанные в XIX и начале XX века непосредственно из уст народных певцов-сказателей, дали новые сюжеты, новые варианты. И эта живая народная песня во многом поддержала тексты песен Кирши Данилова, во многом была корректирована ими.

Это тесное взаимоотношение сборника и устных записей показывает непрерывающуюся преемственность старой народной песни, передающейся в одной и той же форме из поколения в поколение, но чутко отражающей все социальные изменения в жизни народа.

1

Соловей Будимерович

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота окиян-море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днепровские.
Из-за моря, моря синего,
Из глухоморья зеленого,
От славного города Леденца,
От того-де царя, ведь, заморского
Выбегали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей — един корабль
Славного гостя, бога́того,
Молода Соловья, сына Будимеровича.
Хорошо корабли изукрашены,
Один корабль получше всех:
У того было Сокола у корабля
Вместо очей было вставлено
По дорогу каменю, по яхонту;
Вместо бровей было прибивано
По черному соболю якутскому,
И якутскому, ведь, сибирскому;

Вместо уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вместо ушей было воткнуто
Два востра копья мурзамецкие;
И два горносталя повешены,
И два горносталя, два зимние;
У того было Сокола у корабля
Вместо гривы прибивано
Две лисицы бурнастые;
Вместо хвоста повешено,
На том было Соколе корабле,
Два медведя белые заморские;
Нос, корма по-туриному,
Бока взведены по-звериному.
Бегут ко городу Киеву,
К ласкову князю Владимеру.
На том Соколе корабле
Сделан муравлен чердак,
В чердаке была беседа — дорог рыбей зуб,
Подернута беседа рытым бархатом;
На беседе-то сидел купав молодец,
Молодой Соловей, сын Будимерович;
Говорил Соловей таково слово:
„Гой еси вы, гости корабельщики,
И все целовальники любимые!
Как буду я в городе Киеве,
У ласкова князя Владимера,
Чем мне-ка будет князя дарить,
Чем света жаловати?“
Отвечают гости корабельщики,
И все целовальники любимые:
„Ты славной, богатой гость,
Молодой Соловей, сын Будимерович!
Есть, сударь, у вас золота казна,
Сорок сороков черных соболей,
Вторая сорок бурнастых лисиц;

Есть, сударь, дорога камка,
Что не дорога камочка—узор хитер:
Хитрости были Царя града,
А и мудрости Иерусалима,
Замыслы Соловья Будимеровича;
На злате, на серебре—не погнется".
Прибежали корабли под славной Киев град,
Якори метали в Непр реку,
Сходни бросали на крут бережок,
Товарную пошлину в таможне платили
Со всех кораблей семь тысячей,
Со всех кораблей, со всего живота.
Брал Соловей свою золоту казну:
Сорок сороков черных соболей,
Второе сорок бурнастых лисиц.
Пошел он ко ласкову князю Владимеру,
Идет во гридню во светлую;
Как бы на пяту двери отворялися,
Идет во гридню купав молодец,
Молодой Соловей, сын Будимерович,
Спасову образу молится,
Владимеру князю кланяется,
Княгине Апраксевной на особицу,
И подносит князю свои дороги подарочки:
Сорок сороков черных соболей,
Второе сорок бурнастых лисиц;
Княгине поднес камку бело-хрущатую,
Не дорога камочка—узор хитер:
Хитрости Царя града,
Мудрости Иерусалима,
Замыслы Соловья, сына Будимеровича;
На злате и серебре—не погнется.
Князю дары полюбилися,
А княгине наипаче того;
Говорил ласковой Владимер князь:
„Гой еси ты, богатой гость,

Соловей, сын Будимерович!
Заимуй дворы княженецкие,
Заимуй ты боярские,
Заимуй дворы и дворянские".
Отвечает Соловей, сын Будимерович:
„Не надо мне дворы княженецкие,
И не надо дворы боярские,
И не надо дворы дворянские;
Только ты дай мне загон земли,
Непаханые и неораные,
У своей, осударь, княженецкой племяннице,
У молоды Запавы Путятишной,
В ее, осударь, зеленом саду,
Вишенье, в орешенье,
Построить мне Соловью снаряден двор".
Говорил сударь, ласковой Владимер князь:
„На то тебе с княгинею подумаю".
А подумавши, отдавал Соловью загон земли,
Непаханые и неораные.
Походил Соловей на свой червлен корабль,
Говорил Соловей, сын Будимерович:
„Гой еси вы, мои люди работные!
Берите вы топорики булатные,
Подите к Запаве в зеленой сад,
Постройте мне снаряден двор,
Вишенье, в орешенье".
С вечера, поздным поздно,
Будто дятлы в дерево пощолкивали,
Работала его дружина хоробрая,
Ко полуночи и двор поспел:
Три терема златоверховаты,
Да трои сени косящатые,
Да трои сени решетчатые.
Хорошо в теремах изукрашено:
На небе солнце, в тереме солнце;
На небе месяц, в тереме месяц;

На небе звезды, в тереме звезды;
На небе заря, в тереме заря
И вся красота поднебесная.
Рано зазвонили к заутрени,
Ото сна-то Запава пробужалася,
Посмотрела сама в окошечко косящатое,
Вишенья, в орешенья,
Во свой, ведь, хорошой, во зеленой сад;
Чудо Запаве показалося
В ее хорошем, зеленом саду,
Что стоят три терема златоверховаты.
Говорила Запава Путятишна:
„Гой еси, нянюшки и мамушки,
Красные сенные девушки!
Подте-тка, посмотрите-тка,
Что мне за чудо показалося
Вишенье, в орешенье?“
Отвечают нянюшки, мамушки
И сенные красные девушки:
„Матушка, Запава Путятишна!
Изволь-ко сама посмотреть:
Счастье твое на двор к тебе пришло“.
Скоро-де Запава наряжается,
Надевала шубу соболиную,
Цена-то шубе три тысячи,
А пуговки в семь тысячей.
Пошла она вишенье, в орешенье,
Во свой во хорош, во зеленой сад;
У перваго терема послушала:
Тут в терему щелчит, молчит,
Лежит Соловьева золота казна.
Во втором терему послушала:
Тут в терему потихоньку говорят,
Помаленьку говорят, всё молитву творят:
Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны, многоразумными.

У третьего терема послушала:
Тут в тереме музыка гремит.
Та входила Запава в сени косящатые,
Отворяла двери на пяту,
Больно Запава испужалася,
Резвы ноги подломилися,
Чудо в тереме показалося:
На небе солнце, в тереме солнце;
На небе месяц, в тереме месяц;
На небе звезды, в тереме звезды;
На небе заря, в тереме заря
И вся красота поднебесная.
Подломились ее ноженьки резвые;
Втапоры Соловей, он догадлив был,
Бросил свои звончаты гусли,
Подхватывал девицу за белы ручки,
Клал на кровать слоновых костей,
Да на те ли перины пуховые:
„Чего-де ты, Запава, испужалася?
Мы-де оба на возрасте".
„А и я-де девица на выданье,
Пришла-де сама за тебя свататься".
Тут они и помолвили.
Целовалися они, миловалися,
Золотыми перстнями поменялися.
Проведала его Соловьева матушка,
Честна вдова Амелфа Тимофеевна,
Свадьбу кончати посрочила:
„Съезди-де за моря синие,
И когда-де там расторгуешься,
Тогда и на Запаве женишься".
Отъезжал Соловей за моря синие.
Втапоры поехал и голой шап Давид Попов,
Скоро за морями исторгуется,
А скорей того назад в Киев прибежал;
Приходил ко ласкову князю с подарками,

Принес сукно смурое,
Да крашенину печатную.
Втапоры князь стал спрашивати:
„Гой еси ты, голой шап Давид Попов!
Где ты слыхал, где видывал,
Про гостя богатого, про молода
Соловья, сына Будимеровича?“
Отвечал ему голой шап:
„Я-де об нем слышал,
Да и сам подлинно видел в городе Леденце,
У того царя заморского;
Соловей у царя в протаможье попал,
И за то посажен в тюрьму,
А корабли его отобраны
На его ж царское величество“.
Тут ласковой Владимер князь закручинился,
Скоро вздумал о свадьбе,
Что отдать Запаву за голого шапа Давида Попова.
Тысяцкой — ласковой Владимер князь,
Свашела — княгиня Апраксевна,
В поезду князи и бояра,
Поезжали ко церкви божии.
Втапоры ж в Киев флот пришел
Богатого гостя, молода
Соловья, сына Будимеровича,
Ко городу ко Киеву,
Якори метали во быстрой Днепр,
Сходни бросали на крут, красен бережок;
Выходил Соловей со дружиною,
Из Сокола корабля с каликами,
Во белом платье сорок калик со каликою.
Походили они ко честной вдове Амелфе Тимофеевне.
Правят челобитье от сына ее, гостя богатого,
От молода Соловья Будимеровича,
Что прибыл флот в девяносте кораблях,

И стоит на быстром Непре, под городом Киевом;
А оттуда пошли ко ласкову князю Владимеру
На княженецкой двор,
И стали во единой круг.
Втапоры следовал со свадьбою
Владимер князь в дом свой.
И пошли во гридни светлые,
Садилися за столы белодубовые,
За яства сахарные,
И позвали на свадьбу сорок калик со каликою.
Тогда ласковой Владимер князь
Велел подносить вина им заморские
И меда сладкие.
Тотчас по поступкам Соловья опозныватли,
Приводили его ко княженецкому столу,
Сперва говорила Запава Путятишна:
„Гой еси мой, сударь, дядюшка,
Ласковой, сударь, Владимер князь!
Тот-то мой прежний обрученной жених
Молодой Соловей, сын Будимерович,
Прямо, сударь, скачу — обесчещу столы“.
Говорил ей ласковой Владимер князь:
„А ты гой еси, Запава Путятишна!
А ты прямо не скачи — не бесчести столы“.
Выпускали ее из-за дубовых столов,
Пришла она к Соловью, поздоровалась,
Взяла его за рученьку белую,
И пошла за столы белодубовы,
И сели они за яства сахарные, на большо место.
Говорила Запава таково слово
Голому шапу Давиду Попову:
„Здравствуй! женимши, да не с кем спать“.
Втапоры ласковой Владимер князь весел стал,
А княгиня наипаче того,
Поднимали пирушку великую.

2

Гость Терентище

В стольном Новегороде,
Было в улице во Юрьевской,
В слободе было Терентьевской;
А и жил был богатой гость,
А по имени Терентище:
У него двор на целой версте,
А кругом двора железной тын,
На тынинке по маковке,
А и есть по земчужинке;
Ворота были вальящатые,
Вереи хрустальные,
Подворотина рыбей зуб.
Середи двора гридня стоит,
Покрыша седых бобров,
Потолок черных соболей,
А и матица-то волженая,
Была печка муравленая,
Середа была кирпичная;
А на середи кроватка стоит,
Да кровать слоновых костей,
На кровати перина лежит,
На перине зголовье лежит,
На зголовье молодая жена
Авдотья Ивановна.
Она с вечера трудна, больна,
Со полуночи недужна вся:
Расходился недуг в голове,
Разыгрался утин в хребте,
Пустился недуг к сердцу.

. . . .
. . . .
. . . .

Говорила молодая жена Авдотья Ивановна:
„А и гой еси, богатой гость,
И по имени Терентище!
Возми мои золотые ключи,
Отмыкай окован сундук,
Вынимай денег сто рублев;
Ты поди, дохтуров добывай,
Волхи-то спрашивати“.
А втапоры Терентище
Он жены своей слушался,
И жену-то во любви держал;
Он взял золоты ее ключи,
Отмыкал окован сундук,
Вынимал денег сто рублев,
И пошел дохтуров добывать.
Он будет Терентище
У честна креста Здвиженья,
У жива моста калинова;
В стречу Терентищу
Веселые скоморохи,
Скоморохи люди вежливые,
Скоморохи очестливые,
Об ручку Терентью челом:
„Ты здравствуй, богатой гость,
И по имени Терентище!
Доселева тя слыхом не слыхать,
И доселева видом не видать,
А и ноне ты, Терентище,
А и бродишь по чисту полю,
Что корова заблудящая,
Что ворона залетящая“.
А и на то-то он не сердится;
Говорит им Терентище:
„А и вы гой, скоморохи молодцы!
Что не сам я, Терентий, зашел,
И не конь-то богатого завез,

Завела нужда, бедность;
..... у меня есть молодая жена
Авдотья Ивановна.
Она с вечера трудна, больна,
Со полуночи недужна вся:
Расходился недуг в голове,
Разыграся утин в хребте,
Пустился недуг к сердцу.

. . . .

. . . .

. . . .

А кто бы-де недугам пособил,
Кто недуги бы прочь отгонил
От моей молодой жены,
От Авдотьи Ивановны,
Тому дам денег сто рублев,
Без единыя денежки".
Веселые молодцы догадалися,
Друг на друга оглянулися,
А сами усмехнулися:
„А и ты гой еси, Терентище,
Ты нам что за труды заплатишь?"
„Вот вам даю сто рублев".
Повели его Терентища
По славному Новугороду,
Завели его Терентища
Во тот во темный ряд,
А купили шелковой мех:
Дали два гроша мешок;
Пошли они во червленой ряд,
Да купили червленой вяз,
А и дубину ременчатую,
Половина свинцу налита:
Дали за нее десять алтын.
Посадили Терентища
Во тот шелковой мех,

Мехоноша за плеча взял,
Пошли они, скоморохи,
Ко Терентьеву ко двору.
Молода жена опасливая
В окошечко выглянула:
„А и вы гой еси, веселые молодцы!
Вы к чему на двор идете,
Что хозяина в доме нет“.
Говорят веселые молодцы:
„А и гой еси, молодая жена
Авдотья Ивановна!
А и мы тебе челобитье несем
От гостя богатого,
И по имени Терентища!“
И она спохватилася за то:
„А и вы гой еси, веселые молодцы!
Где его видели,
А где про его слышали?“
Отвечают веселые молодцы:
„Мы его слышали,
Сами доподлинно видели
У честна креста Здвиженья,
У жива моста калинова,
Голова по себе его лежит
И вороны в .... клюют“.
Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:
„Веселые скоморохи!
Вы подите во светлую гридню,
Садитесь на лавочки,
Поиграйте во гусельцы,
И пропойте-ка песенку
Про гостя богатого,
Про старого .... сына,
И по имеию Терентища:
Во дому бы его век не видать“.

Веселые скоморохи
Садилися на лавочки,
Заиграли во гусельцы,
Запели они песенку:
„Слушай, шелковой мех,
Мехоноша за плечами,
И слушай, Терентий гость,
Что про тебя говорят.
Говорит молодая жена
Авдотья Ивановна,
Про стара мужа Терентища,
Про старого .... сына:
Во дому бы тебе век не видать! —
Шевелись, шелковой мех,
Мехоноша за плечами,
Вставай-ка, Терентище,
Лечить молодую жену,
Бери червленой вяз,
Ты дубину ременчатую,
Походи-ка, Терентище,
По своей светлой гридне
И по середи кирпищатой
Ко занавесу белому,
Ко кровати слоновых костей,
Ко перине ко пуховые,
А лечи-ка ты, Терентище,
А лечи-ка ты молоду жену
Авдотью Ивановну“.
Вставал же Терентище,
Ухватил червленой вяз,
А дубину ременчатую,
Половина свинцу налита,
Походил он Терентище
По своей светлой гридне,
За занавеску белую,
Ко кровати слоновых костей,

Он стал молоду жену лечить
Авдотью Ивановну:
Шлык с головы у нее сшиб,
Посмотрит Терентище
На кровать слоновых костей,
На перину па пуховую,
А недуг-от пошевеливается
Под одеялом соболиным.
Он-то, Терентище,
Недуга-то вон погнал,
Что дубиною ременчатою;
А недуг-от не путем
В окошко скочил,
Чуть головы не сломил:
На корачках ползает,
Одва от окна отполоз.
Он оставил, педужище:
Кафтан хрущатой камки,
Камзол баберековой,
А и денег пятьсот рублев;
Втапоры Терентище
Дал еще веселым
Другое сто рублев,
За правду великую.

3

Дюк Степанович

Из-за моря, моря синего,
Из славна Волынца, красна Галичья,
Из тоя Карелы богатыя,
Как ясен сокол вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал,
Выезжал удача доброй молодец,

Молодой Дюк сын Степанович,
По прозванью Дюк был боярской сын:
А и конь под ним, как бы лютой зверь,
Лютой зверь конь — и бур-космат,
У коня грива на леву сторону, до сырой земли;
Он сам на коне, как ясен сокол,
Крепки доспехи на могучих плечах;
Немного с Дюком живота пошло,
Что куяк и панцырь чиста серебра,
А кольчуга на нем красна золота,
А куяку и панцырю цена лежит три тысячи,
А кольчуге на нем красна золота
Цена сорок тысячей,
А и конь под ним в пять тысячей,
Почему коню цена пять тысячей?
За реку он броду не спрашивает,
Котора река цела верста пятисотная,
Он скачет с берегу на берег:
Потому цена коню пять тысячей.
Еще с Дюком не много живота пошло:
Пошел тугой лук разрывчатой,
А цена тому луку три тысячи,
Потому цена луку три тысячи:
Полосы были серебряны,
А рога красна золота,
А и тетивочка была шелковая,
А белого шелку шимаханского;
И колчан пошел с ним каленых стрел,
А в колчане было за триста стрел,
Всякая стрела по десяти рублев,
А и еще есть во колчане три стрелы,
А и тем стрелам цены нет,
Цены не было и не сведомо;
Потому тем стрелам цены не было:
Колоты они были из трость древа,
Строганы те стрелки во Новегороде,

Клеены они клеем осетра рыбы,
Перены они перьицем сиза орла,
А сиза орла, орла орловича,
А того орла, птицы камския,
Не тоя-то Камы, коя в Волгу пала,
А тоя-то Камы за синим морем,—
Своим устьем впала в сине море;
А летал орел над синим морем,
А ронил он перьица во сине море,
А бежали гости корабельщики,
Собирали перья на синем море,
Вывозили перья на святую Русь,
Продавали душам красным девицам;
Покупала Дюкова матушка
Перо во сто рублев, во тысячу.
Почему те стрелки дороги?
Потому они дороги,
Что в ушах поставлено по тирону,
По каменю по дорогу самоцветному;
А и еще у тех стрелок
Подле ушей перевивано
Аравитским золотом.
Ездит Дюк подле синя моря
И стреляет гусей, белых лебедей,
Перелетных, серых малых уточек;
Он днем стреляет,
В ночи те стрелки сбирает,
Как днем-то стрелочек не видети,
А в ночи те стрелки, что свечи горят,
Свечи теплются воску ярого:
Потому они стрелки дороги.
Настрелял он, Дюк, гусей, белых лебедей,
Перелетных, серых малых уточек,
Поехал ко городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру.
Он будет в городе Киеве,

Что у ласкова князя Владимера,
Середи двора княженецкого
А скочил он со добра коня,
Привязал коня к дубову столбу,
К кольцу булатному,
Походил во гридню во светлую,
Ко великому князю Владимеру;
Он молился Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею,
На все четыре стороны.
Тут сидят князи, бояра,
Скочили все на резвы ноги,
А глядят на молодца, дивуются.
И Владимер князь стольной киевской
Приказал наливать чару зелена вина в полтора ведра,
Подавали Дюку Степанову,
Принимает он, не чванится,
А принял чару единой рукой,
А выпил чару единым духом;
И Владимер князь стольной киевской
Посадил его за единой стол хлеба кушати,
А и повары были догадливые,
Носили яства сахарные
И носили питья медвяные,
И клали калачики крупичаты
Перед того Дюка Степанова.
А сидит Дюк за единым столом
Со теми князи и бояры,
Откушал калачики крупичаты,
Он верхню корочку отламыват,
А нижню корочку прочь откладыват.
А во Киеве был щастлив добре
Как бы молоды Чурила, сын Пленкович,
Оговорил он Дюка Степанова:

„Что ты Дюк, чем чванишься?
Верхню корочку отламывашь,
А нижню прочь откладывашь“.
Говорил Дюк Степанович:
„Ой ты ой еси, Владимер князь!
В том ты на меня не прогневайся:
Печки у тебя биты глинняны,
А подики кирпичные,
А помелечко мочальное
В лохань обмакивают;
А у меня Дюка Степанова,
А у моей сударыни матушки
Печки были муравлены,
А подики медные,
Помелечко шелковое
В сыту медвяную обмакивают;
Калачик съешь — больше хочется“.
Втапоры князю Владимеру
Захотелось к Дюку ехати,
Зовет с собой князей, бояр,
И взял Чурила Пленковича.
И приехали они на пашню к нему,
Ко тем крестьянским дворам;
И тут у Дюка стряпчий был,
Припас про князя Владимера почестной стол.
И садился ласковой Владимер князь
Со своими князи, бояры
За те столы белодубовы;
И втапоры повары были догадливы,
Носили яства сахарные
И питья медвяные.
И будет день в половина дни
И будет стол во полустоле —
Владимер князь полсыта наедается,
Полпьяна напивается,
Говорил он тут Дюку Степанову:

„Каково про тебя сказывали,
Таков ты и есть“.
Покушавши, ласковой Владимер князь
Велел дом его переписывать,
И был в том дому сутки четверо;
А и дом его крестьянской переписывали.
Бумаги не стало, то оттеля Дюк Степанович
Повел князя Владимера
Со всеми гостьми и со всеми людьми
Ко своей сударыне матушке,
Честной вдове многоразумныя.
И будут они в высоких теремах,
И ужасается Владимер князь,
Что в теремах хорошо изукрашено.
И втапоры честна вдова, Дюкова матушка,
Обед чинила про князя Владимера
И про всех гостей, про всех людей;
И садился Владимер князь
За столы убраные, за яства сахарные
Со всеми гостьми, со всеми людьми.
Втапоры повары были догадливы,
Носили яства сахарные, питья медвяные.
И будет день в половина дни,
Будет стол во полустоле,
Говорил он, ласковой Владимер князь:
„Исполать тебе, честна вдова многоразумная
Со своим сыном, Дюком Степановым!
Употчевала меня со всеми гостьми, со всеми людьми;
Хотел было ваш и этот дом описывать,
Да отложил все печали на радости“.
И втапоры честна вдова многоразумная
Дарила князя Владимера
Своими честными подарками:
Сорок сороков черных соболей,
Второе сорок бурнастых лисиц,

Еще сверх того каменьи самоцветными.
То старина, то и деянье:
Синему морю на утишенье;
Быстрым рекам слава до моря;
А добрым людям на послушанье,
Веселым молодцам на потешенье.

4

Щелкан Дюдентевич

А и деялося в Орде,
Передеялось в Большой,
На стуле золоте,
На рытом бархате,
На червчатой камке
Сидит тут царь Азвяк,
Азвяк Таврулович;
Суды рассуживает
И ряды разряживает,
Костылем размахивает
По бритым тем усам,
По татарским тем головам,
По синим плешам.
Шурьев царь дарил,
Азвяк Таврулович,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме;
Одного не пожаловал

Любимого шурина
Щелкана Дюдентевича.
За что не пожаловал?
И за то он не пожаловал,
Его дома не случилося.
Уезжал-то млад Щелкан
В дальную землю Литовскую,
За моря синие,
Брал он, млад Щелкан,
Дани, невыходы,
Царски невыплаты;
С князей брал по сту рублев,
С бояр по пятидесят,
С крестьян по пяти рублев;
У которого денег нет,
У того дитя возмет;
У которого дитя нет,
У того жену возмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возмет.
Вывез млад Щелкан
Дани выходы,
Царские невыплаты;
Вывел млад Щелкан
Коня во сто рублев,
Седло во тысячу,
Узде цены ей нет.
Не тем узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тем узда дорога,—
Царское жалованье,
Государево величество;
А нельзя, дескать,
Тое узды ни продать, ни променять
И друга дарить,
Щелкана Дюдентевича.

Проговорит млад Щелкан,
Млад Дюдентевич:
„Гой еси, царь Азвяк,
Азвяк Таврулович!
Пожаловал ты молодцов,
Любимых шуринов,
Двух удалых Борисовичев:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме;
Пожалуй ты, царь Азвяк,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи“.
Проговорит царь Азвяк,
Азвяк Таврулович:
„Гой еси, шурин мой
Щелкан Дюдентевич!
Заколи-тко ты сына своего,
Сына любимого,
Крови ты чашу нацади,
Выпей ты крови тоя,
Крови горячия;
И тогда я тебя пожалую
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи“.
Втапоры млад Щелкан
Сына своего заколол,
Чашу крови нацадил,
Крови горячия,
Выпил чашу тоя крови горячия;
А втапоры царь Азвяк

За то его пожаловал
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи.
И втепоры млад Щелкан
Он судьею насел
В Тверь ту старую,
В Тверь ту богатую.
А немного он судьею сидел:
И вдовы-то бесчестити,
Красны девицы позорити,
Надо всеми наругатися,
Над домами насмехатися.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадские,
Они жалобу приносили
Двум братцам родимыим,
Двум удалым Борисовичам;
От народа они с поклоном пошли,
С честными подарками;
И понесли они честные подарки
Злата, серебра и скатного земчуга.
Изошли его в доме у себя
Щелкана Дюдентевича;
Подарки принял от них,
Чести не воздал им.
Втапоры млад Щелкан
Зачванился он, загордился,
И они с ним раздорили:
Один ухватил за волосы,
А другой за ноги,
И тут его разорвали.
Тут смерть ему случилася,
Ни на ком не сыскалося.

5

Мастрюк Темрюкович

В годы прежние,
Времена первоначальные,
При бывшем вольном царе,
При Иване Васильевиче,
Когда холост был государь
Царь Иван Васильевич,
Поизволил он женитися.
Берет он царь государь
Не у себя в каменной Москве,
А берет он царь государь
В той Золотой орде,
У того Темрюка царя,
У Темрюка Степановича,
Он Марью Темрюковну,
Сестру Мастрюкову,
Купаву крымскую,
Царицу благоверную.
А и царского поезду
Полторы было тысячи:
Князи, бояра, могучие богатыри,
Пять сот донских казаков,
Что ни лучших добрых молодцов.
Здравствует царь государь
Через реки быстрые,
Через грязи смоленские,
Через лесы брынские,
Он здравствует царь государь
В той Золотой орде,
У того Темрюка царя,
У Темрюка Степановича;

Он понял царь государь
Царицу благоверную
Марью Темрюковну,
Сестру Мастрюкову;
И взял в провожатые за ней
Триста татаринов,
Четыреста бухаринов,
Пять сот черкашенинов
И любимого шурина
Мастрюка Темрюковича,
Молодого черкашенина.
Уж царскаго поезду
Без малаго три тысячи,
Везут золоту казну
Ко царю в каменну Москву.
Переехал царь государь
Он реки быстрые,
Грязи смоленские
И леса брынские.
Он здравствует царь государь
У себя в каменной Москве,
Во палатах белокаменных,
В возлюбленной крестовой своей:
Пир навеселе,
Повел столы на радостях.
И все ли князи, бояра,
Могучие богатыри
И гости званые,
Пять сот донских казаков
Пьют, едят, потешаются,
Зелено вино кушают,
Белу лебедь рушают.
А един не пьет да не ест,
Царской гость дорогой,
Мастрюк Темрюкович,
Молодой черкашенин.

И зачем хлеба соли не ест,
Зелена вина не кушает,
Белу лебедь не рушает?
У себя на уме держит:
Изошел он семь городов,
Поборол он семьдесят борцов,
И по себе борца не нашел;
И только он думает,
Ему вера поборотися есть
У царя в каменной Москве,
Хочет царя потешити
Со царицею благоверною,
Марьею Темрюковною;
Он хочет Москву загонять,
Сильно царство Московское.
Никита Романович
Об том царю доложил,
Царю Ивану Васильевичу:
„А и гой еси, царь государь,
Царь Иван Васильевич!
Все князи, бояра,
Могучие богатыри
Пьют, едят, потешаются
На великих на радостях;
Один не пьет, не ест
Твой царской гость дорогой,
Мастрюк Темрюкович,
Молодой черкашенин:
У себя он на уме держит,
Вера поборотися есть,
Твое царское величество потешити
Со царицею благоверною“.
Говорит тут царь государь,
Царь Иван Васильевич:
„Ты садися, Никита Романович,
На добра коня,

Побеги по всей Москве,
По широким улицам
И по частым переулочкам".
Он будет, дядюшка,
Никита Романович,
Середь Урья Повольскаго,
Слободы Александровы.
Два братца родимые
По базару похаживают,
А и бороды бритые,
Усы торженые,
А платье саксонское,
Сапоги с раструбами;
Об ручку ту дядюшке челом:
„А и гой еси ты, дядюшка,
Никита Романович!
Кого ты спрашиваешь?
Мы борцы в Москве похваленые,
Молодцы поученые, славные".
Никита Романович
Привел борцов ко дворцу.
Говорили тут борцы молодцы:
„Ты, Никита Романович,
Ты изволь об том царю доложить,
Сметь ли нага спустить
С царским шурином,
И сметь ли его побороть".
Пошел он, Никита Романович,
Об том царю доложил,
Что привел борцов ко дворцу.
Злата труба протрубела
Во палате белокаменной,
Говорил тут царь государь,
Царь Иван Васильевич:
„Ты, Никита Романович,
Веди борцов на двор,

На дворец государевой,
Борцов ученых,
Молодцов похваленых,
И в том им приказ отдавай:
Кто бы Мастрюка поборол,
Царского шурина,
Платье бы с плеч снял,
Да нагого с круга спустил,
А нагого, как мать родила,
А и мать на свет пустила".
Послышал Мастрюк борцов,
Скачет прямо Мастрюк
Из места большого,
Из угла переднего,
Через столы белодубовы,
Через яства сахарные,
Через питья медвяные;
Левой ногой задел
За столы белодубовы,
Повалил он тридцать столов,
Да прибил триста гостей:
Живы, да негодны,
На корачках ползают
По полате белокаменной:
То похвальба Мастрюку,
Мастрюку Темрюковичу.
Выбежал тут Мастрюк
На крылечко красное,
Кричит во всю голову,
Чтобы слышал царь государь:
„А свет ты, вольной царь,
Царь Иван Васильевич!
Что у тебя в Москве
За похвальные молодцы,
Поученые, славные?
На ладонь их посажу,

Другой рукою раздавлю!“
С борцами сходится
Мастрюк Темрюкович:
Борьба его ученая,
Борьба черкаская:
Колесом он бороться пошел.
А и малой выступается,
Мишка Борисович,
Смотрит царь государь,
Что кому будет божья помочь,
И смотрят их борьбу князи, бояра,
И могучие богатыри,
Пять сот донских казаков.
А и Мишка Борисович
С носка бросил о землю,
Он царскаго шурина,
Похвалил его царь государь:
„Исполать тебе молодцу,
Что чисто боресься!“
А и Мишка к стороне пошел,
Ему полно боротися.
А Потанька бороться пошел,
Костылем попирается,
Сам вперед подвитается,
К Мастрюку приближается:
Смотрит царь государь,
Что кому будет божья помочь.
Потанька справился,
За плеча сграбился,
Согнет корчагою,
Воздымал выше головы своей,
Опустил о сыру землю,
Мастрюк без памяти лежит;
Не слыхал, как платье сняли:
Был Мастрюк во всем,
Стал Мастрюк ни в чем;

Ожерелье в пять сот рублев
Без единыя денежки,
А платья саксонского
Снял на три тысячи;
Со стыду и сорому
Окорачках под крылец ползет.
Как бы бела лебедушка
По заре она прокликала,
Говорила царица царю,
Марья Темрюковна:
„Свет ты, вольной царь
Иван Васильевич!
Такова у тебя честь добра
До любимого шурина?
А детина наругается,
Что детина деревенской,
Почто он платье снимает?"
Говорил тут царь государь:
„Гой еси ты, царица во Москве,
Да ты Марья Темрюковна!
А не то у меня честь во Москве,
Что татары-те борются;
То-то честь в Москве,
Что русак тешится!
Хотя бы ему голову сломил
Да любил бы я, пожаловал
Двух братцов родимыих,
Двух удалых Борисовичев".

6

Волх Всеславьевич

По саду, саду по зеленому, ходила, гуляла
Молода княжна Марфа Всеславьевна,
Она с каменю скочила на лютого на змея:
Обвивается лютой змей около чебота зелен сафьян,
Около чулочика шелкова, хоботом бьет по белу
стегну.
А втапоры княгиня понос понесла,
А понос понесла и дитя родила.
А и на небе просветя светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь,
Как бы молоды Волх Всеславьевич:
Подрожала сыра земля,
Стряслося славно царство Индейское,
А и синее море сколыбалося
Для ради рожденья богатырского,
Молода Волха Всеславьевича:
Рыба пошла в морскую глубину,
Птица полетела высоко в небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицам,
А волки, медведи по ельникам,
Соболи, куницы по островам.
А и будет Волх в полтора часа,
Волх говорит, как гром гремит:
„А и гой еси, сударыня матушка,
Молода Марфа Всеславьевна!
А не пеленай во пелену червчатую,
А не пояси в поясья шелковые,
Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатные,
А на буйну голову клади злат шелом,

По праву руку палицу,
А и тяжку палицу свинцовую,
А весом та палица в триста пуд".
А и будет Волх семи годов,
Отдавала его матушка грамоте учиться,
А грамота Волху в наук пошла;
Посадила его уж пером писать,
Письмо ему в наук пошло.
А и будет Волх десяти годов,
Втапоры поучился Волх ко премудростям:
А и первой мудрости учился
Обвертоваться ясным соколом;
Ко другой-то мудрости учился он, Волх,
Обвертоваться серым волком;
Ко третей-то мудрости учился Волх
Обвертоваться гнедым туром — золотые рога.
А и будет Волх во двенадцать лет,
Стал себе Волх он дружину прибирать,
Дружину прибирал в три годы;
Он набрал дружины себе семь тысячей;
Сам он, Волх, в пятнадцать лет,
И вся его дружина по пятнадцати лет.
Прошла та слава великая
Ко стольному городу Киеву:
Индейской царь наряжается,
А хвалится, похваляется,
Хочет Киев град за щитом весь взять,
А божьи церкви на дым спустить
И почестны монастыри разорить.
А втапоры Волх он догадлив был,
Со всею дружиною хороброю
Ко славному царству Индейскому
Тут же с ними во поход пошел.
Дружина спит, так Волх не спит:
Он обвернется серым волком,
Бегал, скакал по темным по лесам и по раменью,

А бьет он звери сохатые,
А и волку, медведю спуску нет,
А и соболи, барсы — любимой кус,
Он зайцам, лисицам не брезгивал.
Волх поил, кормил дружину хоробрую,
Обувал, одевал добрых молодцов:
Носили они шубы соболиные,
Переменные шубы-то, барсовые.
Дружина спит, так Волх не спит:
Он обвернется ясным соколом,
Полетел он далече на сине море,
А бьет он гусей, белых лебедей,
А и серым, малым уткам спуску нет.
А поил, кормил дружинушку хоробрую,
А все у него были яства переменные,
Переменные яства, сахарные.
А стал он Волх вражбу чинить:
„А и гой еси вы, удалы добры молодцы!
Не много, не мало вас, семь тысячей,
А и есть ли, братцы, у вас таков человек,
Кто бы обвернулся гнедым туром,
А сбегал бы ко царству Индейскому,
Проведал бы про царство Индейское,
Про царя Салтыка Ставрульевича,
Про его буйну голову Батыевичу?“
Как бы лист со травою пристилается,
А вся его дружина приклоняется,
Отвечают ему удалы добры молодцы:
„Нету у нас такого молодца,
Опричь тебя Волха Всеславьевича“.
А тут таковой Всеславьевич,
Он обвернулся гнедым туром — золотые рога,
Побежал он ко царству Индейскому,
Он первый скок за целу версту скочил,
А другой скок не могли найти;
Он обвернется ясным соколом,

Полетел он ко царству Индейскому.
И будет он во царстве Индейском,
И сел он на палаты белокаменны,
На те на палаты царские,
Ко тому царю Индейскому
И на то окошечко косящатое.
А и буйные ветры по насту тянут,
Царь со царицею в разговоры говорит;
Говорила царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна:
„А и гой еси ты, славной Индейской царь!
Изволишь ты снаряжатися на Русь воевать,
Про то не знаешь, не ведаешь,
А и на небе просветя светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь,
Тебе царю сопротивничек“.
А втапоры Волх он догадлив был
Сидючи на окошке косящатом,
Он те-то де речи повыслушал,
Он обвернулся горностаем,
Бегал по подвалам, по погребам,
По тем по высоким теремам,
У тугих луков тетивки накусывал,
У каленых стрел железцы повынимал,
У того ружья ведь у огненного
Кременья и шомполы повыдергал,
А все он в землю закапывал.
Обвернется Волх ясным соколом,
Звился он высоко по поднебесью,
Полетел он далече во чисто поле,
Полетел ко своей ко дружине хоробрыя.
Дружина спит, так Волх не спит,
Разбудил он удалых добрых молодцов:
„Гой еси вы, дружина хоробрая!
Не время спать, пора вставать,
Пойдем мы ко царству Индейскому!“

И пришли они ко стене белокаменной,
Крепка стена белокаменна,
Вороты у города железные,
Крюки, засовы все медные,
Стоят караулы денны, нощны,
Стоит подворотня дорог рыбей зуб,
Мудрены вырезы вырезено,
А и только в вырезу мурашу пройти.
И все молодцы закручиниилися,
Закручинилися и запечалилися,
Говорят таково слово:
„Потерять будет головки напрасные,
А и как нам будет стена пройти".
Молодой Волх он догадлив был,
Сам обвернулся мурашиком
И всех добрых молодцов мурашками,
Прошли они стену белокаменну,
И стали молодцы уж на другой стороне
В славном царстве Индейскием.
Всех обвернул добрыми молодцами.
Со своею стали сбруею со ратною,
А всем молодцам он приказ отдает:
„Гой еси вы, дружина хоробрая!
Ходите по царству Индейскому,
Рубите старого, малого,
Не оставьте в царстве на семена;
Оставьте только вы по выбору,
Не много, не мало — семь тысячей
Душечки красны девицы".
А и ходят его дружина по царству Индейскому,
А и рубят старого, малого,
А и только оставляют по выбору
Душечки красны девицы;
А сам он Волх во палаты пошел,
Во те во палаты царские,
Ко тому царю ко Индейскому;

Двери были у палат железные,
Крюки, пробои по булату злачены.
Говорит тут Волх Всеславьевич:
„Хотя нога изломить, а двери выставить!"
Пнет ногой во двери железные,
Изломал все пробои булатные,
Он берет царя за белы руки,
А славного царя Индейского,
Салтыка Ставрульевича,
Говорит тут Волх таково слово:
„А и вас-то царей не бьют, не казнят!"
Ухватя его ударил о кирпищатой пол,
Расшиб его в крохи ....
И тут Волх сам царем насел,
Взявши царицу Азвяковну,
А и молоду Елену Александровну;
А и те его дружина хоробрая
И на тех на девицах пережениліся.
А и молодой Волх тут царем насел,
А то стали люди посадские;
Он злата, серебра выкатил,
А и коней, коров табуном делил,
А на всякого брата по сту тысячей.

7

Сергей хорош

А уж ли вы, миряне,
Государевы дворяне!
Благословите-тко вы, дворяне,
Про Сергея-то сказать,
Про Сергея Боркова
Сына Федоровича.

А не сергеевской Сергей,
Не володимерской Сергей,
А живал все Сергей
На Уфе на реке,
В ямской слободе,
У попа на дворе,
В приворотней избе.
Спознала про Сергея
С гостиного двора гостиная жена,
Гостиная жена,
Крестиною зовут.
Она пиво паварила
И ведро вина купила,
Позвала его, Сергея, на пирушечку.
Приходил Сергей всех прежде людей;
А для-ради Сергея и суседей позвала.
А и тот с борку, иной с борку —
Уже полна изба принабуркалася.
А и день к вечеру вечеряется,
Сергей молодец напивается.
Изволил он, Сергей, ко двору своему идти,
Ко подворью своему.
А в доме Сергей он опаслив был,
Он опаслив был и не верил жене,
И не верил жене и ревнив добре.
Заглянет Сергей: в огороде хмельнике,
В огороде хмельнике, на повети в сеннике,
На перине на боку, в шитом браном пологу,
А и тут Сергей не видал никого.
Заглянет Сергей — во свином котухе,
А увидел он, Сергей, чужого мужика,
А чужого мужика на жене-то своей.
А мужик бабу ...., Сергееву жену.
Сергей заревел, мужика испужал,
А мужик побежал, на поветь скакнул,
На поветь скакнул, он поветь обломил

Да скотину задавил:
Он быка задавил, овцу-яловицу,
Овцу-яловицу, семерых поросят.
А стало у Сергея три беды во дому:
Первая беда — мужик поветь обломил,
А другая беда, то скотину задавил,
А третья беда, то жену его ....
А сел Сергей, сам расплачется:
„А не жаль мне повети и скотины своей,
А жаль мне того, хто жену мою ....
.... ушел, с тоски пропадет.
А кабы-до он ...., спасибо бы сказал,
А спасибо бы сказал, могорец заплатил.
А поветь-то бы цела и скотина-то жива,
И скотина-то жива, и жена бы весела,
А столь бы весела, будто ни в чем не была“.

8

Иван Гостиной сын

В стольном в городе во Киеве,
У славного князя Владимера
Было пированье, почестной пир,
Было столованье, почестной стол
На многи князи, бояра
И на русские могучие богатыри
И гости богатые.
Будет день в половина дня,
Будет пир во полупире;
Владимер князь распотешился,
По светлой гридне похаживает,
Таковы слова поговаривает:
„Гой еси, князи и бояра
И все русские могучие богатыри!

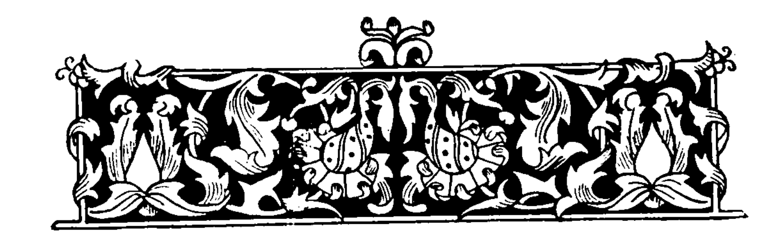
Есть ли в Киеве таков человек,
Кто б похвалился на триста жеребцов,
На триста жеребцов и на три жеребца похваленые:
Сив жеребец да кологрив жеребец,
И которой полонен воронко во Большой орде,
Полонил Илья Муромец сын Иванович,
Как у молода Тугарина Змеевича:
Из Киева бежать до Чернигова
Два девяноста-то мерных верст,
Промеж обедней и заутренею?"
Как бы большой за меньшого хоронится,
От меньшого ему тут, князю, ответу нету.
Из того стола княженецкого,
Из той скамьи богатырския
Выступается Иван Гостиной сын
И скочил на свое место богатырское,
Да кричит он, Иван, зычным голосом:
„Гой еси ты, сударь, ласковой Владимер князь!
Нет у тебя в Киеве охотников,
А и быть перед князем невольником;
Я похвалюсь на триста жеребцов,
И на три жеребца похваленые:
А сив жеребец да кологрив жеребец,
Да третей жеребец полонен воронко,
Да которой полонен во Большой орде,
Полонил Илья Муромец сын Иванович,
Как у молода Тугарина Змеевича:
Ехать дорога не ближняя,
И скакать из Киева до Чернигова,
Два девяноста-то мерных верст,
Промежу обедни и заутрени,
Ускоки давать кониные,
Что выметывать раздолья широкие;
А бьюсь я, Иван, о велик заклад,
Не о сте рублях, не о тысяче,—
О своей буйной голове".

За князя Владимера держат поруки крепкие
Все тут князи и бояра, туто-де гости корабельщики,
Закладу они за князя кладут на сто тысячей;
А никто-до тут за Ивана поруки не держит.
Пригодился тут владыка Черниговской,
А и он-то за Ивана поруку держит,
То он поруки крепкие,
Крепкие на сто тысячей.
Подписался молодой Иван Гостиной сын,
Он выпил чару зелена вина и полтора ведра,
Походил он на конюшню белодубову
Ко своему доброму коню,
К бурочку, косматочку, троелеточку,
Падал ему в правое копыточко,
Плачет Иван, что река течет:
„Гой еси ты, мой доброй конь,
Бурочко, косматочко, троелеточко!
Про то ты ведь не знаешь, не ведаешь,
А пробил я, Иван, буйну голову свою
Со тобою добрым конем:
Бился с князем о велик заклад,
А не о сто рублях, не о тысяче,
Бился с ним о сто тысячей,
Захвастался на триста жеребцов,
А на три жеребца похваленые:
Сив жеребец да кологрив жеребец,
И третей жеребец полонен воронко:
Бегати-скакать на добрых на конях
Из Киева скакать до Чернигова,
Промежу обедни, заутрени,
Ускоки давать кониные,
Что выметывать раздолья широкие“.
Провещится ему добрый конь,
Бурочко, косматочко, троелеточко,
Человеческим русским языком:
„Гой еси, хозяин ласковой мой!

Ни о чом ты, Иван, не печалуйся:
Сива жеребца того не боюсь,
Кологрива жеребца того не блюдусь,
В задор войду—у воронка уйду,
Только меня води по три зари,
Медвяною сытою пои
И сорочинским пшеном корми.
И проидут те дни срочные,
И те часы урочные,
Придет от князя грозен посол
По тебя-то Ивана Гостиного,
Чтобы бегати-скакать на добрых на конях,
Не седлай ты меня, Иван, добра коня,
Только берись за шелков поводок,
Поведешь по двору княженецкому,
Вздень на себя шубу соболиную,
Да котора шуба в три тысячи,
Пуговки в пять тысячей;
Поведешь по двору княженецкому,
А стану-де я, бурка, передом ходить,
Копытами за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
На все стороны побрасывати,
Князи, бояра подивуются,
И ты будешь жив—шубу наживешь,
А не будешь жив, будто нашивал".
По сказанному и по писанному:
От великого князя посол пришел,
А зовет-то Ивана на княженецкой двор.
Скоро-де Иван наряжается,
И вздевал на себя шубу соболиную,
Которой шубе цена три тысячи,
А пуговки вальящатые в пять тысячей;
И повел он коня за шелков поводок.
Он будет-де, Иван, середи двора княженецкого,
Стал его бурко передом ходить

И копытами он за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
Он на все стороны нобрасывати;
Князи и бояра дивуются,
Купецкие люди засмотрелися.
Зрявкает бурко по-турпному,
Он шип пустил по-змеиному,
Триста жеребцов испугалися,
С княженецкого двора разбежалися:
Сив жеребец две ноги изломил,
Кологрив жеребец тот и голову сломил,
Полонен воронко в Золоту орду бежит,
Он, хвост подняв, сам всхрапывает.
А князи-то и бояра испужалися,
Все тут люди купецкие,
Окарачь они по двору наползалися;
А Владимер князь со княгинею печален стал,
По подполью наползалися,
Кричит сам в окошечко косящатое:
„Гой еси ты, Иван Гостиной сын!
Уведи ты уродья со двора долой;
Просты поруки крепкие, записи все изодраные!"
Втапоры владыка Черниговской
У великого князя на почестном пиру,
Велел захватить три корабля на быстром Непру,
Велел похватить корабли
С теми товары заморскими,—
А князи-де и бояра никуда от нас не уйдут.

9

Три года Добрынюшка стольничал

В стольном в городе во Киеве,
У славного, сударь, князя у Владимера
Три годы Добрынюшка стольничал,
А три годы Никитич приворотничал,
Он стольничал, чашничал девять лет,
На десятой год погулять захотел
По стольному городу по Киеву;
Взявши Добрынюшка тугой лук,
А и колчан себе каленых стрел,
Идет он по широким по улицам,
По частым мелким переулочкам,
По горницам стреляет воробушков,
По повалушам стреляет он сизых голубей.
Зайдет в улицу Игнатьевску,
И во тот переулок Маринин,
Взглянет ко Марине на широкой двор,
На ее высокие терема.
А у молодой Марины Игнатьевны,
У ее на хорошем высоком терему,
Сидят тут два сизые голубя,
Над тем окошком косящатым,
Целуются они, милуются,

Желты носами обнимаются.
Тут Добрыне за беду стало,
Будто над ним насмехаются,
Стреляет в сизых голубей;
А спела ведь тетивка у туга лука,
Звыла да пошла калена стрела.
По грехам над Добрынею учинилося,
Левая нога его поскользнула,
Права рука удрогнула,
Не попал он в сизых голубей,
Что попал он в окошечко косящатое,
Проломил он оконницу стекольчатую,
Отшиб все причалины серебряные,
Расшиб он зеркало стекольчатое;
Белодубовы столы пошаталися,
Что питья медвяные восплеснулися.
А втапоры Марине безвременье было,
Умывалася Марина, снаряжалася,
И бросилася на свой широкой двор:
„А кто это, невежа, на двор заходил?
А кто это, невежа, в окошко стреляет?
Проломил оконницу мою стекольчатую,
Отшиб все причалины серебряные,
Расшиб зеркало стекольчатое?“
И втапоры Марине за беду стало,
Брала она следы горячие молодецкие,
Набирала Марина беремя дров,
А беремя дров белодубовых,
Клала дровца в печку муравленую
Со теми следы горячими,
Разжигает дрова палящатым огнем,
И сама она дровам приговаривает:
„Сколь жарко дрова разгораются
Со теми следы молодецкими,
Разгоралось бы сердце молодецкое
Как у молода Добрынюшки Никитьевича“.

А и божье крепко, вражье-то лепко.
Взяло Добрыню пуще вострого ножа,
По его по сердцу богатырскому,
Он с вечера, Добрыня, хлеба не ест,
Со полуночи Никитичу не уснется,
Он белого свету дожидается.
По его-то щаски великия
Рано зазвонили ко заутреням;
Встает Добрыня ранешенько,
Подпоясал себе сабельку вострую,
Пошел Добрыня к заутрени,
Прошел он церкву соборную,
Зайдет ко Марине на широкой двор,
У высокого терема послушает.
А у молоды Марины вечеринка была,
А и собраны были душечки красны девицы,
Сидят и молоденьки молодушки,
Все были дочери отецкие,
Все тут были жены молодецкие.
Вшел он Добрыня во высок терем,—
Которые девицы приговаривают,
Она, молода Марина, отказывает и прибранивает.
Втапоры Добрыня ни во что положил,
И к ним бы Добрыня в терем не пошел.
А стала его Марина в окошко бранить,
Ему больно пенять.
Завидел Добрыня он Змея Горынчата,
Тут ему за беду стало,
За великую досаду показалося,
Сбежал на крылечко на красное.
А двери у терема железные,
Заперлася Марина Игнатьевна,
А и молодой Добрыня Никитич млад
Ухватит бревно он в охват толщины,
А ударил он во двери железные,
Не доладом из пяты он вышиб вон,

И сбежал он на сени косящаты,
Бросилась Марина Игнатьевна
Бранить Добрышю Никитича:
„Деревенщина ты детина, зашельщина!
Вчерась ты, Добрыня, на двор заходил,
Проломил мою оконницу стекольчатую,
Ты расшиб у меня зеркало стекольчатое“.
А бросится Змеища Горынчища,
Чуть его, Добрышю, огнем не спалил,
А и чуть молодца хоботом не ушиб,
А и сам тут Змей почал бранити его,
Больно пеняти: „Не хощу я звати Добрынею,
Не хощу величать Никитичем,
Называю те детиною деревенщиною и зашельщиною;
Почто ты, Добрыня, в окошко стрелял?
Проломил ты оконницу стекольчатую,
Расшиб зеркало стекольчатое?“
Ему тута-тко, Добрыне, за беду стало
И за великую досаду показалося;
Вынимал саблю вострую,
Воздымал выше буйны головы своей:
„А и хощешь ли тебя, Змея, изрублю я
В мелкие части пирожные,
Разбросаю далече по чистом полю?“
А и тут Змей Горынич хвост поджал
Да и вон побежал;
Взяла его страсть, так зачал .....
Околышки метал, но три пуда ....
Бегучи он, Змей, заклинается:
„Не дай бог бывать ко Марине в дом,
Есть у нее не один я друг,
Есть лучше меня и повежливее“.
А молода Марина Игнатьевна
Она высунулась по пояс в окно,
В одной рубашке без пояса;

А сама она Змея уговаривает:
„Воротись, мил надёжа, воротись, друг!
Хошь я Добрыню оберну клячею водовозною?
Станет-де Добрыня на меня и на тебя воду возить;
А еще хошь я Добрыню оберну гнедым туром?“
Обернула его, Добрыню, гнедым туром,
Пустила его далече во чисто поле,
А где-то ходя́т девять туров,
А девять туров, девять братеников,
Что Добрыня им будет десятой тур,
Всем атаман — золотые рога.
Безвестно не стало богатыря молода,
Добрыни Никитьевича,
Во стольном в городе во Киеве.
А много-де прошло поры, много времени,
А и не было Добрыни шесть месяцов,
По нашему-то, сибирскому, словет полгода.
У великого князя вечеринка была,
А сидели на пиру честные вдовы,
И сидела тут Добрынина матушка,
Честна вдова Афи́мья Александровна,
А другая честна вдова, молода Анна Ивановна,
Что Добрынина матушка крестовая.
Промежу собою разговоры говорят,
Все были речи прохладные.
Неоткуль взялась тут Марина Игнатьевна,
Водилася с дитятами княженецкими;
Она больно, Марина, упивалася,
Голова на плечах не держится,
Она больно, Марина, похваляется:
„Гой еси вы, княгини, боярыни!
Во стольном во городе во Киеве
А и нет меня хитрея, мудрея,
А и я-де обернула девять молодцов,
Сильных могучих богатырей, гнедыми турами;
А и ноне я-де опустила десятого молодца,

Добрыню Никитьевича,
Он всем атаман — золотые рога“.
За то-то слово изымается
Добрынина матушка родимая,
Честна вдова Афимья Александровна,
Наливала она чару зеленого вина,
Подносила любимой своей кумушке,
А сама она за чарою заплакала:
„Гой еси ты, любимая кумушка,
Молода Анна Ивановна!
А и выпей чару зелена вина,
Поминай ты любимого крестника
А и молода Добрыню Никитьевича,
Извела его Марина Игнатьевна,
А и ныне на пиру похваляется“.
Проговорит Анна Ивановна:
„Я-де сама эти речи слышала,
А слышала речи ее похвальные“.
А и молода Анна Ивановна
Выпила чару зелена вина,
А Марину она по щеке ударила,
Сшибла она с резвых ног,
А и топчет ее по белым грудям,
Сама она Марину больно бранит:
„А и сука ты, ..., еретница .....!
Я-де тебя хитрея и мудренея,
Сижу я на пиру, не хвастаю;
А и хошь ли я тебя сукой оберну?
А станешь ты, сука, по городу ходить,
А станешь ты, Марина, много за собой псов водить“.

А и женское дело прелестивое,
Прелестивое, перепадчивое.
Обернулася Маринка косаточкой,
Полетела далече во чисто поле,
А где-то ходят девять туров,

Девять братеников,
Добрыня-то ходит десятый тур;
А села она на Добрыню, на правой рог,
Сама она Добрыню уговаривает:
„Нагулялся ты, Добрыня, во чистом поле,
Тебе чисто поле наскучило,
И зыбучие болоты напрокучили,
А и хошь ли, Добрыня, женитися?
Возмешь ли, Никитич, меня за себя?“
„А право возму, ей богу, возму!
А и дам те, Марина, поученьице,
Как мужья жен своих учат“.
Тому она, Марина, не поверила,
Обвернула его добрым молодцом,
По-старому, по-прежнему,
Как бы сильным могучим богатырем,
Сама она обернулася девицею;
Они в чистом поле женилися,
Круг ракитова куста венчалися.
Пошел он к городу ко Киеву,
А идет за ним Марина роскорякою.
Пришли они ко Марине на высок терем,
Говорил Добрынюшка Никитич млад:
„А и гой еси ты, моя молодая жена,
Молода Марина Игнатьевна!
У тебя в высоких хороших теремах
Нету Спасова образа,
Некому у тя помолитися,
Не за что стенам поклонитися,
А и чай моя вострая сабля заржавела?“
А и стал Добрыня жену свою учить,
Он молоду Марину Игнатьевну,
Еретницу, ..., безбожницу;
Он первое ученье — ей руку отсек,
Сам приговаривает:
„Эта мне рука не надобна,

Трепала она, рука, Змея Горынчища".
А второе ученье — ноги ей отсек:
„А и эта-де нога мне не надобна,
Оплеталася со Змеем Горынчищем".
А третье ученье — губы ей обрезал и с носом прочь:
„А эти-де губы не надобны мне,
Целовали они Змея Горынчища!"
Четвертое ученье — голову ей отсек и с языком прочь:
„А и эта голова не надобна мне,
И этот язык не надобен,
Знал он дела еретические".

10

Василий Буслаев

В славном Великом Новеграде,
А и жил Буслай до девяноста лет;
С Новымгородом жил, не перечился,
Со мужики новогородскими
Поперек словечка не говаривал.
Живучи Буслай состарелся,
Состарелся и переставился.
После его веку долгого
Оставалося его житье-бытье
И все имение дворянское;
Осталася матера вдова,
Матера Амелфа Тимофеевна,
И оставалося чадо милое
Молоды сын Василей Буслаевич.
Будет Васинька семи годов,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна,

Учить его во грамоте,
А грамота ему в наук пошла;
Присадила пером его писать,
Письмо Василью в наук пошло;
Отдавала петью учить церковному,
Петье Василью в наук пошло.
А и нет у нас такого певца,
Во славном Новегороде,
Сопротив Василья Буслаева.
Поводился ведь Васка Буслаевич
Со пьяницы, с безумницы,
С веселыми удалыми добрыми молодцы,
Допьяна уж стал напиватися,
А и ходя в городе уродует:
Которого возмет он за руку,
Из плеча тому руку выдернет;
Которого заденет за ногу,
То из гузна ногу выломит;
Которого хватит поперек хребта,
Тот кричит, ревет, окорачь ползет.
Пошла-то жалоба великая;
А и мужики новогородские,
Посадские, богатые
Приносили жалобу они великую
Матерой вдове Амелфе Тимофеевне
На того на Василья Буслаева;
А и мать-то стала его журить, бранить,
Журить, бранить, его на ум учить.
Журьба Васке не взлюбилася,
Пошел он, Васка, во высок терем,
Садился Васка наременчатой стул,
Писал ярлыки скорописчаты,
О мудрости слово поставлено:
„Кто хощет пить и есть из готового,
Валися к Васке на широкой двор,
Тот пей и ешь готовое

И носи платье разноцветное!“
Рассылал те ярлыки со слугой своей
На те улицы широкие
И на те частые переулочки;
В то же время поставил Васка чан середи двора,
Наливал чан полон зелена вина,
Опущал он чару в полтора ведра.
Во славном было во Новеграде
Грамотны люди шли,
Прочитали те ярлыки скорописчаты,
Пошли ко Васке на широкой двор
К тому чану, зелену вину.
В начале был Костя Новоторженин,
Пришел он, Костя, на широкой двор,
Василий тут его опробовал:
Стал его бити червленым вязом,
В половине было налито
Тяжела свинцу чебурацкого,
Весом тот вяз был во двенадцать пуд;
А бьет он Костю по буйной голове,
Стоит тут Костя, не шевельнится,
И на буйной голове кудри не тряхнутся,
Говорил Василей сын Буслаевич:
„Гой еси ты, Костя Новоторженин!
А и будь ты мне названой брат,
И паче мне брата родимого“.
А и мало время позамешкавши
Пришли два брата боярченка,
Лука и Моисей, дети боярские,
Пришли ко Васке на широкой двор;
Молоды Василей сын Буслаевич
Тем молодцам стал радошен и веселешенек.
Пришли тут мужики Залешена,
И не смел Василей показатися к ним.
Еще тут пришло семь братов Сбродовичи,
Собиралися, сходилися

Тридцать молодцов без единого,
Он сам Василей тридцатой стал:
Какой зайдет, — убьют его,
Убьют его, за ворота бросят.
Послышал Василька Буслаевич
У мужиков новгородскиих
Канун варен, пива ячные,
Пошел Василей со дружиною,
Пришел во братчину в Николшину.
„Немалу мы тебе сыпь платим,
За всякого брата по пяти рублев“.
А за себя Василей дает пятьдесят рублев.
А и тот-то староста церковной
Принимал их во братчину в Николшину;
А и зачали они тут канун варен пить,
А и те-то пива ячные.
Молоды Василей сын Буслаевич
Бросился на царев кабак
Со своею дружиною хороброю;
Напилися они туто зелена вина,
И пришли во братчину в Николшину.
А и будет день ко вечеру,
От малого до старого,
Начали уж ребята боротися,
А в ином кругу в кулаки битися;
От тое борьбы от ребячия,
От того бою от кулачного,
Началася драка великая;
Молоды Василей стал драку разнимать,
А иной дурак зашел с носка,
Его по уху оплел;
А и тут Василей закричал громким голосом:
„Гой еси ты, Костя Новоторженин,
И Лука, Моисей, дети боярские!
Уже Ваську меня бьют“.
Поскакали удалы добры молодцы,

Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки, ноги переломали,—
Кричат, ревут мужики посадские.
Говорит тут Василей Буслаевич:
„Гой еси вы, мужики новогородские!
Бьюсь с вами о велик заклад,
Напущаюсь я на весь Новгород
Битися, дратися,
Со всею дружиною хороброю;
Тако вы меня с дружиною побьете,
Новым городом,
Буду вам платить дани, выходы
По смерть свою,
На всякой год по три тысячи;
А буде же я вас побью,
И вы мне покоритеся,
То вам платить мне taкову же дань!“
И в том-то договору руки они подписали.
Началась у них драка-бой великая.
А мужики новогородские,
И все купцы богатые,
Все они вместе сходилися,
На млада Васютку напущалися,
И дерутся они день до вечера.
Молоды Василей сын Буслаевич
Со своею дружиною хороброю,
Прибили они во Новеграде,
Прибили уже много до смерти;
А и мужики новгородские догадалися,
Пошли они с дорогими подарки
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне.
„Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Прими у нас дороги подарочки,
Уйми свое чадо милое

Василья Буслаевича“.
Матера вдова Амелфа Тимофеевна
Принимала у них дороги подарочки,
Посылала девушку-чернавушку
По того Василья Буслаева.
Прибежала девушка-чернавушка,
Сохватала Васку во белы руки,
Потащила к матушке родимыя,
Притащила Васку на широкой двор;
А и та старуха неразмышлена,
Посадила в погреба глубокие
Молода Василья Буслаева,
Затворяла дверьми железными,
Запирала замки булатными.
А его дружина хоробрая
Со теми мужики новгородскими
Дерутся, бьются день до вечера.
А и та-то девушка-чернавушка
На Волх реку ходила по воду,
А змолятся ей тут добры молодцы:
„Гой еси ты, девушка-чернавушка!
Не подай нас у дела у ратного,
У того часу смертного“.
И тут девушка-чернавушка
Бросала она ведро кленовое,
Брала коромысло кипарисово,
Коромыслом тем стала она помахивати
По тем мужикам новогородскиим,
Прибила уж много до смерти.
И тут девка запыхалася,
Побежала ко Василью Буслаеву,
Срывала замки булатные,
Отворяла двери железные:
„А и спишь ли, Василей, или так лежишь?
Твою дружину хоробрую
Мужики новогородские

Всех прибили, переранили,
Булавами буйны головы пробиваны“.
Ото сна Василей пробужается,
Он выскочил на широкой двор.
Не попала палица железная,
Что попала ему ось тележная,
Побежал Василей по Новугороду,
По тем по широким улицам;
Стоит тут старец Пилигримища,
На могучих плечах держит колокол,
А весом тот колокол во триста пуд,
Кричит тот старец Пилигримища:
„А стой ты, Васка! не попорхивай,
Молоды глуздырь, не полетывай!
Из Волхова воды не выпити,
Во Новеграде людей не выбити;
Есть молодцов сопротив тебе,
Стоим мы молодцы, не хвастаем“.
Говорил Василей таково слово:
„А и гой еси, старец Пилигримища!
А и бился я о велик заклад
Со мужики новогородскими,
Опричь почестного монастыря,
Опричь тебя старца Пилигримища,
Во задор войду — тебя убью“.
Ударил он старца во колокол
А и той-то осью тележною,
Качается старец, не шевельнется;
Заглянул он Василей старца под колоколом,
А и во лбе глаз — уж веку нету.
Пошел Василей по Волх реке,
А идет Василей по Волх реке,
По той Волховой по улице;
Завидели добрые молодцы,
А его дружина хоробрая,
Молода Василья Буслаева,

У ясных соколов крылья отросли,
У их-то молодцов думушки прибыло.
Молоды Василей Буслаевич,
Пришел-то молодцам на выручку,
Со теми мужики новогородскими
Он дерется, бьется день до вечера;
А уж мужики покорилися,
Покорилися и помирилися,
Понесли они записи крепкие
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне;
Насыпали чашу чистого серебра,
А другую чашу красного золота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бьют челом, покланяются:
„Осударыня матушка,
Принимай ты дороги подарочки,
А уйми свое чадо милое,
Молода Василья со дружиною;
А и рады мы платить
На всякой год по три тысячи,
На всякой год будем тебе носить:
С хлебников по хлебику,
С калачников по калачику,
С молодиц повенечное,
С девиц повалешное,
Со всех людей со ремесленных,
Опричь попов и дьяконов“.
Втапоры матера вдова
Амелфа Тимофеевна
Посылала девушка-чернавушка
Привести Василья со дружиною;
Пошла та девушка-чернавушка,
Бежавши та девка запышалася,
Нельзя пройти девке по улице,
Что полтеи по улице валяются
Тех мужиков новогородских.

Прибежала девушка-чернавушка,
Сохватила Василья за белы руки,
А стала ему рассказывати:
„Мужики пришли новогородские,
Принесли они дороги подарочки,
И принесли записи заручные
Ко твоей сударыне матушке,
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне“.
Повела девка Василья со дружиною
На тот на широкой двор,
Привела-то их к зелену вину;
А сели они молодцы во единой круг,
Выпили ведь по чарочке зелена вина,
Со того уразу молодецкого
От мужиков новгородских.
Скричат тут ребята зычным голосом:
„У мота и у пьяницы,
У млада Васютки Буслаевича,
Не упито, не уедено,
Вкрасне хорошо не ухожено,
А цветного платья не уношено,
А увечье на век залезено“.
И повел их Василей обедати
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне.
Втапоры мужики новогородские
Приносили Василью подарочки,
Вдруг сто тысячей,
И затем у них мирова пошла;
А и мужики новгородские
Покорилися, и сами поклонилися.

11

О женитьбе князя Владимера

В стольном в городе во Киеве,
Что у ласкова, сударь, князя Владимера,
А и было пированье, почестной пир,
Было столованье, почестной стол.
Много на пиру было князей и бояр,
И русских могучих богатырей.
А и будет день в половина дня,
Княженецкой стол во полустоле,
Владимер князь распотешился,
По светлой гридне похаживает,
Черные кудри расчесывает;
Говорил он, сударь, ласковой
Владимер князь таково слово:
„Гой еси вы, князи и бояра
И могучие богатыри!
Все вы в Киеве переженены,
Только я, Владимер князь, холост хожу,
А и холост я хожу, не женат гуляю,
А кто мне-ка знает сопротивницу,
Сопротивницу знает, красну девицу:
Как бы та была девица станом статна,
Станом бы статна и умом свершна,
Ее белое лице, как бы белой снег,
И ягодицы, как бы маков цвет,
А и черные брови, как соболи,
А и ясные очи, как бы у сокола?“
А и тут больший за меньшего хоронится,
От меньшего ему, князю, ответу нету.
Из того было стола княженецкого,
Из той скамьи богатырския,

Выступается Иван Гостиной сын;
Скочил он на место богатырское,
Скричал он, Иван, зычным голосом:
„Гой еси ты, сударь, ласковой Владимер князь!
Благослови пред собой слово молвити,
И единое слово безопальное,
А и без тоя опалы великия.
Я ли, Иван, в Золотой орде бывал
У грозного короля Етмануйла Етмануйловича,
И видел во дому его дву дочерей:
Первая дочь — Настасья королевишна,
А другая — Афросинья королевишна;
Сидит Афросинья в высоком терему,
За тридесять замками булатными,
А и буйные ветры не вихнут на ее,
А красное солнце не печет лице:
А и то-то, сударь, девушка станом статна,
Станом статна и умом свершна;
Белое лице, как бы белой снег,
А и ягодицы, как маков цвет,
Черные брови, как бы соболи,
Ясные очи, как у сокола;
Посылай ты, сударь, Дуная свататься“.
Владимер князь стольной киевской
Приказал наливать чару зелена вина в полтора ведра,
Подносить Ивану Гостиному
За те его слова хорошие,
Что сказал ему обручницу.
Призывает он, Владимер князь,
Дуная Ивановича в спальню к себе,
И стал ему на словах говорить:
„Гой еси ты, Дунай сын Иванович!
Послужи ты мне службу заочную,
Съезди, Дунай, в Золоту орду
Ко грозному королю Етмануйлу Етмануйловичу,

О добром деле о сватанье
На его любимой на дочери,
На честной Афросинье королевишне.
Бери ты моей золотой казны,
Бери триста жеребцов и могучих богатырей".
Подносит Дунаю чару зелена вина в полтора ведра,
Турей рог меду сладкого в полтретья ведра.
Выпивает он, Дунай, чару тоя зелена вина,
И турей рог меду сладкого,—
Разгоралася утроба богатырская
И могучие плеча расходилися,
Как у молода Дуная Ивановича,
Говорит он, Дунай, таково слово:
„А и ласково солнце, ты Владимер князь!
Не надо мне твоя золота казна,
Не надо триста жеребцов,
И не надо могучие богатыри!
А и только пожалуй одного мне молодца,
Как бы молода Екима Ивановича,
Который служит Алешке Поповичу".
Владимер князь стольной киевской
Тотчас сам он Екима руками привел:
„Вот-де те, Дунаю, будет паробочек!"
А скоро Дунай снаряжается,
Скоря того богатыри поездку чинят
Из стольного города Киева
В дальну орду—Золоту землю.
И поехали удалы, добры молодцы;
А и едут неделю споряду,
И едут неделю уже другую,
И будут они в Золотой орде
У грозного короля Етмануйла Етмануйловича;
Середи двора королевского
Скакали молодцы с добрых коней,
Привязали добрых коней к дубову столбу,

Походили во палату белокаменну.
Говорит тут Дунай таково слово:
„Гой еси, король в Золотой орде!
У тебя ли во палатах белокаменных,
Нету Спасова образа,
Некому у тя помолитися,
А и не за что тебе поклонитися“.
Говорит тут король Золотой орды,
А и сам он король усмехается:
„Гой еси, Дунай сын Иванович!
Али ты ко мне приехал по-старому служить и по-прежнему?“
Отвечает ему Дунай сын Иванович:
„Гой еси ты, король в Золотой орде!
А и я к тебе приехал не по-старому служить и не по-прежнему,
Я приехал о деле о добром к тебе,
О добром-то деле о сватанье
На твоей, сударь, любимой-то на дочери,
На честной Афросинье королевишне,
Владимер князь хочет женитися“.
А и тут королю за беду стало,
А рвет на главе кудри черные
И бросает о кирпищет пол,
А притом говорит таковое слово:
„Гой еси ты, Дунай сын Иванович!
Кабы прежде у меня не служил верою и правдою,
То б велел посадить во погребы глубокие
И уморил бы смертью голодною
За те твои слова за бездельные“.
Тут Дунаю за беду стало,
Разгоралось его сердце богатырское,
Вынимал он свою сабельку вострую,
Говорил таково слово:
„Гой еси, король Золотой орды,
Кабы у тя во дому не бывал,

Хлеба, соли не едал,
Ссек бы по плеч буйну голову".
Тут король неладом заревел зычным голосом,
Псы борзы заходили на цепях,
А и хочет Дуная живьем стравить
Теми кобелями меделянскими.
Скричит тут Дунай сын Иванович:
„Гой еси, Еким сын Иванович!
Что ты стал, да чего глядишь?
Псы борзы заходили на цепях,
Хочет нас с тобой король живьем стравить"
Бросился Еким сын Иванович,
Он бросился на широкой двор,
А и те мурзы-улановья
Не допустят Екима до добра коня,
До своей его палицы тяжкия,
А и тяжкия палицы медныя,
Литы они были в три тысячи пуд;
Не попала ему палица железная,
Что попала ему ось-то тележная,
А и зачал Еким помахивати,
Прибил он силы семь тысячей мурзы-улановья,
Пять сот он прибил меделянских кобелей.
Закричал тут король зычным голосом:
„Гой, еси, Дунай Иванович!
Уйми ты своего слугу верного,
Оставь мне силы хоть на семены;
А бери ты мою дочь любимую,
Афросинью королевишну".
А и молоды Дунай сын Иванович
Унимал своего слугу верного,
Пришел ко высокому терему,
Где сидит Афросинья в высоком терему,
За тридесять замками булатными:
Буйны ветры не вихнут на ее,
Красное солнце лица не печет;

Двери у палат были железные,
А крюки, пробои по булату злачены,
Говорил тут Дунай таково слово:
„Хоть нога изломить, а двери выставить“.
Пнет во двери железные,
Приломал он крюки булатные;
Все тут палаты зашаталися.
Бросится девица, испужалася,
Будто угорелая вся,
Хочет Дуная во уста целовать.
Проговорит Дунай сын Иванович:
„Гой еси, Афросинья королевишна!
А и ряженой кус, да не суженому есть!
Не целую я тебя во сахарные уста,
А и бог тебя, красну девицу, милует,
Достанешься ты князю Владимеру!“
Взял ее за руку за правую,
Повел из палат на широкой двор,
А и хочут садиться на добрых на коней,
Спохватился король в Золотой орде,
Сам говорил таково слово:
„Гой еси ты, Дунай Иванович!
Пожалуй подожди мурзы-улановья“.
И отправляет король своих мурзы-улановья
Везти за Дунаем золоту казну.
И те мурзы-улановья
Тридцать телег ордынских насыпали
Златом и серебром и скатным земчугом,
А сверх того каменьи самоцветными.
Скоро Дунай снаряжается;
И поехали они ко городу ко Киеву,
А и едут неделю уже спорядку,
А и едут уже другую,
И тут же везут золоту казну.
А наехал Дунай бродучий след,
Не доехавши до Киева за сто верст,

Сам он Екиму тут стал наказывать:
„Гой еси, Еким сын Иванович!
Вези ты Афросинью королевишну
Ко стольному городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру,
Честно, хвально и радостно:
Было бы нам чем похвалитися
Великому князю во Киеве“.
А сам он, Дунай, поехал
По тому следу по свежему, бродучему;
А и едет уж сутки другие.
В четвертые сутки след дошел,
На тех на лугах на потешныих,
Куда ездил ласковой Владимер князь завсегда за охотою.
Стоит на лугах тут бел шатер,
Во том шатру опочив держит красна девица,
А и та ли Настасья королевишна.
Молоды Дунай он догадлив был,
Вымал из налучна тугой лук,
Из колчана вынул калену стрелу,
А и вытянул лук за ухо, калену стрелу,
Котора стрела семи четвертей;
Хлеснет он, Дунай, по сыру дубу,
И спела ведь тетивка у туга лука,
А дрогнет матушка сыра земля
От того удару богатырского;
Угодила стрела в сыр крековистой дуб,
Изломала его в черенья ножевые.
Бросилася девица из бела шатра, будто угорелая.
А и молоды Дунай он догадлив был,
Скочил он, Дунай, со добра коня,
Воткнет копье во сыру землю,
Привязал он коня за востро копье;
И горазд он со девицею дратися,
Ударил он девицу по щеке,

А пнул он девицу под гузно,—
Женский пол от того пухол живет;
Сшиб он девицу с резвых ног,
Он выдернул чингалище булатное,
А и хочет взрезать груди белые;
Втапоры девица возмолилася:
„Гой еси ты, удалой доброй молодец!
Не коли ты меня девицу до смерти,
Я у батюшки, сударя, отпрошалася,
Кто меня побьет во чистом поле,
За того мне, девице, замуж идти".
А и туто Дунай сын Иванович
Тому ее слову обрадовался,
Думает себе разумом своим:
Служил я, Дунай, во семи ордах,
В семи ордах, семи королям,
А не мог себе выжить красныя девицы!
Ноне я нашел во чистом поле
Обручницу, сопротивницу.
Тут они обручалися,
Круг ракитова куста венчалися;
А скоро ей приказ отдал собиратися,
И обрал у девицы сбрую всю:
Куяк и панцырь с кольчугою;
Приказал он девице наряжатися,
В простую епанечку белую.
И поехали ко городу ко Киеву.
Только Владимер стольной киевской
Втапоры едет от злата венца,
И приехал князь на свой княженецкой двор.
И во светлы гридни убиралися,
За убраные столы сажалися.
А и молодой Дунай сын Иванович
Приехал ко церкви соборныя,
Ко тем попам и ко дьяконам;
Приходил он во церкву соборную,

Просит честныя милости
У того архерея соборного,
Обвенчать на той красной девице.
Ради были тому попы соборные,
В те годы присяги не ведали,
Обвенчали Дуная Ивановича;
Венчального дал Дунай пять сот рублев
И поехал ко князю Владимеру,
И будет у князя на широком дворе,
И скочили со добрых коней с молодой женой,
И говорил таково слово:
„Доложитесь князю Владимеру
Не о том, что идти во светлы гридни,
О том, что не в чем идти княгине молодой,
Платья женского только одна и есть епанечка
белая“.
А втапоры Владимер князь он догадлив был,
Знает он, кого послать:
Послал он Чурила Пленковича
Выдавать платьице женское цветное.
И выдавали они тут сояи хрущатой камки
На тое княгиню новобрачную,
На Настасью королевишну,
А цена тому сояну сто тысячей.
И снарядили они княгиню новобрачную,
Повели их во палаты княженецкие,
Во те гридни светлые,
Сажали за столы убраные,
За ества сахарные и за питья медвяные.
Сели уже две сестры за одним столом.
А и молоды Дунай сын Иванович
Женил он князя Владимера,
Да и сам тут же женился,
В том же столе столовати стал.
А жили они время немалое.
У князя Владимера, у солнышка Сеславьевича

Была пирушка веселая,
Тут пьяной Дунай расхвастался:
Что нет против меня во Киеве такова стрельца,
Из туга лука по приметам стрелять.
Что взговорит молода княгиня Апраксеевна:
„Что гой еси ты, любимой мой зятюшка,
Молоды Дунай сын Иванович!
Что нету-де во Киеве такого стрельца,
Как любезной сестрицы моей Настасьи королевишны“.
Тут Дунаю за беду стало,
Бросали они жеребья
Кому прежде из туга лука стрелять.
И досталось стрелять его молодой жене
Настасье королевишне,
А Дунаю досталось на главе золото кольцо держать.
Отмерили место на целу версту тысячну,
Держит Дунай на главе золото кольцо;
Вытягала Настасья калену стрелу,
Спела-де тетивка у туга лука,
Сшибло с головы золото кольцо
Тою стрелкою каленою.
Князья и бояра тут металися,
Усмотрели калену стрелу,
Что на тех-то перушках лежит то золото кольцо.
Втапоры Дунай становил на примету свою молоду жену;
Стала княгиня Апраксеевна его уговаривати:
„А и ты гой еси, любимой мой зятюшка,
Молоды Дунай сын Иванович!
То ведь шуточка пошучена“.
Да говорила же его и молода жена:
„Оставим-де стрелять до другого дня,
Есть-де в утробе у меня могуч богатырь;
Первой-де стрелкой не дострелишь,
А другою-де перестрелишь,

А третью-де стрелкою в меня угодишь“.
Втапоры князи и бояра
И все сильны могучи богатыри
Его молода Дуная уговаривали.
Втапоры Дунай озадорился,
И стрелял в примету на целу версту
В золото кольцо,
Становил стоять молоду жену.
И втапоры его молода жена
Стала ему кланятися и перед ним убиватися:
„Гой еси ты, мой любезный ладушка,
Молоды Дунай сын Иванович!
Оставь шутку на три дни,
Хошь не для меня, но для своего сына нерожденного,
Завтра рожу тебе богатыря,
Что не будет ему сопротивника“.
Тому-то Дунай не поверовал,
Становил свою молоду жену Настасью королевишну
На мету с золотым кольцом,
И велел держать кольцо на буйной главе.
Стрелял Дунай за целу версту из туга лука:
А и первой стрелой он не дострелил,
Другой стрелой перестрелил,
А третьею стрелою в ее угодил.
Прибежавши Дунай к молодой жене
Выдергивал чингалище булатное,
Скоро спорол ей груди белые,
Выскочил из утробы удал молодец,
Он сам говорит таково слово:
„Гой еси, сударь, мой батюшка!
Как бы дал мне сроку на три часа,
А и я бы на свете был попрыжея
И полутчея в семь семериц тебя“.
А и тут молодой Дунай сын Иванович запечалился,
Ткнул себя чингалищем во белы груди,

Сгоряча он бросился во быстру реку.
Потому быстра река Дунай словет,
Своим устьем впала в сине море.
А и то старина, то и деянье!

12

Гришка Расстрига

Ты боже, боже, Спас милостивой!
К чему рано над нами прогневался,
Сослал нам, боже, прелестника,
Злого расстригу Гришку Отрепьева;
Уже ли он, расстрига, на царство сел?
Называется расстрига прямым царем,
Царем Димитрием Ивановичем Углецким.
Недолго расстрига на царстве сидел,
Похотел расстрига женитися:
Не у себя-то он в каменной Москве,
Брал он, расстрига, в проклятой Литве,
У Юрья пана Седомирского
Дочь Маринку Юрьеву,
Злу еретницу, безбожницу.
На вешней праздник, Николин день,
В четверг у расстриги свадьба была,
А в пятницу праздник, Николин день.
Князи и бояра пошли к заутрени,
А Гришка расстрига он в баню с женой;

На Гришке рубашка кисейная,
На Маринке соян хрущатой камки.
А час другой поизойдучи,
Уже князи и бояра от заутрени,
А Гришка расстрига из бани с женой.
Выходит расстрига на Красной крылец,
Кричит, ревет зычным голосом:
„Гой еси, ключники мои, приспешники!
Приспевайте кушанье разное,
А и постное и скоромное;
Заутра будет ко мне гость дорогой,
Юрья пан со паньею!“
А втапоры стрельцы догадалися,
За то-то слово спохватилися,
В Боголюбов монастырь металися
К царице Марфе Матвеевне:
„Царица ты, Марфа Матвеевна!
Твое ли это чадо на царстве сидит,
Царевич Димитрий Иванович?“
А втапоры царица Марфа Матвеевна заплакала,
И таковы речи во слезах говорила:
„А глупы, стрельцы, вы, не догадливы!
Какое мое чадо на царстве сидит?
На царстве у вас сидит
Расстрига Гришка Отрепьев сын;
Потерян мой сын, царевич Димитрий Иванович
На Угличе от тех от бояр Годуповых;
Его мощи лежат в каменной Москве
У чудных Софеи премудрыя,
У того ли-то Ивана Великого,
Завсегда звонят во царь-колокол,
Соборны попы собираются,
За всякие праздники совершают панафиды
За память царевича Димитрия Ивановича,
А Годуновых бояр проклинают завсегда“.
Тут стрельцы догадалися,

Все они собиралися,
Ко Красному царскому крылечку металися,
И тут в Москве збунтовалися.
Гришка расстрига догадается,
Сам в верхни чердаки убирается
И накрепко запирается;
А злая его жена, Маринка безбожница,
Сорокою обвернулася
И из палат вон она вылетела.
А Гришка расстрига втапоры догадлив был,
Бросался он со тех чердаков на копья вострые
Ко тем стрельцам, удалым молодцам.
И тут ему такова смерть случилась.

13

На Бузане острове

На славной Волге реке,
На верхней изголове,
На Бузане острове,
На крутом красном берегу,
На желтых рассыпных песках
А стояли беседы, что беседы дубовые,
Исподернуты бархатом.
Во беседочках тут сидели атаманы казачие:
Ермак Тимофеевич, Самбур Андреевич,
Анофрей Степанович.
Они думушку думали за единое,
Как про дело ратное,
Про добычу казачую.
Что есаул ходит по кругу,
По донскому, яицкому,
Есаул кричит голосом,
Во всю буйну голову:

„А и вы гой еси братцы, атаманы казачие!
У нас кто на море не бывал,
Морской волны не видал,
Не видал дела ратного,
Человека кровавого,
От желанья те богу не маливались;
Останьтеся таковы молодцы на Бузане острове“.
И садилися молодцы во свои струги легкие;
Они грянули, молодцы,
Вниз по матушке Волге реке,
По протоке по Ахтубе.
А не ярые гоголи
На сине море выплыли,
Выгребали тут казаки
Середи моря синего.
Против Матицы острова
Легкие струги выдергивали
И веселечки разбрасывали,
Майданы расставливали,
Ковры раздергивали,
Ковры те сорочинские,
И беседы дубовые,
Подернуты бархатом;
А играли казаки
Золотыми тавлеями,
Дорогими вальящатыми.
Посмотрят казаки
Они на море синее,
От того зеленого,
От дуба крековистого
Как бы бель забелелася,
Будто чернь зачернелася,
Забелелися на кораблях
Парусы полотняные
И зачернелися на море
Тут двенадцать кораблей;

А бегут тут по морю
Славны гости турецкие,
Со товары заморскими.
А увидели казаки
Те корабли червленые
И бросалися казаки
На свои струги легкие,
А хватали казаки
Оружье долгомерное
И три пушечки медные,
Напущалися казаки
На двенадцать кораблей:
В три пушечки гунули,
А ружьем вдруг грянули.
Турки, гости богатые,
На кораблях от того испужалися,
В сине море металися;
А те товары заморские
Казакам доставалися,
А и двенадцать кораблей.
А на тех кораблях
Одна не пужалася,
Душа красная девица,
Молода Урзамовна,
Мурзы дочь турскаго.
Что сговорит девица:
„Не троньте меня, казаки,
Не губите моей красоты,
А и вы везите меня, казаки,
К сильну царству Московскому,
Государству Российскому,
Приведите, казаки,
Меня в веру крещеную“.
Не тронули казаки
Душу красну девицу,
И посадили во свои

Струги легкие.
А и будут казаки
На протоке на Ахтубе,
И стали казаки
На крутом красном бережку,
Майданы расставливали,
Майданы те терские,
Ковры сорочинские,
А беседы расставливали,
А беседы дубовые,
Подернуты бархатом,
А столы дорог рыбей зуб.
А и кушали казаки
Тут они кушанье разное
И пили питья медвяные,
Питья все заморские.
И будут казаки на великих на радостях
Со добычи казачия,
Караулы ставили,
Караулы крепкие, отхожие,
Сверху матки Волги реки
И с низу таковы ж стоят.
Запилися молодцы,
А все они до единого.
А втапоры и во то время
На другой стороне
Становился стоять
Персидской посол,
Коромышев Семен Костянтинович
Со своими солдаты и матросами.
Казаки были пьяные,
А солдаты не со всем умом;
Напущалися на них дратися
Ради корысти своея.
Ведал ли, не ведал о том персидской посол,
Как у них драка сочинилася.

В той было драке персидского посла
Солдат пятьдесят человек,
Тех казаки прибили до смерти,
Только едва осталися три человека,
Которые могли убежать на корабль
К своему послу сказывати.
Не разобрал того дела персидской посол,
О чем у них драка сочинилася,
Послал он сто человек
Всю ту правду расспрашивати.
И тем солдатам показалися,
Что те люди стоят недобрые;
Зачали с казаками дратися.
Втапоры говорил им большой
Атаман Ермак Тимофеевич:
„Гой вы еси, солдаты хорошие,
Слуги царя верные!
Почто с нами деретеся?
Корысть ли от нас получите?“
Тут солдаты безумные
На его слова не сдавалися,
И зачали дратися
Боем-то смертныим,
Что дракою некорыстною.
Втапоры доложился о том
Большой есаул Стафей Лаврентьевич:
„Гой вы еси, атаманы казачи!
Что нам с ними делати?
Солдаты упрямые,
Лезут к нам с дракою в глаза!“
И на те его слова
Большой атаман
Ермак Тимофеевич
Приказал их до смерти бити
И бросати в матку реку.
Зачали казаки с ними дратися,

И прибили их всех до смерти,
Только из них один ушел
Капрал островской
И прибежавши на свой корабль
К послу персидскому
Семену Костянтиновичу Коромышеву,
Стал обо всем ему рассказывати,
Кака у них с казаками драка была.
И тот персидской посол
Не размыслил ничего,
Подымался он со всею гвардию своею
На тех донских казаков.
Втапоры ж нодымалися
Атаманы казачие —
Ермак Тимофеевич,
Самбур Андреевич и Анофрей Степанович.
И стала у них драка великая
И побоище смертное.
А атаманы казачие
Сами они не дралися,
Только своим казакам цыкнули
И прибили всех солдат до смерти,
Ушло ли, не ушло с десяток человек.
И в той же драке убили
Самого посла персидского
Семена Костянтиновича Коромышева.
Втапоры казаки
Все животы посла персидского
Взяли себе, платье цветное
Клали в гору Змеевую.
Пошли они, казаки,
По протоке по Ахтубе,
Вниз по матушке Волге реке.
А и будут казаки
У царства Астраханского,
Называется тут Ермак со дружиною

Купцами заморскими,
А явили в таможне товары разные,
И с тех товаров платили пошлину
В казну государеву,
И теми своими товарами
Торговали без запрещения.
Тем старина и кончилась.

14

Ермак взял Сибирь

Во славном понизовом городе Астрахани,
Против пристани матки Волги реки,
Сходилися тут удалы добры молодцы,
Донские славны атаманы казачие —
Ермак Тимофеевич, Самбур Андреевич и Анофрей Степанович;
И стали они во единой круг,
Как думати думушку за единое,
Со крепка ума, с полна разума.
Атаман говорил донским казакам,
По имени Ермак Тимофеевич:
„А и вы гой еси, братцы, атаманы казачие!
Не корыстна у нас шутка зашучена;
Гуляли мы по морю синему
И стояли на протоке на Ахтубе,
Убили мы посла персидского
Со всеми его солдатами и матросами,
И всем животом его покорыстовались;
И как нам на то будет ответствовать?
В Астрахаци жить нельзя,
На Волге жить — ворами слыть,
На Яик идти — переход велик,

В Казань идти — грозен царь стоит,
Грозен царь осударь, Иван Васильевич;
В Москву идти — перехватаным быть,
По разным городам разосланым
И по темным тюрьмам рассаженым;
Пойдемте мы в Усолья ко Строгоновым,
Ко тому Григорью Григорьевичу,
К тем господам к Вороновым;
Возьмем мы много свинцу, пороху и запасу хлебного".
И будут они в Усолье у Строгонова,
Взяли запасы хлебные, много свинцу, пороху,
И пошли вверх по Чусовой реке,
Где бы Ермаку зима зимовать.
И нашли они печеру каменну
На той Чусовой реке, на висячем большом каменю;
И зашли они сверх того каменю,
Опущалися в ту печеру казаки,
Много не *мало* — *двести* человек;
А которые остались люди похужея,
На другой стороне в такую ж они печеру убиралися.
И тут им было хорошо зима зимовать.
Та зима проходит, весна настает;
Где Ермаку путя искать?
Путя ему искать по Серебреной реке.
Стал Ермак убиратися со своими товарищами;
По Серебреной пошли, до Жаровля дошли,
Оставили они тут лодки коломенки;
На той Баранченской переволоке,
Одну тащили, да надселися,
Там ее и покинули.
И в то время увидели Баранчу реку, обрадовались,
Поделали боты сосновые
И лодки набойницы;
Поплыли по той Баранче реке

И скоро они выплыли на Тагиль реку;
У того Медведя камня у Магницкого — горы становвилися,
А на другой стороне было у них плотбище;
Делали большие коломенки,
Чтоб можно им совсем убратися.
Жили они тут, казаки, с весны до Троицева дня,
И были у них промыслы рыбные,
Тем они и кормилися;
И как им путь надлежал,
Со всем в коломенки убиралися,
И поплыли по Тагиль реке;
А и выплыли на Туру реку,
И поплыли по той Туре реке в Епанчу реку;
И тут они жили до Петрова дня.
Еще они тут управлялися,
Поделали людей соломенных
И нашили на них платье цветное;
Было у Ермака дружины триста человек,
А стало уже со теми больше тысячи.
Поплыли по Тоболь реку,
В Мядениски юрты приплыли,
Тут они князька полонили небольшого,
Дабы показал им путь по Тоболь реке.
Во тех усьях тобольскиих на изголове становилися,
И собиралися во единой круг,
И думали думушку крепку заедино:
Как бы им приплыть к горе Тобольской той?
Сам он, Ермак, пошел усьем верхниим,
Самбур Андреевич усьем средниим,
Анофрей Степанович усьем нижииим,
Которая усья впала против самой горы Тобольския.
И выплыли два атамана казачие,
Самбур Андреевич и Анофрей Степанович,
Со своими товарищами на Иртыш реку,
Под саму высоку гору Тобольскую.

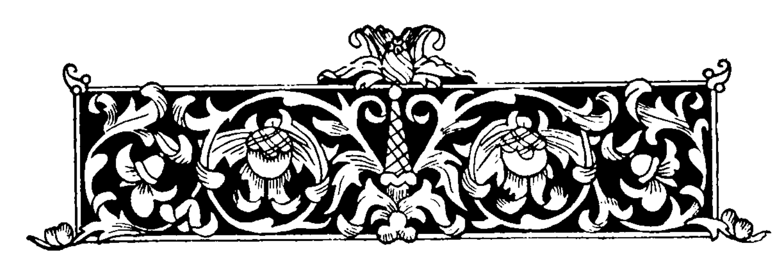
И тут у них стала баталия великая
Со теми татары котовскими;
Татары в них бьют со крутой горы,
Стрелы летят, как часты дожди,
А казакам взять не можно их.
И была баталия целой день,
Прибили казаки тех татар немало число.
И тому татары дивовалися,
Каковы русски люди крепкие,
Что ни едино убить не могут их:
Каленых стрел в них, как в снопики, налеплено,
Только казаки все невредимы стоят,
И тому татары дивуются наипаче того.
В то же время пришел атаман Ермак Тимофеевич
Со своею дружиною тою лукою Соуксанскою,
Дошел до усья Сибирки реки,
И в то время полонил Кучума царя татарского,
А перваго князька поиманого
Отпустил со известием
Ко тем татарам котовскиим,
Чтобы они в драке с казаками помирилися:
Уж-де царя вашего во полон взяли
Тем атаманом Ермаком Тимофеевым.
И таковы слова услыша, татары сокротилися,
И пошли к нему, Ермаку, с подарочками,
Понесли казну соболиную
И бурых лисиц сибирскиих;
И принимал Ермак у них, не отсылаючи;
А на место Кучума царя утвердил Сабанака
татарина
И дал ему полномочие владеть ими.
И жил там Ермак с Покрова
До зимняго Николина дня.
Втапоры Ермак шил шубы соболиные,
Нахтармами вместе сшивал,
А теплые мехи на верх обеих сторон;

Таковым манером и шапки шил.
И убравши Ермак со всеми казаки,
Отъезжал в каменну Москву,
Ко Грозному царю Ивану Васильевичу.
И как будет Ермак в каменной Москве,
На канун праздника Христова дня,
Втапоры подкупил в Москве
Большого боярина Никиту Романовича,
Чтобы доложил об нем царю Грозному.
На самой праздник Христов день,
Как изволил царь государь идти от заутрени,
Втапоры доложил об них Никита Романович:
Что-де атаманы казачие,
Ермак Тимофеев с товарищи,
К твоему царскому величеству с повинностью пришли
И стоят на Красной площади.
И тогда царь государь
Тотчас велел пред себя привести
Того атамана Ермака Тимофеева,
Со теми его товарищи;
Тотчас их ко царю представили
В тех шубах соболиных.
И тому царь удивляется;
И не стал больше спрашивати,
Велел их разослать по фатерам
До того часу, когда спросятся.
Втапоры царю праздник радошен был,
И было пирование почестное
На великих на радостях,
Что полонил Ермак Кучума царя татарского,
И вся сила покорилася тому царю Грозному,
Царю Ивану Васильевичу.
И по прошествии того праздника
Приказал царь государь
Того Ермака пред себя привести;

Тотчас их собрали
И ко царю представили.
Вопрошает тут их царь государь:
„Гой ты еси, Ермак Тимофеев сын!
Где ты бывал, сколько по воле гулял,
И напрасных душ губил,
И каким случаем
Татарского Кучума царя полонил,
И всю его татарскую силу
Под мою власть покорил?“
Втапоры Ермак пред Грозным царем на колени пал,
И письменное известие обо всем своем похождении подавал,
И при том говорил таковые слова:
„Гой еси, вольной царь,
Царь Иван Васильевич!
Приношу тебе, осударь, повинность свою.
Гуляли мы, казаки, по морю синему,
И стояли на протоке на Ахтубе;
И в то время годилося мимо идти
Послу персидскому
Коромышеву Семену Костянтиновичу
Со своими солдаты и матросами,
И они напали на нас своею волею,
И хотели от нас поживитися,
Казаки наши были пьяные,
А солдаты упрямые,
И тут персидского посла устукали
Со теми его солдаты и матросами“.
И на то царь государь не прогневался,
Но и паче умилосердился,
Приказал Ермака пожаловати.
И посылал его в ту сторону Сибирскую
Ко тем татарам котовскиим,
Брать с них дани, выходы в казну государеву.

И по тому приказу государеву
Поехал Ермак Тимофеевич
Со своими казаками в ту сторону Сибирскую.
И будет он у тех татар котовскиих;
Стал он их наибольше
Под власть государеву покоряти,
Дани, выходы без опущения выбирати.
И год, другой тому времени поизойдучи,
Те татары взбунтовалися,
На Ермака Тимофеева напущалися
На той большой Енисее реке;
Втапоры у Ермака были казаки разосланы
По разным дальным странам,
А при нем только было казаков на дву коломенках.
И билися, дралися с татарами время немалое;
И для помощи своих товарищев
Он, Ермак, похотел перескочити
На другую свою коломенку,
И ступил на переходню обманчивую,
Правою ногою поскользнулся он —
И та переходня с конца верхнего
Подымалася и на его опущалася,
Расшибла ему буйну голову
И бросила его в тое Енисею, быстру реку.
Тут Ермаку такова смерть случилась.

15

Ставер боярин

Во стольном было городе во Киеве,
У ласкова осударь князя Владимера
Было пированье, почестной пир,
Было столованье, почестной стол
На многи князи и бояра
И на русские могучие богатыри
И гости богатые.
Будет день во половина дня,
Будет пир во полупире;
Князи и бояра пьют, едят, потешаются
И великим князем похваляются.
И только из них один боярин
Ставер Годинович не пьет, не ест
И при своей братьи не хвастает,
Только наедине с товарищем
Таковы речи сказывает:
„Что это за крепость во Киеве,
У великого князя Владимера!
У меня-де, Ставра боярина,
Широкой двор не хуже города Киева:

А двор у меня па семи верстах,
А гридни, светлицы белодубовы,
Покрыты гридни седых бобров,
Потолок во гриднях черных соболей,
Пол-середа одного серебра,
Крюки да пробои по булату злачены".
А и были тут у князя слуги верные,
Доносили о том самому князю Владимеру:
„Что-де, осударь, ласковой Владимер князь!
Ставер боярин в очи ни о чем не хвалится,
А за очи похваляется,
Что есть у него двор на семи верстах,
Крепче города Киева:
Гридни, светлицы белодубовые,
Покрыты гридни седых бобров,
Потолок черных соболей,
Пол-середа одного серебра,
Крюки да пробои по булату злачены".
Услыша о том, Владимер князь
Приказал сковать Ставра боярина,
На руки и на ноги железа ему,
Посадить его в погребы глубокие,
Затворять дверями железными,
Запирать накрепко замки булатными.
И Владимер князь посылал посла немилостивого
Ко Ставру боярину,
Чтоб двор его запечатати,
И взять в Киев молоду его жену,
Ко великому князю Владимеру.
И ей, Ставровой молодой жене,
Перепала весть нерадошна,
Что Ставер боярин во Киеве
Посажен в погребы глубокие,
Руки и ноги скованы.
Скоро она наряжается
И скоро убирается:

Скидавала с себя волосы женские,
Надевала кудри черные,
А на ноги сапоги зелен сафьян;
И надевала платье богатое,
Богатое платье посольское
И называлась грозным послом,
Грозным послом, Васильем Ивановичем.
И поехала с великою свитою
Ко городу Киеву.
Половину дороженьки проехали,
И в стречю ей из Киева грозен посол:
Тут они съехались, послы поздоровались,
Как послы послуются,
Они ручка об ручку целуются.
Стал-де из Киева спрашивает посол:
„А и гой вы еси, удалы добры молодцы!
Куда вы едете и куда бог несет?“
И взговорят ему, послу, таковые слова:
„А и едем мы из дальней орды, Золотой земли,
От грозна короля Етмануйла Етмануйловича
Ко городу ко Киеву,
Ко великому князю Владимеру,
Брать с него дани, невыплаты,
Не много, не мало — за двенадцать лет,
За всякой год по три тысячи“.
Из Киева посол позадумался,
А и единое словечко повыговорит:
„Я-де из Киева грозен посол,
Еду-де я ко Ставру боярину,
Двор его запечатати,
А его молоду жену в Киев взять“.
Отвечают тут удалы добры молодцы:
„Прежде у нас тот был постоялой двор;
Ноне заезжали — в дому нет никого,
Молода его жена убиралася
В дальну орду, Золоту землю“.

Из Киева посол воротился назад,
Приехал во стольной во Киев град,
Сказал он князю тихохонько,
Что едет из дальней орды, Золотой земли,
Грозен посол Василий Иванович.
А и тут больно князь запечалился.
Кидалися, металися;
То улицы метут, ельник ставили,
Перед воротами ждут посла
Из дальней орды, Золотой земли,
От грозна короля Етмануйла Етмануйловича.
И приехал он, посол, на княженецкой двор;
Они скоро поскакали со добрых коней,
А идут во гридни во светлые.
Вывела княгиня князя за собой
И во те во подвалы-погребы,
Молвила словечка тихохонько:
„Ни о чем ты, осударь, не печалуйся,
А не быть тому грозному послу Василью Ивановичу,
Быть Ставровой молодой жене Василисе Микулишне;
Знаю я приметы все по-женскому:
Она по двору идет, будто уточка плывет,
А по горенке идет, частенько ступает,
А на лавицу садится, коленца жмет,
А и ручки беленьки, пальчики тоненьки,
Дюжина из перстов не вышли все“.
А и туто-тко Владимер стольной киевской
Ну же он посла стал подчивати;
Всяко питье по таковкам пьют —
Уж тут ли посол напивается,
А Владимер князь стал проведывати:
Токо посол буде женщина,
Не станет он во Киеве боротися
Со моими могучими богатырями.

Таковы люди были в Киеве,
Нарочны борцы, удалы молодцы:
Притченки да Хапилонки.
Выводил тут князь семь борцов;
И того ли посол Василий не пятится,
Вышел он на двор боротися.
Середи двора княженецкого.
Сошлися борцы с послом боротися:
Первому борцу из плеча руку выдернет,
А другому борцу ногу выломит,
Она третьего хватила поперек хребта,
Ушибла его середи двора.
А плюнул князь, да и прочь пошел:
„Глупая княгиня, неразумная!
У те волосы долги, ум короток;
Называешь ты богатыря женщиною:
Такого посла у нас еще было и не видано“.
Втапоры княгиня с князем заспоровалась:
„А и ты, ласковой сударь Владимер князь!
Да не быть этому грозному послу,
Быть Ставровой молодой жене“.
Говорил тут Владимер стольной киевской:
„Гой ты еси, княгиня Апраксевна!
Я ли посла Василья проведаю —
Заставлю его из туга лука стрелять
Со своими могучими богатырями“.
Выводил тут Владимер стольной киевской
Двенадцать сильных могучих богатырей;
Стали они стрелять по сыру дубу за целу версту,
Попадают они по сыру дубу.
От тех стрелочек каленых
И от той стрельбы богатырския
Только сырой дуб шатается,
Будто от погоды сильныя.
Говорил посол Василий Иванович:
„Гой еси, Владимер князь!

Не надо мне эти луки богатырские;
Есть у меня лучонко волокитной,
С которым я езжу по чисту полю“.
Втапоры кинулися ее удалы добры молодцы:
Под первой рог несут пять человек,
Под другой несут столько же,
Колчан тащат каленых стрел тридцать человек.
И говорит князю таково слово:
„Что потешить-де тебя, князя Владимера?“
Берет она во ту рученьку левую
И берет стрелу каленую,
Та была стрелка булатная;
Вытягала лук за ухо,
Хлеснет по сыру дубу,
Изломала его в черенья ножевые;
Спела тетивка у туга лука,
И Владимер князь окорачь наползался,
И все тут могучие богатыри
Встают, как угорелые;
Звыла да пошла калена стрела,
Угодила в сыр кряковистой дуб,
Изломала в черенья ножевые.
И говорил посол таково слово:
„Не жаль мне сыра дуба кряковистого,
Только жаль мне своей калены стрелы,
Никому не найти во чистом поле“.
Плюнул Владимер князь, сам прочь пошел;
Говорил себе таково слово:
„Разве сам Василья посла проведаю“.
Стал с ним в шахматы играть
Золотыми тавлеями;
Первую заступь заступовали,
И ту посол поиграл;
Другую заступь заступовали,
И другую заступь посол же поиграл;
Третью заступь заступовали:

Шах да и мат да и под доску.
И стал посол говорить таково слово:
„Гой еси, стольной Владимер князь!
Отдай ты мне дани-выходы за двенадцать лет,
За всякой год по три тысячи“.
Говорит Владимер князь:
„Изволь меня, посол, взять головой с женой!“
И говорил тут посол таковы слова:
„Чем ты, Владимер князь, в Киеве потешаешься?
Есть ли у тебя веселые молодцы?“
И тотчас посылал Владимер князь
Искать таковых людей всяких рук.
И собрали веселых молодцов на княженецкой двор.
Втапоры у великого князя ради посла
Было пирование почестное, на великих па радостях.
И тут посол невесел сидит,
Только князю таково слово выговорит:
„Нет ли у тебе кому в гусли поиграть?“
Похватится Владимер князь,
Послал по Ставра боярина,
Боярина Годиновича,
Велел его расковать всего;
Сымали железа с рук и с ног
И приводили Ставра на почестной пир.
И втапоры посол скочил на резвы ноги,
Посадил Ставра против себя в дубову скамью,
И зачал тут Ставер поигрывати:
Сыгриш сыграл Царя града,
Танцы навел Ерусалима,
Величал князя со княгинею,
Сверх того играл еврейской стих.
Посол задремал и спать захотел,
Говорил таковы слова:
„Гой еси, Владимер князь!
Не надо мне твои дани-выходы,

Только пожалуй веселым молодцом,
Ставром бояриным Годиновичем“.
И Владимер князь о том радошен стал,
Отдавал Ставра руками своими;
Взявши посол Ставра,
Отъезжал из Киева вон.
Провожает его Владимер князь и со княгинею.
И становился он, посол, у быстра Непра,
Расставлял палатки свои белые,
Говорил таково слово:
„Пожалуй-де, осударь, Владимер князь!
Посиди до того часа, когда я высплюся“.
Раздевался посол из своего платья посольского
И убирался в платье женское,
Притом говорил таково слово:
„Гой еси, Ставер, веселой молодец!
Как ты меня не опознываешь?
А доселева мы с тобой в свайку игрывали;
У тебя-де была свайка серебряная,
А у меня кольцо позолоченое,
И ты меня поигрывал,
А я тебе толды-вселды“.
И втапоры Ставер боярин догадается,
Скидывал платье черное,
И надевал на себя посольское.
И с великим князем и со княгинею прощалися
И отъезжали во свою землю дальную.

16

Иван Годинович

Во стольном во городе во Киеве,
У ласкова осударь князя Владимера вечеринка была,
На пиру у него сидели честные вдовы.
Пригодился тут Иван Годинович,
И проговорит ему стольной киевской Владимер князь:
„Гой еси, Иван ты Годинович!
А зачем ты, Иванушка, не женишься?“
Отвечает Иван сын Годинович:
„Рад бы, осударь, женился, да негде взять,
Где охота брать, за меня не дают;
А где-то подают, ту я сам не беру“.
А проговорил ласковой Владимер князь:
„Гой еси Иван сын Годинович!
А садися ты, Иван, на ременчат стул,
Пиши ерлыки скорописчаты“.
И садился тотчас Иван на ременчат стул,
Написал ерлык скорописчатой,
А о добром деле — о сватанье,
К славному городу Чернигову,
К Дмитрею, гостю богатому.
Написал он ерлык скорописчатой,
А Владимер князь ему руку приложил:
„А не ты, Иван, поедешь свататься,
Сватаюсь я-де, Владимер князь“.
А скоро-де Иван снаряжается,
А скоря того поездку чинит
Ко городу Чернигову.
Два девяноста то мерных верст
Переехал Иванушка в два часа.

Стал он, Иван, на гостином дворе,
Скочил он, Иван, со добра коня;
Привязавши коня к дубову столбу,
Походил во гридню во светлую,
Спасову образу молится,
Он Дмитрею гостю кланяется,
Положил ерлык скорописчатой на круглый стол.
Дмитрей гость распечатывает и рассматривает,
Просматривает и прочитывает:
„Глупой Иван, неразумной Иван!
Где ты, Иванушка, перво был?
Ноне Настасья просватана,
Душа Дмитревна запоручена
В дальну землю Загорскую,
За царя Афромея Афромеевича;
За царя отдать — ей царицею слыть;
Панове все поклонятся,
Панове и улановья,
А немецких языков счету нет;
За тебя, Иван, отдать — холопкой слыть,
Избы мести, заходы скрести“.
Тут Иванушку за беду стало,
Схватя ерлык, Иван да и вон побежал.
Садился Иван на добра коня,
Побежал он ко городу Киеву.
Скоро Иван на двор прибежал,
И приходит он во светлу гридню
Ко великому князю Владимеру,
Спасову образу молится,
А Владимеру князю кланяется.
Вельми он, Иван, закручинился,
Стал его Владимер князь спрашивати,
А стал Иван рассказывати:
„Был я у Митрея во дому,
Положил ерлык на круглой стол,
Дмитрей гость не задерживал меня в том,

Скоро ярлыки прочитывал
И говорил таковы слова:
„Глупой ты-де Иван, неразумпой Иван!
Где ты, Иванушка, перво был?
Ноне Настасья просватана
В дальну землю Загорскую,
За царя Афромея Афромеевича;
За царя-де ее отдать — царицею слыть,
Панове все поклонятся,
Панове все и улановья,
А немецких языков счету нет;
За тебя-де, Иван, отдать — холопкой слыть,
Избы мести да заходы скрести“.
Тут ему князю за беду стало,
Рвет на главе черны кудри свои,
Бросает их о кирпищет пол:
„Гой еси, Иван Годинович!
Возьми ты у меня, князя, сто человек
Русских могучих богатырей,
У княгини ты бери другое сто,
У себя, Иван, третье сто.
Поезжай ты о добром деле — о сватанье;
Честью не даст, ты и силою бери!“
Скоро молодцы те собираются,
А скоря того поездку чинят.
Поехали к городу Чернигову;
А и только переехали быстрого Непра,
Выпала пороха снегу белого.
По той по порохе, по белу снегу,
И лежат три следа звериные:
Первой след гнедого тура,
А другой след лютого зверя,
А третий след дикого вепря.
Стал он Иван разъясачивати:
Послал он за гнедым туром сто человек,
И велел поимать его бережно,

Без той раны кровавыя;
И за лютым зверем послал другое сто,
И велел изымать его бережно,
Без той раны кровавыя;
И за диким вепрем послал третье сто,
А велел изымать его бережно,
Без тоя раны кровавыя,
И привесть их во стольной Киев град
Ко великому князю Владимеру.
А сам он, Иван, поехал, единой, во Чернигов град,
И будет Иван во Чернигове,
А у Дмитрея, гостя богатого,
Скачет Иван середи двора,
Привязал коня к дубову столбу,
Походил он во гридню светлую,
К Дмитрею, гостю богатому;
Спасову образу молится,
Дмитрею гостю не клапяется;
Походил за занавесу белую
Он к душке Настасье Дмитревне.
А тут у Дмитрея, гостя богатого,
Сидят мурзы-улановья,
По нашему, сибирскому — дружки словут.
Привезли они платьице цветное,
Что на душку Настасью Дмитревну,
Платья того на сто тысячей,
От царя Афромея Афромеевича;
А сам царь Афромей Афромеевич
Он от Чернигова в трех верстах стоит,
А силы с ним три тысячи.
Молодой Иванушка Годинович
Он из-за занавесу белого
Душку Настасью Дмитревну
Взял за руку за белую,
Потащил он Настасью, лишь туфли звенят;
Что взговорит ему Дмитрей гость:

„Гой еси ты, Иванушка Годинович!
Суженое пересуживаешь,
Ряженое переряживаешь;
Можно тебе взять не гордосью,
Веселым пирком, свадебкой!“
Только Иван слово выговорил:
„Гой еси ты, славной Дмитрей гость!
Добром мы у тебя сваталися,
А сватался Владимер князь;
Не мог ты чесью мне отдать,
Поне беру — и не кланяюсь!“
Вытащил ее середи двора,
Посадил на добра коня,
И сам метался в седелечко черкеское.
Некому бежать во Киев-град
За молодом Иванушком Годиновичем;
Переехал он, Иван, девяносто верст,
Поставил он, Иван, тут свой бел шатер,
Развернул ковры сорочинские,
Постлал потнички бумажные,
Изволил он, Иван, с Настасьею опочив держать.
Донеслась скоро вестка нерадошна
Царю Афромею Афромеевичу;
А приехали мурзы-улановья,
Телячьим языком рассказывают:
„Из славного-де города из Киева,
Прибежал удал молодец,
Увез твою противницу Настасью Дмитревну“.
Царь Афромей Афромеевич
Скоро он вражбу чинил;
Обвернется гнедым туром,
Чистые поля туром перескакал,
Темные лесы соболем пробежал,
Быстрые реки соколом перлетал,
Скоро он стал у бела шатра;
А и тут царь Афромей Афромеевич

Закричал-заревел зычным голосом:
„Гой еси, Иванушка Годинович!
А и ты суженое пересуживаешь,
Ряженое переряживаешь;
Почто увез ты Настасью Дмитревну?“
А скоро Иван выходит из бела шатра,
Говорил тут Иванушка Годинович:
„Гой еси, царь Афромей Афромеевич!
Станем мы с тобою боротися о большине,
Что кому наша Настасья достанется“.
И схватилися они тут боротися;
Что-де ему царю делати
Со молодым Иваном Годиновичем!
Согнет он царя корчагою,
Опустил он о сыру землю;
Царь Афромей Афромеевич
Лежит на земли, свету не видит.
Молоды Иван Годинович
Он ушел за кустик мочитися;
Царь Афромей едва пропищал:
„Думай ты, Настасья, не продумайся!
За царем за мною быть — царицею слыть,
Панове все поклонятся,
Панове все, улановья,
А немецких языков счету нет;
За Иваном быть — холопкой слыть,
А избы мести, заходы скрести“.
Приходит Иван ко белу шатру,
Напустился с ним опять боротися.
Схватилися они руками боротися,
Душка Настасья Дмитревна
Изымала Ивана Годиновича за ноги,
Тут его двое и осилили.
Царь Афромей на грудях сидит,
Говорит таково слово:
„А и нет чингалища булатного,

Нечем пороть груди белые“.
Только лишь царь слово выговорил:
„Гой еси ты, Настасья Дмитревна!
Подай чембур от добра коня“.
И связали Ивана руки белые,
Привязали его ко сыру дубу.
Царь Афромей в шатер пошел,
Стал с Настасьею поигрывати,
А назолу дает ему, молоду Ивану Годиновичу.
По его было талану добра молодца,
А и молода Ивана Годиновича,
Первая высылка из Киева бежит,
Ровно сто человек;
Прибежали ко тому белу шатру,
Будто заица в кусте изъехали:
Спиря скочил, тот поспиривает;
Сёма прибежал, тот посёмывает;
Которы молодцы они поглавнея
Срезали чембуры шелковые,
Молода Ивана Годиновича опрастывали.
Говорил тут Иванушка Годинович:
„А и гой вы еси, дружина хоробрая!
Их-то царей не бьют, не казнят,
Не бьют, не казнят и не вешают!
Повезите его ко городу ко Киеву,
Ко великому князю Владимеру“.
А и тут три высылки все сбиралися,
Нарядили царя в платье цветное,
Повезли его до князя Владимера.
И будут в городе Киеве,
Рассказали тут удалы добры молодцы
Великому князю Владимеру
Про царя Афромея Афромеевича;
И Владимер князь со княгинею
Встречает его честно, хвально и радошно,
Посадил его за столы дубовые.

Тут у князя стол пошел
Для царя Афромея Афромеевича.
Молодой Иванушка Годинович,
Остался он во белом шатре,
Стал он, Иван, жену свою учить,
Он душку Настасью Дмитревну:
Он перво ученье, то руку ей отсек,
Сам приговаривает:
„Эта мне рука не надобна,
Трепала она рука Афромея-царя“.
А второе ученье, ноги ей отсек:
„А и та-де нога мне не надобна,
Оплеталася со царем Афромеем неверныим“.
А третье ученье, губы ей обрезал и с носом прочь:
„А и эти губы мне не надобны,
Целовали они царя неверного“.
Четверто ученье, голову ей отсек и с языком прочь:
„Эта голова мне не надобна,
И этот язык мне не надобен,
Говорил со царем неверныим,
И сдавался на его слова прелестные!“
Втапоры Иван Годинович
Поехал ко стольному городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру.
И будет в городе Киеве,
Благодарит князя Владимера
За велику милость, что женил его
На душке Настасье Дмитревне.
Втапоры его князь спрашивал:
„Где же твоя молодая жена?“
Втапоры Иван о жене своей сказал,
Что хотела с Вахрамеем царем
В шатре его убить,
За что ей поученье дал, голову срубил.

Втапоры князь весел стал,
Что отпускал Вахрамея царя, своего подданника,
В его землю Загорскую.
Только его увидели,
Что обвернется гнедым туром,
Поскакал далече во чисто поле к силе своей.

17

Горден Блудович

В стольном было городе во Киеве,
У ласкова осударь князя Владимера,
Было пированье, почестной пир,
Было столованье, почестной стол;
Много было у князя Владимера
Князей и бояр и княженецких жен.
Пригодились тут на пиру две честные вдовы:
Первая вдова Чесовая жена,
А другая вдова то Блудова жена,—
Обе жены богатые,
Богатые жены, дворянские.
Промежу собой сидят, за прохлад говорят.
Что взговорит тут Блудова жена:
„Гой есиц ты, Авдотья, Чесовая жена!
Есть у тебя девять сыновей,
А девять сыновей, как ясных соколов,
И есть у тебя дочь возлюбленна,
Молода Авдотья Чесовична,
Та, ведь, девица, как лебедь, белая;
А у меня у вдовы, Блудовы жены,
Един есть сын Горден, как ясен сокол,
Многие пожитки осталися ему
От своего родимого батюшка;
Ноне за прохлад, за чужим пирком,
Молвим словечко о добром деле — о сватанье;

Я хощу у тебя свататься
За молода Гордена Блудовича
Дочь твою возлюбленну, Авдотью Чесовичну".
Втапоры Авдотья, Чесова жена, на то осердилася,
Била ее по щеке, таскала по полу кирпищету,
И при всем народе, при беседе, вдову опозорила,
И весь народ тому смеялися.
Исправилась она, Авдотья, Блудова жена,
Скоро пошла ко двору своему;
И идет ко двору, шатается,
Сама больно закручинилася.
И завидел Горден сын Блудович,
Скоро он метался с высока терема,
Встречал за воротами ее,
Поклонился матушке в праву ногу:
„Гой еси матушка!
Что ты, сударыня, идешь, закручинилася?
Али место тебе было не по вотчине?
Али чарой, зеленым вином обносили тебя?"
Жалобу приносит матера вдова,
Авдотья, Блудова жена,
Жалобу приносит своему сыну, Гордену Блудовичу:
„Была я на честном пиру
У великого князя Владимера,
Сидели мы с Авдотьей, Чесовой женой,
За прохлад с нею речи говорили
О добром деле — о сватанье,
Сваталась я на ее любимой на дочери,
Авдотье Чесовичне,
За тебя, сына, Гордена Блудовича;
Те ей мои речи не взлюбилися,
Била меня по щеке и таскала по полу кирпищетому,
И при всем народе на пиру обесчестила".
Молоды Горден сын Блудович
Уклал спать свою родимую матушку,

Втапоры она была пьяная;
И пошел он на двор к Чесовой жене,
Сжимал песку горсть целую.
И будет против высокого терема,
Где сидит молода Авдотья Чесовична,
Бросил он по высоком терему —
Полтерема сшиб, виноград подавил.
Втапоры Авдотья Чесовична
Бросилась, будто бешеная, из высокого терема,
Середи двора она бежит, ничего не говорит,
Пропустя она Гордена, сына Блудовича,
Побежала к своей родимой матушке
Жаловатися на княженецкой пир.
Втапоры пошел Горден на княженецкой двор,
Ко великому князю Владимеру,
Рассматривать вдову, Чесову жену.
Та вдова, Чесова жена, у великого князя
Сидела на пиру за убраными столы.
И тут молоды Гордеи выходил назад,
Выходил он на широкой двор,
Вдовины ребята с ним заздорили;
А и только не все они пригодилися,
Пригодилось их тут только пять человек,
Взяли Гордена пощипывати,
Надеючи на свою родимую матушку;
Молоды Горден им взмолится:
„Не троните мене, молодцы!
А меня вам убить, не корысть получить".
А они тому не веруют ему,
Опять приступили к нему,
И он отбивался и метался от них,
И прибил всех тут до единого.
Втапоры донесли народ киевской
Честной вдове, Чесовой жене,
Что молоды Горден Блудович
Учинил драку великую,

Убил твоих детей до смерти.
И посылала она, Чесова жена,
Любимых своих четырех сыновей
Ко тому Гордену Блудовичу,
Чтоб он от того не убрался домой,
Убить бы его до смерти.
И настигли его на широкой улице,
Тут обошли вкруг его,
Ничего с ним не говорили,
И только один хотел было ударить по уху,
Да не удалось ему,—
Горден верток был,
Того он ударил о землю,
И ушиб его до смерти;
Другой подвернется, и того ушиб;
Третий и четвертой кинулися к нему,
И тех всех прибил до смерти.
Пошел он Горден к Авдотье Чесовичне,
Взял ее за белы руки
И повел ко божьей церкви;
С вечернями обручается,
Обручался и обвенчался с ней, и домой пошел.
По утру Горден стол собрал,
Стол собрал и гостей позвал,
Позвал тут князя со княгинею
И молоду свою тещу Авдотью, Чесовую жену.
Втапоры было честна вдова, Чесовая жена,
Загорденелася, не хотела было идти
В дом к зятю своему;
Тут Владимер князь, стольной киевской,
И со княгинею стали ее уговаривати,
Чтобы она на то больше не кручинилася,
Не кручинилася и не гневалася;
И она тут их послушала,
Пришла к зятю на веселой пир,
Стали пити, ясти, прохлажатися.

18

Чурила Пленкович

Во стольном в городе во Киеве,
У ласкова осударь князя Владимера,
Было пирование, почестной пир,
Было столование, почестной стол
На многи князи и бояра
И на русские могучие богатыри;
Будет день в половина дня,
А и будет стол во полустоле,
Князь Владимер распотешился.
А незнаемы люди к нему появилися:
Есть молодцов за сто человек,
Есть молодцов за другое сто,
Есть молодцов за третье сто:
Все они избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьют челом, жалобу творят:
„Свет, осударь, ты Владимер князь!
Ездили мы по полю по чистому,
Сверх тоя реки Череги,
На твоем государевом займище,
Ничего мы в поле не наезживали,
Не наезживали зверя прыскучего,
Не видали птицы перелетныя;
Только наехали во чистом поле
Есть молодцов за триста и за пять сот:
Жеребцы под ними латинские,
Кафтанцы на них камчатные,
Однорядочки-то голуб скурлат,
А и колпачки — золоты плаши;
Они соболи, куницы повыловили,
И печерски лисицы повыгнали,

Туры, олени выстрелили,
И нас избили, изранили;
А тебе, осударь, добычи нет,
А от вас, осударь, жалованья нет,
Дети, жены осиротели,
Пошли по миру скитатися!“
А Владимер князь, стольной киевской,
Пьет он, ест, прохлажается,
Их челобитья не слушает.
А и та толпа со двора не сошла,
А иная толпа появилася:
Есть молодцов за триста,
Есть молодцов за пять сот;
Пришли охотники рыболовые,
Все избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьют челом, жалобу творят:
„Свет, осударь, ты Владимер князь!
Ездили мы по рекам, по озерам,
На твои щаски княженецкие
Ничего не поимывали,
Нашли мы людей: есть молодцов
За триста и за пять сот,
Всю они белую рыбицу повыловили,
Щуки, караси повыловили ж
И мелкую рыбицу повыдавили;
Нам в том, осударь, добычи нет,
Тебе, осударю, приносу нет,
От вас, осударь, жалованья нет,
Дети, жены осиротели,
Пошли по миру скитатися,
И нас избили, изранили!“
Владимер князь, стольной киевской,
Пьет, ест, прохлажается,
Их челобитья не слушает.

А и те толпы со двора не сошли,
Две толпы вдруг пришли:
Первая толпа молодцы сокольники,
Другие молодцы кречетники;
И все они избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьют челом, жалобу творят:
„Свет, осударь, Владимер князь!
Ездили мы по полю чистому,
Сверх тоя Череги,
По твоем государевом займищу,
На тех на потешных островах,
На твои щаски княженецкие
Ничего не поимывали, не видали
Сокола и кречета перелетного;
Только наехали мы молодцов
За тысячу человек;
Всех они ясных соколов повыхватали,
И белых кречетов повыловили,
А нас избили, изранили:
Называются дружиною Чуриловою!“
Тут Владимер князь за то слово спохватится:
„Кто это Чурила есть таков?“
Выступался туто старой Бермята Васильевич:
„Я-де, осударь, про Чурилу давно ведаю,
Чурила живет не в Киеве,
А живет он пониже малого Киевца;
Двор у него на семи верстах,
Около двора железной тын,
На всякой тынинке по маковке,
А и есть по земчужинке;
Середи двора светлицы стоят,
Гридни белодубовые,
Покрыты седых бобров,
Потолок черных соболей,

Матица-то волженая,
Пол-середа одного серебра,
Крюки да пробои по булату злачены.
Первые у него ворота вальящатые,
Другие ворота хрустальные,
Третьи ворота оловянные“.
Втапоры Владимер князь и со княгинею
Скоро он снаряжается,
Скоря того поездку чинят;
Взял с собою князей и бояр
И могучих богатырей:
Добрыню Никитича
И старого Бермяту Васильевича,—
Тут их собралось пять сот человек,
И поехали к Чуриле Пленковичу.
И будут у двора его,
Встречает их старой Плен,
Для князя и княгини
Отворяет ворота вальящатые,
А князям и боярам хрустальные,
Простым людям ворота оловянные;
И наехало их полон двор.
Старой Пленка Сарожепин
Приступил ко князю Владимеру
И ко княгине Апраксевне,
Повел их во светлы гридни,
Сажал за убраные столы,
В место почестное;
Принимал, сажал князей и бояр
И могучих русских богатырей.
Втапоры были повары догадливые,
Носили яства сахарные и питья медвяные,
А питья все заморские,
Чем бы князя развеселить.
Веселая беседа, на радости день.
Князь со княгинею весел сидит,

Посмотрел в окошечко косящатое
И увидел в поле толпу людей,
Говорил таково слово:
„По грехам надо мною, князем, учинилося,
Князя меня в доме не случилося,
Едет ко мне король из Орды,
Или какой грозен посол!“
Старой Пленка Сарожснин
Лишь только усмехается, сам подчивает:
„Изволь ты, осударь, Владимер князь со княгинею
И со всеми своими князи и бояры кушати!
Что-де едет не король из Орды
И не грозен посол,
Едет-де дружина хоробрая сына моего,
Молода Чурила сына Пленковича;
А как он, осударь, будет пред тобою ж,
Будет пир во полупире
Будет стол во полустоле“.
Пьют они, едят, потешаются,
Все уже они без памяти сидят.
А и на дворе день вечеряется,
Красное солнышко закатается,
Толпа в поле сбирается,
Есть молодцов их за пять сот,
Есть и до тысячи:
Едет Чурила ко двору своему,
Перед ним несут подсолнучник,
Чтоб не запекло солнце бела его лица.
И приехал Чурила ко двору своему,
Перво его скороход прибежал,
Заглянул скороход на широкой двор,
А и некуда Чуриле на двор ехати
И стоять со своим промыслом.
Поехали они на свой окольной двор,
Там они становилися и со всем убиралися.
Втапоры Чурила догадлив был,

Берет золоты ключи,
Пошел во подвалы глубокие,
Взял золоту казну:
Сорок сороков черных соболей,
Другую сорок печерских лисиц,
И брал же камку белохрущату,
А цена камке сто тысячей;
Принес он ко князю Владимеру,
Клал перед ним на убраной стол.
Втапоры Владимер князь, стольной киевской,
Больно со княгинею возрадовалися,
Говорил ему таково слово:
„Гой еси ты, Чурила Пленкович!
Не подобает тебе в деревне жить,
Подобает тебе, Чуриле, в Киеве жить,
Князю служить“.
Втапоры Чурила князя Владимера не ослушался,
Приказал тотчас коня оседлать.
И поехали они все в тот стольной Киев град,
Ко ласкову князю Владимеру.
В добром здоровье их бог перенес.
А и будут на дворе княженецкием,
Скочили они со добрых коней,
Пошли во светлицы-гридни,
Садилися за убраные столы.
Посылает Владимер стольной киевской
Молода Чурилу Пленковича
Князей и бояр звать в гости к себе,
А зватого приказал брать со всякого по десяти рублев.
Обходил он Чурила князей и бояр
И собрал ко князю на почестной пир.
А и зайдет он, Чурила Пленкович,
В дом ко старому Бермяте Васильевичу,
Ко его молодой жене, к той Катерине прекрасныя;
И тут он позамешкался;

Ожидает его Владимер князь,
Что долго замешкался.
И, мало время поизойдучи,
Пришел Чурила Пленкович;
Втапоры Владимер князь ни во что положил,
Чурила пришел, и стол пошел,
Стали пити, ясти, прохлажатися;
Все князи и бояра допьяна напивалися
Для нового стольника Чурила Пленковича,
Все они напивалися и домой разъезжалися.
Поутру рано ранешенько,
Рано зазвонили ко заутрени;
Князи и бояра пошли к заутрени,
В тот день выпадала пороха снегу белого;
И нашли они свежий след,
Сами они дивуются:
Либо зайка скакал, либо бел горносталь;
А иные тут усмехаются, сами говорят:
Знать это не зайка скакал, не бел горносталь,
Это шел Чурила Пленкович
К старому Бермяте Васильевичу,
К его молодой жене, Катерине прекрасныя.

19

Василий Буслаев молиться ездил

Под славным, великим Новым городом,
По славному озеру по Ильменю
Плавает, поплавает сер селезень,
Как бы ярой гоголь поныривает;
А плавает, поплавает червлен корабль
Как бы молода Василья Буслаевича,
А и молода Василья, со его дружиною хороброю,
Тридцать удалых молодцов:

Костя Никитин корму держит,
Маленькой Потаня на носу стоит,
А Василе-ёт по кораблю похаживает,
Таковы слова поговаривает:
„Свет, моя дружина хоробрая,
Тридцать удалых добрых молодцов!
Ставьте корабль поперек Ильменя,
Приставайте, молодцы, ко Новугороду“.
А и тычками к берегу притыкалися,
Сходни бросали на крутой бережок,
Походил тут Василей ко своему он двору дворянскому,
И за ним идут дружинушка хоробрая;
Только караулы оставили.
Приходит Василей Буслаевич
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударыне матушке,
Матерой вдове Амелфе Тимофеевне.
Как вьюн около ее убивается,
Просит благословение великое:
„А свет ты, моя сударыня матушка,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Дай мне благословение великое,
Идти мне, Василью, в Ерусалим град,
Со всею дружиною хороброю,
Мне-ко господу помолитися,
Святой святыне приложитися,
Во Ердане реке искупатися“.
Что взговорит матера вдова,
Матера Амелфа Тимофеевна:
„Гой еси ты, мое чадо милое,
Молоды Василей Буслаевич!
То коли ты пойдешь на добрые дела,
Тебе дам благословение великое;
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дам благословения великого,

А и не носи Василья сыра земля".
Камень от огня разгорается,
А булат от жару растопляется,
Материно сердце распущается;
И дает она много свинцу, пороху,
И дает Василью запасы хлебные,
И дает оружье долгомерное:
„Побереги ты, Василей, буйну голову свою!"
Скоро молодцы собираются,
И с матерой вдовой прощаются.
Походили они на червлен корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали по озеру Ильменю;
Бегут они уж сутки, другие,
А бегут уже неделю, другую,
Встречу им гости корабельщики:
„Здравствуй, Василей Буслаевич!
Куда молодец поизволил погулять?"
Отвечает Василей Буслаевич:
„Гой еси вы, гости корабельщики!
А мое-то ведь гулянье неохотное:
С молоду бито много, граблено,
Под старость надо душа спасти;
А скажите вы, молодцы, мне прямого путя
Ко святому граду Иерусалиму".
Отвечают ему гости корабельщики:
„А и гой еси, Василей Буслаевич!
Прямым путем в Ерусалим град
Бежать семь недель,
А окольной дорогой полтора года.
На славном море Каспицкием,
На том острову на Куминскием,
Стоит застава крепкая,
Стоят атаманы казачие,
Не много, не мало их — три тысячи;
Грабят бусы, галеры,

Разбивают червлены корабли“.
Говорит тут Василей Буслаевич:
„А не верую я, Васинька, ни в сон, ни в чох,
А и верую в свой червленой вяз;
А беги-ка тя, ребята, вы прямым путем!“
И завидел Василей гору высокую,
Приставал скоро ко круту берегу,
Походил Василей сын Буслаевич
На ту ли гору Сорочинскую,
А за ним летят дружина хоробрая.
Будет Василей в полугоре,
Тут лежит пуста голова,
Пуста голова, человечья кость,
Пнул Василей тое голову с дороги прочь;
Провещится пуста голова человеческая:
„Гой еси ты, Василей Буслаевич!
Ты к чему меня, голову, нобрасоваешь?
Я, молодец, не хуже тебя был;
Умею я, молодец, валятися;
А на той горе Сорочинския,
Где лежит пуста голова,
Пуста голова молодецкая,
И лежать будет голове Васильевой“.
Плюнул Василей, прочь пошел:
„Али, голова, в тебе враг говорит,
Или нечистой дух!“
Пошел на гору высокую,
На самой сопке тут камень стоит,
В вышину три сажени печатные,
А и через его только топор подать,
В долину три аршина с четвертью;
И в том-то подпись подписана:
А кто-де у каменя станет тешиться,
А и тешиться, забавлятися,
Вдоль скакать по каменю,
Сломить будет буйну голову.

Василей тому не верует,
Приходил со дружиною хороброю;
Стали молодцы забавлятися,
Поперек того каменю поскакивати,
А вдоль-то его не смеют скакать.
Пошли со горы Сорочинския,
Сходят они на червлен корабль,
Подымали тонки парусы полотняны,
Побежали по морю Каспицкому.
На ту на заставу корабельную,
Где то стоят казаки разбойники,
А стары атаманы казачие.
На пристани их стоят сто человек.
А и молоды Василей на пристань стал;
Сходни бросали на крут бережок;
И скочил-то Буслай на крут бережок,
Червленым вязом подпирается.
Тут караульщики, удалы добры молодцы,
Все на карауле испужалися;
Много его не дожидаются,
Побежали с пристани корабельныя
К тем атаманам казачиим.
Атаманы сидят, не дивуются,
Сами говорят таково слово:
„Стоим мы на острову тридцать лет,
Не видали страху великого,
Это-де идет Василей Буслаевич;
Знать-де полетка соколиная,
Видеть-де поступка молодецкая!"
Пошагал-то Василей со дружиною,
Где стоят атаманы казачие;
Пришли они, стали во единой круг.
Тут Василей им поклоняется,
Сам говорит таково слово:
„Вздравствуйте, атаманы казачие!
А скажите вы мне прямого путя

Ко святому граду Иерусалиму?"
Говорят атаманы казачие:
„Гой еси, Василей Буслаевич!
Милости тебя просим за единой стол хлеба кушати".
Втапоры Василей не ослушался,
Садился с ними за единой стол:
Наливали ему чару зелена вина в полтора ведра,
Принимает Василей единой рукой
И выпил чару единым духом,
И только атаманы тому дивуются,
А сами не могут и по полуведру пить.
И хлеба с солью откушали,
Сбирается Василей Буслаевич
На свой червлен корабль;
Дают ему атаманы казачие подарки свои:
Первую мису чиста серебра,
И другую — красна золота,
Третью — скатного земчуга.
За то Василей благодарит и кланяется,
Просит у них до Ерусалима провожатого.
Тут атаманы Василью не отказывали,
Дали ему молодца провожатого,
И сами с ним прощалися.
Собрался Василей на свой червлен корабль
Со своею дружиною хороброю;
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали по морю Каспицкому.
Будут они во Ердань реке,
Бросали якори крепкие,
Сходни бросали на крут бережок,
Походил тут Василей Буслаевич,
Со своею дружиною хороброю,
В Ерусалим град;
Пришел во церкву соборную;
Служил обедни за здравие матушки

И за себя, Василья Буслаевича;
И обедню с панафидою служил
По родимом своем батюшке
И по всему роду своему;
На другой день служил обедни с молебнами
Про удалых добрых молодцов,
Что с молоду бито много, граблено.
И ко святой святыне приложился он,
И в Ердане реке искупался.
И расплатился Василей с попами и с дьяконами;
И которые старцы при церкви живут,
Дает золотой казны, не считаючи.
И походит Василей ко дружине
Из Ерусалима па свой червлен корабль;
Втапоры его дружина хоробрая
Купалися во Ердане реке,
Приходила к ним баба залесная,
Говорила таково слово:
„Почто вы купаетесь во Ердане реке?
А некому купатися, опричь Василья Буслаевича:
Во Ердане реке крестился сам господь Иисус Христос;
Потерять его вам будет большого
Атамана Василья Буслаевича“.
И они говорят таково слово:
„Наш Василей тому не верует,
Ни в сон, ни в чох“.
И, мало время поизойдучи,
Пришел Василей ко дружине своей,
Приказал выводить корабль
Из устья Ердань реки;
Подняли тонки парусы полотняны,
Побежали по морю Каспицкому,
Приставали у острова Куминского.
Приходили тут атаманы казачие,
И стоят все на пристани корабельныя;

А и выскочил Василей Буслаевич
Из своего червленого корабля,
Поклонились ему атаманы казачие:
„Здравствуй, Василей Буслаевич!
Здорово ли съездил в Ерусалим град?“
Много Василей не баит с ними,
Подал письмо в руку им,
Что много трудов за их положил,
Служил обедни с молебнами за их молодцов.
Втапоры атаманы казачие
Звали Василья обедати,
И он не пошел к ним;
Прощался со всеми теми атаманы казачими,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали по морю Каспицкому к Новугороду.
А и едут неделю спорядy,
А и едут уже другую;
И завидел Василей гору высокую Сорочинскую,
Захотелось Василью на горе побывать.
Приставали к той Сорочинской горе,
Сходни бросали на ту гору.
Пошел Василей со дружиною,
И будет он в полгоры,
И на пути лежит пуста голова, человечья кость,
Пнул Василей тое голову с дороги прочь;
Провещится пуста голова:
„Гой еси ты, Василей Буслаевич!
К чему меня, голову, попинываешь,
И к чему побрасоваешь?
Я, молодец, не хуже тебя был,
Да умею валятися на той горе Сорочинския;
Где лежит пуста голова,
Лежать будет и Васильевой голове“.
Плюнул Василей, прочь пошел.
Взошел на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,

Где стоит высокой камень,
В вышину три сажени печатные,
И через его только топором подать,
В долину три аршина с четвертью;
И в том-то подпись подписана:
А кто-де у каменя станет тешиться,
А и тешиться, забавлятися,
Вдоль скакать по каменю,
Сломить будет буйну голову.
Василей тому не верует:
Стал со дружиною тешиться и забавлятися,
Поперек каменю поскакивати;
Захотелось Василью вдоль скакать,
Разбежался, скочил вдоль по каменю,
И не доскочил только четверти,
И тут убился под каменем.
Где лежит пуста голова,
Там Василья схоронили.
Побежали дружина с той Сорочинской горы
На свой червлен корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали ко Новугороду.
И будут у Новагорода,
Бросали с носу якорь и с кормы другой,
Чтобы крепко стоял и не шатался он.
Пошли к матерой вдове, к Амелфе Тимофеевне,
Пришли и поклонилися,
Все письмо в руки подали.
Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,
Говорила таковы слова:
„Гой вы еси, удалы добры молодцы!
У меня ныне вам делать нечего;
Подите в подвалы глубокие,
Берите золотой казны, не считаючи“.
Повела их девушка-чернавушка
К тем подвалам глубокиим;

Брали они казны по малу числу;
Пришли они к матерой вдове,
Взговорили таковы слова:
„Спасибо, матушка Амелфа Тимофеевна!
Что поила, кормила, обувала и одевала добрых молодцов!“
Втапоры матера вдова Амелфа Тимофеевна
Приказала наливать по чаре зелена вина,
Подносит девушка-чернавушка
Тем удалым добрым молодцам;
А и выпили они, сами поклонилися,
И пошли добры молодцы,
Кому куда захотелося.

20

Алёша Попович

Из славного Ростова, красна города,
Как два ясные соколы вылётывали,
Выезжали два могучие богатыря,
Что по имени Алёшенька Попович млад
А со молодом Екимом Ивановичем.
Они ездят, богатыри, плечо о плечо,
Стремяно в стремяно богатырское.
Они ездили, гуляли по чисту полю,
Ничего они в чистом поле не наезживали:
Не видали птицы перелетныя,
Не видали они зверя прыскучего,
Только в чистом поле наехали—
Лежат три дороги широкие,
Промежу тех дорог лежит горюч камень,
А на каменю подпись подписана.
Взговорит Алёша Попович млад:
„А и ты, братец, Еким Иванович,
В грамоте поученой человек!

Посмотри на каменю подписи,
Что на каменю подписано?"
И скочил Еким со добра коня,
Посмотрел на каменю подписи,
Росписаны дороги широкие:
Первая дорога во Муром лежит,
Другая дорога в Чернигов град,
Третья ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру.
Говорил тут Еким Иванович:
„А и братец, Алёша Попович млад,
Которой дорогой изволишь ехать?"
Говорил ему Алёша Попович млад:
„Лучше нам ехать ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру".
Втапоры поворотили добрых коней
И поехали они ко городу ко Киеву,
Не доехавши они до Сафат-реки
Становились на лугах на зеленых,
Надо Алёше покормить добрых коней,
Расставили тут два бела шатра,
Что изволил Алёша опочив держать.
А и мало время позамешкавши,
Молодой Еким со добры кони,
Стреножимши, в зелен луг пустил,
Сам ложился в свой шатер опочив держать.
Прошла та ночь осенняя,
Ото сна Алёша пробуждается,
Встает рано ранешенько,
Утренней зарею умывается,
Белою ширинкою утирается,
На восток он Алёша богу молится.
Молоды Еким сын Иванович
Скоро сходил по добрых коней,
А сводил он поить на Сафат на реку,
И приказал ему Алёша

Скоро седлать добрых коней;
Оседлавши он, Еким, добрых коней,
Наряжаются они ехать ко городу ко Киеву.
Пришел тут к ним калика перехожея:
Лапотки на нем семи шелков,
Подковырены чистым серебром,
Личико унизано красным золотом,
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа сорочинская, земли греческой,
В тридцать пуд шелепуга подорожная,
В пятьдесят пуд налита свинцу чебурацкого.
Говорил таково слово:
„Гой вы еси, удалы добры молодцы!
Видел я Тугарина Змеевича:
В вышину ли он, Тугарин, трех сажен,
Промеж плечей косая сажень,
Промежу глаз калена стрела;
Конь под ним, как лютой зверь,
Из хайлища пламень пышет,
Из ушей дым столбом стоит“.
Привязался Алёша Попович млад:
„А и ты, братец, калика перехожея!
Дай мне платье каличее,
Возми мое богатырское:
Лапотки свои семи шелков,
Подковырены чистым серебром,
Личико унизано красным золотом,
Шубу свою соболиную, долгополую,
Шляпу сорочинскую, земли греческой,
В тридцать пуд шелепугу подорожную,
В пятьдесят пуд налиту свинцу чебурацкого“.
Дает свое платье калика Алёше Поповичу,
Не отказываючи; а на себя надевал
То платье богатырское.
Скоро Алёша каликою наряжается
И взял шелепугу дорожную,

Котора была в пятьдесят пуд,
И взял в запас чингалище булатное,
Пошел за Сафат-реку.
Завидел тут Тугарин Змеевич млад,
Заревел зычным голосом,
Подрогнула дубровушка зеленая,
Алёша Попович едва жив идет.
Говорил тут Тугарин Змеевич млад:
„Гой еси, калика перехожея!
А где ты слыхал и где видал
Про молода Алёшу Поповича;
А и я бы Алёшу копьем заколол,
Копьем заколол и огнем спалил“.
Говорит тут Алёша каликою:
„А и ты ой еси, Тугарин Змеевич млад!
Поезжай поближе ко мне,
Не слышу я, что ты говоришь“.
И подъезжал к нему Тугарин Змеевич млад,
Сверстался Алёша Попович млад
Против Тугарина Змеевича,
Хлеснул его шелепугою по буйной голове,
Расшиб ему буйну голову,
И упал Тугарин на сыру землю;
Скочил ему Алёша на черну грудь.
Втапоры взмолится Тугарин Змеевич млад:
„Гой еси ты, калика перехожея!
Не ты ли Алёша Попович млад?
Токо ты Алёша Попович млад,
Сем побратуемся с тобой?“
Втапоры Алёша врагу не веровал,
Отрезал ему голову прочь,
Платье с него снимал цветное
На сто тысячей,
И все платье на себя надевал,
Садился на его добра коня
И поехал к своим белым шатрам.

Втапоры увидели Еким Иванович
И калика перехожея,
Испужалися его, сели на добрых коней,
Побежали ко городу Ростову.
И постигает их Алёша Попович млад,
Обвернется Еким Иванович,
Он выдергивал палицу боевую в тридцать пуд,
Бросил назад себе,
Показалося ему, что Тугарин Змеевич млад,
И угодил в груди белые Алёши Поповича,
Сшиб из седелечка черкеского,
И упал он на сыру землю.
Втапоры Еким Иванович
Скочил со добра коня, сел на груди ему,
Хочет пороть груди белые,
И увидел на нем золот чуден крест,
Сам заплакал, говорил калике перехожему:
„По грехам надо мною, Екимом, учинилося,
Что убих своего братца родимого“.
И стали его оба трясти и качать,
И потом подали ему питья заморского;
От того он здрав стал.
Стали они говорити и между собою платьем меняти:
Калика свое платье надевал каличье,
А Алёша — свое богатырское,
А Тугарина Змеевича платье цветное
Клали в чебодан к себе;
Сели они на добрых коней
И поехали все ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру.
А и будут они в городе Киеве
На княженецком дворе,
Скочили со добрых коней,
Привязали к дубовым столбам,
Пошли во светлы гридни;

Молятся Спасову образу,
И бьют челом, поклоняются
Князю Владимеру и княгине Апраксевне
И на все четыре стороны.
Говорил им ласковой Владимер князь:
„Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитеся, как вас по имени зовут:
А по имени вам мочно место дать,
По изотчеству можно пожаловати".
Говорит тут Алёша Попович млад:
„Меня, осударь, зовут Алёшею Поповичем,
Из города Ростова, старого попа соборного".
Втапоры Владимер князь обрадовался,
Говорил таковы слова:
„Гой еси, Алёша Попович млад!
По отечеству садися в большое место, в передний уголок,
В другое место богатырское,
В дубову скамью против меня,
В третье место, куда сам захошь".
Не садился Алёша в место большое,
И не садился в дубову скамью,
Сел он со своими товарищи на полатной брус.
Мало время позамешкавши,
Несут Тугарина Змеевича
На той доске красна золота
Двенадцать могучих богатырей.
Сажали в место большое,
И подле его сидела княгиня Апраксевна.
Тут повары были догадливы,
Понесли ества сахарные и питья медвяные,
А питья всё заморские,
Стали тут пить, есть, прохлажатися;
А Тугарин Змеевич нечестно хлеба ест,
По целой ковриге за щеку мечет,
Те ковриги монастырские;

И нечестно Тугарин питья пьет,
По целой чаше охлестывает,
Котора чаша в полтретья ведра.
И говорил втапоры Алёша Попович млад:
„Гой еси, ты, ласковой сударь, Владимер князь!
Что у тебе за болван пришел,
Что за дурак неотесаной?
Нечестно у князя за столом сидит,
Ко княгине он, собака, руки в пазуху кладет,
Целует во уста сахарные,
Тебе, князю, насмехается!
А у моего сударя, батюшка
Была собачища старая,
Насилу по подстолью таскалася,
И костью та собака подавилася.
Взял ее за хвост, под гору махнул;
От меня Тугарину то же будет!“
Тугарин почернел, как осення ночь,
Алёша Попович стал, как светел месяц.
И опять втапоры повары были догадливы,
Носят ества сахарные.
И принесли лебедушку белую,
И ту рушала княгиня лебедь белую,
Обрезала рученьку левую,
Завернула рукавцом, под стол опустила,
Говорила таково слово:
„Гой вы еси, княгини, боярыни!
Либо мне резать лебедь белую,
Либо смотреть на мил живот,
На молода Тугарина Змеевича!“
Он взявши, Тугарин, лебедь белую,
Всю вдруг проглотил,
Еще тут же ковригу монастырскую;
Говорит Алёша на полатном брусу:
„Гой еси, ласковой осударь, Владимер князь!
Что у тебе за болван сидит,

Что за дурак неотесаной?
Нечестно за столом сидит,
Нечестно хлеба с солью ест,
По целой ковриге за щеку мечет
И целу лебедушку вдруг проглотил!
У моего сударя, батюшка,
Федора, попа ростовского,
Была коровища старая,
Насилу по двору таскалася,
Забилася на поварню к поварам,
Выпила чан браги пресныя,
От того она лопнула;
Взял за хвост, под гору махнул;
От меня Тугарину то же будет!"
Тугарин потемнел, как осення ночь,
Выдернул чингалище булатное,
Бросил в Алёшу Поповича;
Алёша на то-то верток был;
Не мог Тугарин *попасть в него*;
Подхватил чингалище Еким Иванович,
Говорил Алёше Поповичу:
„Сам ли ты бросаешь в него, али мне велишь?"
„Нет, я сам не бросаю и тебе не велю!
Заутра с ним переведаюсь,
Бьюсь я с ним о велик заклад,
Не о сте рублях, не о тысяче,
А бьюсь о своей буйной голове".
Втапоры князи и бояра
Скочили на резвы ноги,
И все за Тугарина поруки держат:
Князи кладут по сту рублев,
Бояра по пятидесят,
Крестьяне по пяти рублев;
Тут же случилися гости купеческие,
Три корабля свои подписывают
Под Тугарина Змеевича,

Всяки товары заморские,
Которы стоят на быстром Непре;
А за Алёшу подписывал владыка Черниговской.
Втапоры Тугарин звился и вон ушел,
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажных крыльях под небесью летать.
Скочила княгиня Апраксевна на резвы ноги,
Стала пенять Алёше Поповичу:
„Деревенщина ты, засельщина!
Не дал посидеть другу милому“.
Втапоры того Алёша не слушался,
Звился с товарищи и вон пошел.
Садилися на добры кони,
Поехали ко Сафат реке,
Поставили белы шатры,
Стали опочив держать,
Коней опустили в зелены луга.
Тут Алёша всю ночь не спал,
Молился богу со слезами:
Создай, боже, тучу грозную,
А и тучи-то, с градом дождя!
Алёшины молитвы доходны ко Христу,
Дает господь бог тучу, с градом дождя,
Замочила Тугарина крылья бумажные,
Падает Тугарин, как собака, на сыру землю.
Приходил Еким Иванович
Сказал Алёше Поповичу,
Что видел Тугарина на сырой земле.
И скоро Алёша наряжается,
Садился на добра коня,
Взял одну сабельку вострую
И поехал к Тугарину Змеевичу.
И увидел Тугарин Змеевич Алёшу Поповича,
Заревел зычным голосом:
„Гой еси, Алёша Попович млад!

Хошь ли я тебя огнем спалю,
Хошь ли, Алёша, конем стопчу,
Али тебя, Алёшу, копьем заколю".
Говорил ему Алёша Попович млад:
„Гой ты еси, Тугарин Змеевич млад!
Бился ты со мною о велик заклад,
Биться, драться един на един,
А за тобою ноне силы сметы нет
На меня, Алёшу Поповича".
Оглянется Тугарин назад себя,
Втапоры Алёша подскочил, ему голову срубил,
И пала глава на сыру землю, как пивной котел.
Алёша скочил со добра коня,
Отвязал чембур от добра коня
И проколол уши у головы Тугарина Змеевича,
И привязал к добру коню
И привез в Киев на княженецкой двор,
Бросил середи двора княженецкого.
И увидел Алёшу Владимер князь,
Пошел во светлы гридни,
Сажал за убраны столы,
Тут для Алёши и стол пошел.
Сколько время покушавши,
Говорил Владимер князь:
„Гой еси, Алёша Попович млад!
Час ты мне свет дал,
Пожалуй ты живи в Киеве,
Служи мне князю Владимеру,
До люби тебя пожалую!"
Втапоры Алёша Попович млад князя не ослушался,
Стал служить верою и правдою;
А княгиня говорила Алёше Поповичу:
„Деревенщина ты, засельщина!
Разлучил меня с другом милым,
С молодым Змеем Тугаретиным!"
Отвечает Алёша Попович млад:

„А ты гой еси, матушка, княгиня Апраксевна!
Чуть не назвал я тебя сукою,
Сукою-то волочайкою".
То старина, то и деянье.

21

Добрыня чудь покорил

В стольном городе в Киеве,
Что у ласкова сударь князя Владимера,
Было пирование, почестной пир,
Было столование, почестной стол
На многие князи и бояра
И на русские могучие богатыри;
А и будет день в половина дня,
И будет стол во полустоле,
Владимер князь распотешился,
По светлой гридне похаживает,
Черны кудри расчесывает,
Таковы слова поговаривает:
„Есть ли в Киеве таков человек,
Из сильных могучих богатырей,
А кто бы сослужил службу дальную,
А и дальну службу, заочную?
Кто бы съездил в орды немирные
И очистил дороги прямоезжие
До моего тестя любимого,
До грозна короля Этмануйла Этмануйловича,
Вырубил чудь белоглазую,
Прекротил сорочину долгополую,
А и тех черкес пятигорскиих,
И тех калмыков с татарами,
Чюкши все бы и алюторы?"
Втапоры большой за меньшего хоронится,

А от меньшего ему, князю, ответу нет.
Из того было стола княженецкого,
Из той скамьи богатырския
Выступается удал доброй молодец,
Молоды Добрыня Никитич млад:
„Гой еси, сударь, ты мой дядюшка,
Ласково солнце, Владимер князь!
Нет у тебя в Киеве охотников
Быть перед князем невольником.
Я сослужу службу дальную,
Службу дальную, заочную,
Съезжу я в орды немирные,
Очищу дороги прямоезжие
До твоего тестя любимого,
До грозна короля Этмануйла Этмануйловича.
А и вырублю чудь белоглазую,
Прекрочу сорочину долгополую,
А и тех черкес пятигорскиих,
И тех калмыков с татарами,
Чюкчи все и алюторы“.
Втапоры Владимер князь
Приказал наливать чару зелена вина
В полтора ведра
И турей рог меду сладкого
В полтретья ведра;
Подавали Добрыне Никитичу,
Принимает он, Добрыня, единой рукой,
Выпивает молодец единым духом
И турей рог меду сладкого.
И пошел он, Добрыня Никитич млад,
С княженецкого двора ко своей сударыне матушке,
Просит благословение великое:
„Благослови меня, матушка,
Матера вдова Афимья Александровна!
Ехать в дальны орды немирные,
Дай мне благословение на шесть лет,

Еще в запас на двенадцать лет".
Говорила ему матушка:
„На кого покидаешь молоду жену,
Молоду Настасью Никулишну?
Зачем же ты, дитятко, и брал за себя?
Что не прошли твои дни свадбенные,
Не успел ты отпраздновати радости своей,
Да перед князем расхвастался в поход идтить".
Говорил ей Добрынюшка Никитьевич:
„А ты гой еси, моя сударыня матушка,
Честна вдова Афимья Александровна!
Что же мне делать и как же быть?
Из чего же нас богатырей князю и жаловати?"
И дает ему матушка свое благословение великое
На те годы уреченные.
Прощается Добрыня Никитич млад
С молодой женой, с душой Настасьей Никулишной,
Сам молодой жене наказывает:
„Жди мене, Настасья, шесть лет,
А если бо не дождешься в шесть лет,
То жди меня в двенадцать лет;
Коли пройдет двенадцать лет,
Хоть за князя поди, хоть за боярина,
Не ходи только за брата названого,
За молода Алёшу Поповича".
И поехал Добрыня Никитич млад
В славные орды немирные.
А и ездит Добрыня неделю в них,
В тех ордах немирныих,
А и ездит уже другую,
Рубит чудь белоглазую,
И тое сорочину долгополую,
А и тех черкес пятигорскиих,
А и тех калмык с татарами,
И чюкши все и алюторы,
Всяким языкам спуску нет.

Очистил дорогу прямоезжую
До его-то тестя любимого,
До грозного короля Этмануйла Этмануйловича.
А втапоры Настасье шесть лет прошло;
И немало время замешкавши,
Прошло ей, Никулишне, все сполна двенадцать лет.
А никто уже на Настасье не сватается,
Посватался Владимер князь стольной киевской
А за молода Алёшунку Поповича.
А скоро эта свадьба учинилася,
И скоро ту свадьбу ко венцу повезли.
Втапоры Добрыня едет в Киев град.
Старые люди переговаривают:
Знать-де полетка соколиная,
Видеть и поездка молодецкая.
Что быть Добрыне Никитичу!
И проехал молодец на вдовий двор,
Приехал к ней середи двора,
Скочил Добрыня со добра коня,
Привязал к дубову столбу,
Ко тому кольцу булатному.
Матушка его старехунька:
Некому Добрынюшку встретити.
Походил Добрыня во светлу гридню,
Он Спасову образу молится,
Матушке своей кланяется:
„А ты здравствуй, сударыня матушка,
Матера вдова Афимья Александровна!
В доме ли женишка моя?“
Втапоры его матушка заплакала,
Говорила таковы слова:
„Гой еси, мое чадо милое!
А твоя ли жена замуж пошла,
За молода Алёшу Поповича;
Ныне они у венца стоят“.
И походит он, Добрыня Никитич млад,

Ко великому князю появитися.
Втапоры Владимер князь с тою свадьбою
Приехал от церкви на свой княженецкой двор,
Пошли во светлы гридни,
Садилися за убраные столы;
Приходил же тут Добрыня Никитич млад:
Он молится Спасову образу,
Кланяется князю Владимеру и княгине Апраксевне
На все четыре стороны:
„Здравствуй ты, осударь, Владимер князь
Со душою княгинею Апраксевною!
Сослужил я, Добрыня, тебе, князю, службу
заочную,
Съездил в дальны орды немирные,
И сделал дорогу прямоезжую
До твоего тестя любимого,
До грозного короля Этмануйла Этмануйловича:
Вырубил чудь белоглазую,
Прекротил сорочину долгополую,
И тех черкес пятигорскиих,
А и тех калмыков с татарами,
Чюкши все и алюторы“.
Втапоры за то князь похвалил:
„Исполать тебе, доброй молодец!
Что служишь князю верою и правдою“.
Говорит тут Добрыня Никитич млад:
„Гой еси, сударь, мой дядюшка,
Ласково солнце, Владимер князь!
Не диво Алёше Поповичу,
Диво князю Владимеру,
Хочет у жива мужа жену отнять!“
Втапоры Настасья засовалася,
Хочет прямо скочить, обесчестить столы.
Говорил Добрыня Никитич млад:
„А и ты, душка, Настасья Никулишна!
Прямо не скачи, не бесчести столы;

Будет пора, кругом обойдешь".
Взял за руку ее и вывел из-за убраных столов,
Поклонился князю Владимеру,
Да и молоду Алёше Поповичу,
Говорил таково слово:
„Гой еси, мой securityназваной брат,
Алёша Попович млад!
Здравствуй, женивши, да не с кем спать!"

22

Михайла Казаринов

Как из далеча было, из Галичья,
Из Волынца города из Галичья,
Как ясен сокол вон вылётывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал,
Выезжал удача доброй молодец,
Молоды Михайла Казаренин;
Как конь под ним — как бы лютой зверь,
Он сам на коне — как ясен сокол,
Крепки доспехи на могучих плечах,
Куяк и панцырь — чиста серебра,
А кольчуга на нем красна золота;
А куяку и панцырю цена стоит на сто тысячей,
А кольчуга на нем красна золота,
Кольчуги цена сорок тысячей,
Шелом на буйной голове замычется,
Шелому цена три тысячи,
Копьё в руках мурзамецкое, как свеча горит,
Ко левой бедре припоясана сабля вострая,
В долину сабля сажень печатная,
В ширину сабля осми вершков;
Еще с ним тугой лук разрывчатой,
А цена тому луку три тысячи,

Потому цена луку три тысячи:
Полосы были булатные,
А жилы слоны сохатныя,
И рога красна золота,
А тетивочка шелковая,
Белого шелку шемаханского,
И колчан с ним каленых стрел,
А во колчане было полтораста стрел,
Всякая стрела по пяти рублев;
А конь под ним, как лютой зверь,
Цены коню — сметы нет;
Почему коню цены сметы нет?
Потому ему цены сметы нет:
За реку броду не спрашивает,
Он скачет конь с берегу на берег,
Котора река шириною пятнадцать верст.
А и едет ко городу Киеву,
Что ко ласкову князю Владимеру,
Чудотворцам в Киеве молитися,
И Владимеру князю поклонитися,
Послужить верою и правдою,
По заочью князю, не изменою.
Как и будет он в городе Киеве
Середи двора княженецкого,
Скочил Казаренин со добра коня,
Привязал коня к дубову столбу,
К дубову столбу, к кольцу булатному.
Походил в гридню во светлую,
Ко великому князю Владимеру,
Молился Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею,
И на все четыре стороны:
Говорил ему ласковой Владимер князь:
„Гой еси, удача доброй молодец!
Откуль приехал, откуль тебя бог принес?
Еще как тебя, молодца, именем зовут?

А по имени тебе можно место дать,
По изотчеству можно пожаловати".
И сказал удалой доброй молодец:
„А зовут меня Михайлою Казаренин,
А Казаренин душа Петрович млад".
А втапоры стольной Владимер князь
Не имел у себя стольников и чашников,
Наливал сам чару зелена вина,
Не велика мера — в полтора ведра
И проведывает могучего богатыря,
Чтобы выпил чару зелена вина
И турей рог меду сладкого в полтретья ведра.
Принимает Казаренин единой рукой,
А и выпил единым духом,
И турей рог меду сладкого.
Говорил ему ласковой Владимер князь:
„Гой еси ты, молодой Михайла Казаренин!
Сослужи ты мне службу заочную,
Съезди ко морю синему,
Настреляй гусей, белых лебедей,
Перелетных серых малых уточек
К моему столу княженецкому,
До люби я молодца пожалую!"
Молоды Михайла Казаренин
Великого князя не ослушался,
Помолился богу, сам и вон пошел.
И садился он на добра коня
И поехал ко морю синему,
Что на теплы, тихи заводи.
Как и будет у моря синего,
На его щаски великие,
Привалила птица к берегу,
Настрелял он гусей, лебедей,
Перелетных серых малых уточек,
Ко его столу княженецкому,
Обвязал он своего добра коня

По могучим плечам до сырой земли,
И поехал от моря от синего
Ко стольному городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру.
Наехал в поле сыр кряковистой дуб,
На дубу сидит тут черны ворон,
С ноги на ногу переступывает,
Он правильно перушка поправливает;
А и ноги, нос — что огонь горят.
А и тут Казаренину за беду стало,
За великую досаду показалося,
Он, Казаренин, дивуется,
Говорил таково слово:
„Сколько по полю я езживал,
По его государевой отчине,
Такого чуда не наезживал,
И наехал ныне черна ворона!“
Втапоры Казаренин
Вынимал из налушна свой тугой лук,
Из колчана калену стрелу,
Хочет застрелить черна ворона.
А и тугой лук свой потягивает,
Калену стрелу поправливает;
И потянул свой тугой лук за ухо,
Калену стрелу семи четвертей.
И завыли рога у туга лука,
Заскрипели полосы булатные,
Чуть было спустит калену стрелу —
Провещится ему черны ворон:
„Гой еси ты, удача доброй молодец!
Не стреляй меня ты, черна ворона,
Моей крови тебе не пить будет,
Моего мяса не есть будет,
Надо мною сердце не изнести!
Скажу тебе добычу богатырскую:
Поезжай на гору высокую,

Посмотри в раздолья широкая,
И увидишь в поле три бела шатра,
И стоит беседа — дорог рыбей зуб,
На беседе сидят три татарина,
Как бы три, собаки, наездники,
Перед ними ходит красна девица,
Русская девица полоняночка,
Молода Марфа Петровична".
И за то слово Казаренин спохватается,
Не стрелял на дубу черна ворона,
Поехал на гору высокую,
Смотрел раздолья широкая,
И увидел в поле три бела шатра,
Стоит беседа — дорог рыбей зуб,
На беседе сидят три татарина,
Три, собаки, наездники,
Перед ними ходит красна девица,
Русская девица полоняночка,
Молода Марфа Петровична,
Во слезах не может слово молвити,
Добре жалобно причитаючи:
„О злочастная, моя буйна голова!
Горе горькая, моя руса коса,
А вечор тебя матушка расчесывала,
Расчесала матушка, заплетала.
Я сама, девица, знаю, ведаю,
Расплетать будет моя руса коса
Трем татарам наездникам".
Они те-то речи татара договаривают,
А первой татарин проговорит:
„Не плачь, девица, душа красная,
Не скорби, девица, лица белого;
А с делу татарину достанешься:
Не продам тебя девицу дешево,
Отдам за сына за любимого,
За мирного сына в Золотой орде".

Со тыя горы со высокия,
Как ясен сокол напущается
На синем море на гуси и лебеди,
Во чистом поле напущается
Молоды Михайла Казаренин,
А Казаренин душа Петрович млад;
Приправил он своего добра коня,
Принастегивал богатырского,
И в руке копье мурзамецкое:
Первого татарина копьем сколол,
Другого, собаку, конем стоптал,
Третьего о сыру землю.
Скочил Казаренин с добра коня,
Сохватал девицу за белы ручки,
Русску девицу полоняночку,
Повел девицу во бел шатер,
Как чуть с девицею ему грех творить,
А грех творить, с нею блуд блудить.
Расплачется красна девица:
„А не честь твоя молодецкая, богатырская,
Не спросил ни дядины, ни отчины,
Княженецкая ль дочь и боярская.
Была я дочь гостиная,
Из Волынца города, из Галичья,
Молода Марфа Петровична".
И за то слово Казаренин спохватается:
„Гой еси, душа, красная девица
Молода Марфа Петровична!
А ты по роду мне родна сестра,
И ты как татарам досталася,
Ты как трем, собакам, наездникам?"
Говорит ему родная сестра:
„Я вечор гуляла в зеленом саду,
Со своей сударынею матушкою,
Как издалеча, из чиста поля,
Как черны вороны налетывали,

Набегали тут три татарина наездники,
Полонили мене, красну девицу,
Повезли мене во чисто поле:
А я так татарам досталася,
Трем, собакам, наездникам".
Молоды Михайла Казаренин
Собирает в шатрах злата, серебра,
Он кладет во те сумы переметные,
Переметные, сыромятные,
И берет беседу — дорог рыбей зуб.
Посадил девицу на добра коня,
На русского, богатырского,
Сам садился на татарского,
Как бы двух коней в поводу повел,
И поехал к городу Киеву,
Въезжает в стольной Киев град.
А и стольники, приворотники,
Доложили князю Владимеру,
Что приехал Михайла Казаренин;
Поколь Михайла снял со добра коня
Свою сестрицу родимую,
И привязал четырех коней к дубову столбу.
Идут послы от князя Владимера,
Велят идтить Михайле во светлу гридню.
Приходил Казаренин во светлу гридню
Со своею сестрицею родимою,
Молится Спасову образу,
Кланяется князю Владимеру
И княгине Апраксевне:
„Здравствуй ты, ласковой, сударь, Владимер князь,
Со душею княгинею Апраксевною!
Куда ты мене послал, то сослужил,
Настрелял гусей, белых лебедей
И перелетных серых малых уточек.
А и сам в добыче богатырския:
Убил в поле трех татаринов,

Трех, собак, наездников,
И сестру родную у них выручил,
Молоду Марфу Петровичну“.
Владимер князь стольной киевской
Стал о том светел, радошен;
Наливал чару зелена вина в полтора ведра,
И турей рог меду сладкого в полтретья ведра,
Подносил Михайле Казарину;
Принимает он, Михайла, единой рукой
И выпил единым духом.
Втапоры пошли они на широкой двор,
Пошел князь и со княгинею,
Смотрел его добрых коней,
Добрых коней татарскиих.
Велел тут князь со добра коня птиц обрать,
И велел снимать сумы сыромятные,
Относить во светлы гридни,
Берет беседу — дорог рыбей зуб,
А и коней поставить велел по стойлам своим.
Говорил тут ласковой Владимер князь:
„Гой еси ты, удача доброй молодец,
Молоды Михайла Казаренин,
А Казаренин душа Петрович млад!
У меня есть триста жеребцов,
И три любимы жеребца,
А нет такого единого жеребца.
Исполать тебе, добру молодцу,
Что служишь князю верою и правдою!“

Поток Михайла Иванович

Во стольном городе во Киеве,
У ласкова князя Владимера
Было пирование, почестной пир
На три братца названые,
Свето-русские могучие богатыри:
А на первого братца названого
Свето-русского могучего богатыря,
На Потока Михайла Ивановича;
На другого братца названого,
На молода Добрыню Никитича;
На третьего брата названого,
Что на молода Алёшу Поповича.
Что взговорит тут Владимер князь:
„А и ты, гой еси, Поток Михайла Иванович!
Сослужи мне службу заочную,
Съезди ты ко морю синему,
На теплые тихи заводи,
Настреляй мне гусей, белых лебедей,
Перелетных малых уточек
К моему столу княженецкому,
До люби я молодца пожалую!“
Поток Михайла Иванович
Не пьет он, молодец, ни пива, ни вина,
Богу помолясь, сам и вон пошел.
А скоро-де садился на добра коня,
И только его увидели,
Как молодец за ворота выехал,
В чистом поле лишь дым столбом.
Он будет у моря синего,
По его по щаски великия
Привалила птица к круту берегу,
Настрелял он гусей, белых лебедей

И перелетных малых уточек.
Хочет ехать от моря синего,
Посмотреть на тихие заводи;
И увидел белую лебедушку,
Она через перо была вся золота,
А головушка у ней увивана красным золотом
И скатным земчугом усажена,
Вынимает он Поток
Из налушна свой тугой лук,
Из колчана вынимал калену стрелу;
И берет он тугой лук в руку левую,
Калену стрелу в правую,
Накладыват на тетивочку шелковую;
Потянул он тугой лук за ухо,
Калену стрелу семи четвертей,
Заскрипели полосы булатные
И завыли рога у туга лука;
А и чуть было спустить калену стрелу,
Провещится ему лебедь белая,
Авдотьюшка Леховидьевна:
„А и ты, Поток Михайла Иванович!
Не стреляй ты меня, лебедь белую,
Не в кое время пригожуся тебе!“
Выходила она на крутой бережок,
Обернулася душой красной девицей,
А и Поток Михайла Иванович
Воткнет копье во сыру землю,
Привязал он коня за остро копье,
Сохватил девицу за белы ручки
И целует ее во уста сахарные.
Авдотьюшка Леховидьевна
Втапоры больно его уговаривала;
„А ты, Поток Михайла Иванович!
Хотя ты на мне и женишься,
И кто из нас прежде умрет,
Второму за ним живому во гроб идти“.

Втапоры Поток Михайла Иванович
Садился на своего добра коня,
Говорил таково слово:
„А и ты, гой еси, Авдотья Леховидьевна!
Будем в городе Киеве,
В соборе ударят к вечерне в колокол;
А ты втапоры будь готовая,
Приходи к церкви соборныя,
Тут примем с тобою обрученье свое“.
И скоро он поехал к городу Киеву.
От моря синего,
Авдотьюшка Леховидьевна,
Полетела она белой лебедушкой в Киев град
Ко своей сударыне матушке,
К матушке и к батюшке.
Поток Михайла Иванович
Нигде не мешкал, не стоял;
Авдотьюшка Леховидьевна
Перво его в свой дом ускорить могла.
И сидит она под окошечком косящатым,
Сама усмехается;
А Поток Михайла Иванович
Едет, сам дивуется:
„А нигде я не мешкал, не стоял,
А она перво меня в доме появилася!“
И приехал он на княженецкой двор,
Придворотники доложили стольникам,
А стольники князю Владимеру,
Что приехал Поток Михайла Иванович.
И велят ему князь ко крылечку ехать.
Скоро Поток скочил со добра коня,
Поступит ко крылечку красному,
Походит по гридню светлую,
Он молится Спасову образу,
Поклонился князю со княгинею,
И на все четыре стороны:

„Здравствуй ты, ласковой сударь, Владимер князь!
Куда ты мене послал, то сослужил:
Настрелял я гусей, белых лебедей,
Перелетных малых уточек,
И сам сговорил себе красну девицу,
Авдотьюшку Леховидьевну,
К вечерне быть в соборе
И с ней обрученье принять.
Гой еси, ласковой сударь, Владимер князь!
Хотел было сделать пир простой
На три брата названые,
А ныне для меня одного
Доспей свадбенной пир веселой,
Для Потока Михайла Ивановича“.
А и тут в соборе к вечерне в колокол ударили,
Поток Михайла Иванович к вечерне пошел;
С другу сторону Авдотьюшка Леховидьевна
Скоро втапоры наряжалася и убиралася,
Убравши к вечерне пошла;
Ту вечерню отслушали.
А и Поток Михайла Иванович
Соборным попам поклоняется,
Чтоб с Авдотьюшкой обрученье принять;
Эти попы соборные
Тому они делу радошны,
Скоро обрученье сделали,
Тут обвенчали их и привели к присяге такой:
Кто перво умрет,
Второму за ним живому в гроб идти.
И походит он Поток Михайла Иванович
Из церкви вон со своею молодою женою,
С Авдотьюшкой Леховидьевной,
На тот широкой двор ко князю Владимеру;
Приходит во светлы гридни.
И тут им князь стал весел, радошен,
Сажал их за убраны столы,

Втапоры для Потока Михайла Ивановича
Стол пошел:
Повары были догадливы,
Носили ества сахарные
И питья медвяные;
А и тут пили, ели, прохлажалися,
Пред князем похвалялися.
И не мало время замешкавши,
День к вечеру вечеряется,
Красное солнце закатается,
Поток Михайла Иванович
Спать во подклеть убирается.
Свели его во гридню спальную;
Все тут князи и бояра разъехалися,
Разъехались и пешком разбрелись.
А у Потока Михайла Ивановича
Со молодой женой Авдотьей Леховидьевной
Немного житья было — полтора года,
Захворала Авдотьюшка Леховидьевна,
С вечера она расхворается,
Ко полуночи разболелася,
Ко утру и преставилася.
Мудрости искала над мужем своим,
Над молодым Потоком Михайлою Ивановичем.
Рано зазвонили к заутрени,
Он пошел Поток соборным попам весть подавать,
Что умерла его молода жена,
Приказали ему попы соборные
Тотчас на санях привезти
Ко тоя церкви соборныя,
Поставить тело на паперти;
А и тут стали могилу копать,
Выкопали могилу глубокую и великую,
Глубиною, шириною по двадцати сажен.
Сбиралися тут попы со дьяконами
И со всем церковным причетом,

Погребали тело Авдотьино.
И тут Поток Михайла Иванович
С конем и збруею ратною
Опустился в тое ж могилу глубокую,
И заворочали потолоком дубовыим
И засыпали песками желтыми,
А над могилою поставили деревянной крест;
Только место оставили веревке одной,
Которая была привязана к колоколу соборному.
И стоял он, Поток Михайла Иванович,
В могиле с добрым конем,
С полудни до полуночи,
И для страху, добыв огня,
Зажигал свечи воску ярого.
И как пришла пора полуночная,
Собиралися к нему все гады змеиные,
А потом пришел большой змей,
Он жжет и палит пламем огненным,
А Поток Михайла Иванович
На то-то не робок был,
Вынимал саблю вострую,
Убивает змея лютого
И ссекает ему голову.
И тою головою змеиною
Учал тело Авдотьино мазати.
Втапоры она, еретница,
Из мертвых пробуждалася.
И он за тое веревку ударил в колокол,
И услышал трапезник,
Бежит тут к могиле Авдотьиной,
Ажно тут веревка из могилы к колоколу торгается.
И собираются тут православной народ,
Все тому дивуются,
А Поток Михайла Иванович
В могиле ревет зычным голосом.
И разрывали тое могилу наскоро,

Опускали лесницы долгие,
Вынимали Потока и с добрым конем
И со его молодой женой;
И объявили князю Владимеру
И тем попам соборныим,
Поновили их святой водой,
Приказали им жить по-старому.
И как Поток живучи состарелся,
Состарелся и переставился,
Тогда попы церковные,
По прежнему их обещанию,
Его Потока похоронили,
А его молоду жену,
Авдотью Леховидьевну
С ним же живую зарыли во сыру землю;
И тут им стала быть память вечная.
То старина, то и деянье.

24

Сорок калик со каликою

А из пустыни было Ефимьевы,
Из монастыря из Боголюбова,
Начинали калики паряжатися
Ко святому граду Иерусалиму,
Сорок калик их со каликою.
Становилися во единой круг,
Они думали думушку единую,
А едину думушку крепкую:
Выбирали большего атамана
Молода Касьяна сына Михайловича.
А и молоды Касьян сын Михайлович
Кладет он заповедь великую
На всех тех дородных молодцов:
„А идтить нам, братцы, дорога неближняя,
Идти будет ко городу Иерусалиму,
Святой святыне помолитися,
Господню гробу приложитися,
Во Ердань реке искупатися,
Нетленною ризой утеретися;
Идти селами и деревнями,

Городами теми с пригородками;
А в том-то ведь заповедь положена:
Кто украдет, или кто солжет,
Али кто пустится на женской блуд,
Не скажет большому атаману,
Атаман про то дело проведает,—
Едина оставить во чистом поле
И окопать по плеча во сыру землю".
И в том-то ведь заповедь подписана,
Белые рученьки исприложены:
Атаман Касьян сын Михайлович
Податаманье — брат его родной,
Молоды Михайла Михайлович.
Пошли калики во Ерусалим град,
А идут неделю уже спорядy,
Идут уже время немалое,
Подходят уже они под Киев град,
Сверх тое реки Череги,
На его потешных на островах,
У великого князя Владимера.
А и вышли они из раменья,
В стречу им-то Владимер князь,
Ездит он за охотою,
Стреляет гусей, белых лебедей,
Перелетных малых уточек,
Лисиц, зайцов всех поганивает.
Пригодилося ему ехати по близости,
Завидели его калики тут перехожие,
Становилися во единой круг,
Клюки-посохи в землю потыкали,
А и сумочки исповесили;
Скричат калики зычным голосом:
Дрогнет матушка сыра земля,
С дерев вершины попадали,
Под князем конь окорачился,
А богатыри с коней попадали,

А Спиря стал поспиривать,
Сёма стал пересёмывать.
Едва пробудится Владимер князь,
Рассмотрел удалых добрых молодцов,
Они-то ему поклонилися,
Великому князю Владимеру,
Прошают у него святую милостыню,
А и чем бы молодцам душа спасти.
Отвечает им ласковой Владимер князь:
„Гой вы еси, калики перехожие!
Хлебы с нами завозные,
А и денег со мною не годилося,
А и езжу я, князь, за охотою,
За зайцами и за лисицами,
За соболи и за куницами,
И стреляю гусей, белых лебедей,
Перелетных малых уточек.
Изволите вы идти во Киев град
Ко душе княгине Апраксевне;
Честна роду дочь, королевишна,
Напоит, накормит вас добрых молодцов,
Наделит вам в дорогу злата, серебра“.
Недолго калики думу думали,
Пошли ко городу ко Киеву,
А и будут в городе Киеве,
Середи двора княженецкого,
Клюки-посохи в землю потыкали,
А и сумочки исповесили,
Подсумочья рыта бархата.
Скричат калики зычным голосом:
С теремов верхи повалялися,
А с горниц охлупья попадали,
В погребах питья сколыбалися.
Становилися во единой круг,
Прошают святую милостыню
У молоды княгини Апраксевны.

Молода княгиня испужалася,
А и больно она передрогнула;
Посылает стольников и чашников
Звать калик во светлу гридню.
Пришли тут стольники и чашники,
Бьют челом, поклоняются
Молоду Касьяну Михайлову,
Со своими его товарищами:
Хлеба есть во светлу гридню
К молодой княгине Апраксевне.
А и тут Касьян не ослушался,
Походил во гридню, во светлую;
Спасову образу молятся,
Молодой княгине поклоняются.
Молода княгиня Апраксевна,
Поджав ручки, будто турчаночки,
Со своими нянюшки и мамушки,
С красными сенными девушки.
Молоды Касьян сын Михайлович
Садился в место большее.
От лица его молодецкого,
Как бы от солнучка от красного,
Лучи стоят великие.
Убирались тут все добры молодцы,
А и те ка́лики перехожие
За те столы убраные.
А и стольники, чашники
Поворачивают, пошевеливают
Своих они приспешников,
Понесли-то ества сахарные,
Понесли питья медвяные.
А и те калики перехожие
Сидят за столами убраными,
Убирают ества сахарные,
А и те ведь пьют питья медвяные.
И сидят они время, час-другой;

Во третьем часу подымалися,
Подымавши, они богу молятся,
За хлеб за соль бьют челом
Молодой княгине Апраксевне
И всем стольникам и чашникам;
И того они еще ожидаючи
У молодой княгини Апраксевны,
Наделила б на дорогу златом, серебром,
Сходить бы во град Иерусалим.
А у молодой княгине Апраксевны
Не то в уме, не то в разуме:
Пошлет Алёшиньку Поповича,
Атамана их уговаривати
И всех калик перехожиих,
Чтоб не идти бы им сего дня и сего числа.
И стал Алёша уговаривати
Молода Касьяна Михайловича.
Зовет к княгине Апраксевне
На долгие вечеры посидети,
Забавные речи побаити,
А сидеть бы наедине во спальне с ней.
Молоды Касьян сын Михайлович,
Замутилось его сердце молодецкое,
Отказал он Алёше Поповичу,
Не идет на долгие вечеры
К молодой княгине Апраксевне,
Забавные речи баити.
На то княгиня осердилася,
Посылает Алёшиньку Поповича,
Прорезать бы его суму рыта бархата,
Запихать бы чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на приезде пьет.
Алёша-то догадлив был,
Распорол суму рыта бархата,
Запихал чарочку серебряну
И зашивал гладехонько,

Что познать было не можно.
С тем калики и в путь пошли,
Калики с широка двора
С молодой княгиней не прощаются,
А идут калики не оглянутся.
И верст десяток отошли они
От стольного города Киева,
Молода княгиня Апраксевна
Посылает Алёшу во погон за ним;
Молоды Алёша Попович млад
Настиг калик во чистом поле,
У Алёши вежство нерожденое,
Он стал с каликами здорити,
Обличает ворами, разбойниками:
„Вы-то, калики, бродите по миру по крещеному,
Кого окрадете, своим зовете,
Покрали княгиню Апраксевну,
Унесли вы чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на приезде пьет!"
А в том калики не даются ему,
Молоду Алёше Поповичу,
Не давались ему на обыск себе.
Поворчал Алёшинька Попович млад,
Поехал ко городу Киеву,
И так приехал во стольной Киев град.
Во то же время и во тот же час
Приехал князь из чиста поля,
И с ним Добрынюшка Никитич млад.
Молода княгиня Апраксевна
Позовет Добрынюшку Никитича,
Посылает за каликами,
За Касьяном Михайловичем.
Втапоры Добрынюшка не ослушался,
Скоро поехал в чисто поле.
У Добрыни вежство рожденое и ученое:
Настиг он калик во чистом поле;

Скочил с коня, сам бьет челом:
„Гой еси, Касьян Михайлович!
Не наведи на гнев князя Владимера,
Прикажи обыскать калики перехожие,
Нет ли промежу вас глупого“.
Молодой Касьян сын Михайлович
Становил калик во единой круг,
И велел он друг друга обыскивать
От малого до старого,
От старого и до больша лица,
До себя, млада Касьяна Михайловича.
Нигде-то чарочка не явилася,
У млада Касьяна пригодилася.
Брат его молоды Михайла Михайлович
Принимался за заповедь великую:
Закопали атамана по плеча во сыру землю,
Едина оставили во чистом поле,
Молода Касьяна Михайловича.
Отдавали чарочку серебряну
Молоду Добрынюшке Никитичу,
И с ним написан виноватой тут,
Молоды Касьян Михайлович.
Добрыня поехал он во Киев град,
А и те калики во Ерусалим-град;
Молоды Касьян сын Михайлович
С ними, калики, прощается.
И будет Добрынюшка в Киеве,
У млады княгини Апраксевны,
Привез он чарочку серебряну,
Виноватого назначено,
Молода Касьяна сына Михайлова.
А с того время, часу захворала она,
Захворала скорбью недоброю:
Слегла княгиня в великое во огноище.
Ходили калики в Ерусалим град,
Вперед шли три месяца.

А и будут в граде Ерусалиме,
Святой святыне помолилися,
Господню гробу приложилися,
Во Ердане реке искупалися,
Нетленною ризою утиралися.
А всё-то молодцы отправили:
Служили обедни с молебнами
За свое здравие молодецкое,
По поклону положили за Касьяна Михайловича.
А и тут калики не замешкались,
Пошли ко городу Киеву
И ко ласкову князю Владимеру:
А идут назад уже месяца два,
На то место не угодили они,
Обошли маленькой сторонкою.
Его молода Касьяна Михайловича
Голосок наносит помалехоньку.
А и тут калики остоялися,
А и место стали опознавать,
Подалися малехонько и увидели
Молода Касьяна сына Михайловича,
Он ручкой машет, голосом кричит.
Подошли удалы добры молодцы,
Вначале атаман, родной брат его,
Михайла Михайлович;
Пришли все они, поклонилися,
Стали здравствовать.
Подает он, Касьян, ручку правую,
А они-то к ручке приложилися,
С ним поцеловалися,
И все к нему переходили.
Молоды Касьян сын Михайлович
Выскакивал из сырой земли,
Как ясен сокол из тепла гнезда,
А все они, молодцы, дивуются
На его лицо молодецкое,

Не могут зрить добры молодцы,
А и кудри на нем молодецкие
До самого пояса.
И стоял Касьян немало число,
Стоял в земле шесть месяцов,
А шесть месяцов будет полгода.
Втапоры пошли калики ко городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру,
Дошли они до чудна креста Леванидова,
Становилися во единой круг,
Клюки-посохи в землю потыкали,
И стоят калики потихохуньку.
Молоды Михайла Михайлович
Атаманом еще правил у них.
Посылает легкого молодчика
Доложиться князю Владимеру:
Прикажет ли идти нам пообедати?
Владимер князь пригодился в доме,
Посылал он своих клюшников, ларешников
Побить челом и поклонитися им-то, каликам,
Каликам пообедати,
И молоду Касьяну на особицу.
И тут клюшники, ларешники
Пришли они к каликам, поклонилися,
Бьют челом к князю пообедати.
Пришли калики на широкой двор.
Середи двора княженецкого
Поздравствовал ему Владимер князь,
Молоду Касьяну Михайловичу;
Взял его за белы руки,
Повел во светлу гридню.
А втапоры молодой Касьян Михайлович
Спросил князя Владимера
Про молоду княгиню Апраксевну:
„Гой еси, сударь, Владимер князь!
Здравствует ли твоя княгиня Апраксевна?“

Владимер князь едва речи выговорил:
„Мы-де уже неделю другу не ходим к ней!"
Молодой Касьян тому не брезгует,
Пошел со князем во спальну к ней,
А и князь идет, свой нос зажал,
Молоду Касьяну-то нечто ему,
Никакого духу он не верует.
Отворяли двери у светлы гридни,
Раскрывали окошечки косящатые.
Втапоры княгиня прощалася,
Что нанесла речь напрасную.
Молодой Касьян сын Михайлович
А и дунул духом святым своим
На младу княгиню Апраксевну,
Не стало у ней того духу, пропасти;
Оградил ее святой рукой,
Прощает ее плоть женскую:
Захотелось ей — и пострадала она,
Лежала в сраму полгода.
Молоды Касьян сын Михайлович
Пошел ко князю Владимеру во светлу гридню,
Помолился Спасову образу,
Со своими каликами перехожими.
И садалися за убраны столы,
Стали пить, есть, потешатися.
Как будет день в половина дня
А и те калики напивалися,
Напивалися и наедалися.
Владимер князь убивается,
А калики-то в путь наряжаются,
Просит их тут Владимер князь
Пожить, побыть тот денек у себя.
Молода княгиня Апраксевна
Вышла из кожуха, как из пропасти;
Скоро она убиралася,
Убиралася и наряжалася,

Тут же к ним к столу пришла
С няньками, с мамками
И с сенными красными девицами.
Молоду Касьяну поклоняется
Без стыда, без сорому,
А грех свой на уме держит.
Молоды Касьян сын Михайлович
Тою рученькой правою размахивает
По тем ествам сахарныим,
Крестом ограждает и благословляет,
Пьют, едят, потешаются.
Втапоры молоды Касьян сын Михайлович
Вынимал из сумы книжку свою,
Посмотрел и число показал:
Что много мы, братцы, пьем, едим, прохлажаемся,
Уже третий день в доходе идет,
И пора нам, молодцы, в путь идти.
Вставали калики на резвы ноги,
Спасову образу молятся
И бьют челом князю Владимеру
С молодой княгиней Апраксевной
За хлеб за соль его.
И прощаются калики с князем Владимером
И с молодой княгинею Апраксевною.
Собрались они и в путь пошли,
До своего монастыря Боголюбова,
И до пустыни Ефимьевы.
То старина, то и деянье.

25

Калин царь

Да из орды, Золотой земли,
Из тоя Могозеи богатыя,
Когда подымался злой Калин царь,
Злой Калин царь Калинович,
Ко стольному городу ко Киеву,
Со своею силою с поганою.
Не дошед он до Киева за семь верст,
Становился Калин у быстра Непра.
Сбиралося с ним силы на сто верст,
Во все те четыре стороны.
Зачем мать сыра земля не погнется?
Зачем не расступится?
А от пару было от конного
А и месяц, солнце померкнуло,
Не видит луча света белого;
А от духу татарского
Не можно крещеным нам живым быть.
Садился Калин на ременчат стул,
Писал ярлыки скорописчаты
Ко стольному городу ко Киеву,

Ко ласкову князю Владимеру,
Что выбрал татарина выше всех:
А мерою тот татарин трех сажен,
Голова на татарине с пивной котел,
Которой котел сорока ведер,
Промеж плечами косая сажень.
От мудрости слово написано:
Что возмет Калин царь стольной Киев град,
А Владимера князя в полон полонит,
Божьи церкви на дым пустит.
Дает тому татарину ерлыки скорописчаты,
И послал его в Киев наскоро.
Садился татарин на добра коня,
Поехал ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру.
А и будет он, татарин, в Киеве,
Середи двора княженецкого,
Скакал татарин с добра коня;
Не вяжет коня, не приказывает,
Бежит он в гридню во светлую,
А Спасову образу не молится,
Владимеру князю не кланется,
И в Киеве людей ничем зовет.
Бросал ерлыки на круглой стол
Перед великого князя Владимера.
Отшед татарин, слово выговорил:
„Владимер, князь стольной киевской!
А наскоре сдай ты нам Киев град,
Без бою, без драки великие,
И без того кроволития напрасного“.
Владимер князь запечалился,
А наскоре ерлыки распечатывал
И просматривал,
Глядючи в ерлыки, заплакал, свет.
По грехам над князем учинилося:
Богатырей в Киеве не случилося,

А Калин царь под стеною стоит;
А с Калином силы написано
Не много, не мало — на сто верст
Во все четыре стороны.
Еще со Калином сорок царей со царевичем,
Сорок королей с королевичем,
Под всяким царем силы по три тмы, по три тысячи;
По праву руку его зять сидит,
А зятя зовут у него Сартаком;
А по леву руку сын сидит,
Сына зовут Лоншеком.
И то у них дело не окончено,
Татарин из Киева не выехал.
Втапоры Василей Пьяница
Збежал на башню на стрельную,
Берет он свой тугой лук разрывчатой,
Калену стрелу перену́ю,
Наводил он трубками немецкими,
А где-то сидит злодей Калин царь.
И тот-то Василей Пьяница
Стрелял он тут во Калина царя;
Не попал во собаку Калина царя,
Что попал он в зятя его Сартака:
Угодила стрела ему в правый глаз,
Ушиб его до смерти.
И тут Калину царю за беду стало,
Что перву беду не утушили,
А другую беду они загрезили,
Убили зятя любимого
С тоя башни со стрельныя.
Посылал другого татарина
Ко тому князю Владимеру,
Чтобы выдал того виноватого.
А мало время замешкавши,
С тое стороны полуденные,

Что ясной сокол в перелет летит,
Как белой кречет перепорхивает,
Бежит паленица удалая,
Старой козак Илья Муромец.
Приехал он во стольной Киев град,
Середи двора княженецкого
Скочил Илья со добра коня,
Не вяжет коня, не приказывает,
Идет во гридню во светлую;
Он молится Спасу со Пречистою,
Бьет челом князю со княгинею,
И на все четыре стороны,
А сам Илья усмехается:
„Гой еси, сударь, Владимер князь!
Что у тебя за болван пришел?
Что за дурак неотесаной?“
Владимер князь стольной киевской
Подает ерлыки скорописчаты.
Принял Илья, сам прочитывал;
Говорил тут ему Владимер князь:
„Гой еси, Илья Муромец!
Пособи мне думушку подумати,
Здать ли мне, не здать ли Киев град,
Без бою мне, без драки великие,
Без того кроволития напрасного?“
Говорит Илья таково слово:
„Владимер, князь стольной киевской!
Ни о чем ты, осударь, не печалуйся:
Боже-Спас оборонит нас,
А не что, Пречистой, и всех сохранит!
Насыпай ты мису чиста серебра,
Другую — красна золота,
Третью мису — скатного земчуга;
Поедем со мной ко Калину царю,
Со своими честными подарками,
Тот татарин-дурак нас прямо доведет“.

Наряжался князь тут поваром,
Замарался сажею котельною.
Поехали они ко Калину царю,
А прямо их татарин в лагери ведет.
Приехал Илья ко Калину царю
В его лагери татарские:
Скочил Илья с добра коня,
Калину царю поклоняется,
Сам говорит таково слово:
„А и Калин царь, злодей Калинович!
Прими наши дороги подарочки
От великого князя Владимера:
Перву мису чиста серебра,
Другу — красна золота,
Третью мису — скатного земчуга;
А дай ты нам сроку на три дни,
В Киеве нам приуправиться,
Отслужить обедни с панафидами,
Как-де служат по усопшим душам,
Друг с дружкой проститися".
Говорит тут Калин таково слово:
„Гой еси ты, Илья Муромец!
Выдайте вы нам виноватого,
Который стрелял с башни со стрельныя,
Убил моего зятя любимого!"
Говорит ему Илья таково слово:
„А ты слушай, Калин царь, повеленое:
Прими наши дороги подарочки
От великого князя Владимера.
Где нам искать такого человека и вам отдать?"
И тут Калин принял золоту казну
Нечестно у него, сам прибранивает.
И тут Илье за беду стало,
Что не дал сроку на три дни и на три часа,
Говорил таково слово:
„Собака, проклятой ты, Калин царь!

Отойди с татарами от Киева:
Охота ли вам, собака, живым быть?"
И тут Калину царю за беду стало,
Велел татарам сохватать Илью;
Связали ему руки белые
Во крепки чембуры шелковые.
Втапоры Илье за беду стало,
Говорил таково слово:
„Собака, проклятой ты, Калин царь!
Отойди прочь с татарами от Киева:
Охота ли вам, собака, живым быть?"
И тут Калину за беду стало
И плюет Илье во ясны очи:
„А русской люд всегды хвастлив;
Опутан весь, будто лысой бес,
Еще ли стоит передо мною, сам хвастает".
И тут Илье за беду стало,
За великую досаду показалося,
Что плюет Калин в ясны очи,
Скочил в полдрева стоячего,
Изорвал чембуры на могучих плечах.
Не допустят Илью до добра коня,
И до его-то до палицы тяжкия,
До медны литы в три тысячи.
Схватил Илья татарина за ноги,
Которой ездил во Киев град,
И зачал татарином помахивати:
Куда ли махнет — тут и улицы лежат,
Куды отвернет — с переулками;
А сам татарину приговаривает:
„А и крепок татарин, не ломится,
А жиловат, собака, не изорвется".
И только Илья слово выговорил,
Оторвется глава его татарская,
Угодила та глава по силе вдоль,
И бьет их, ломит, вконец губит.

Достальные татара на побег пошли,
В болотах, в реках притонули все,
Оставили свои возы и лагери.
Воротился Илья он ко Калину царю,
Схватал он Калина во белы руки,
Сам Калину приговаривает:
„Вас-то, царей, не бьют, не казнят,
Не бьют, не казнят и не вешают!"
Согнет его корчагою,
Воздымал выше буйны головы своей,
Ударил его о горюч камень,
Расшиб его в крохи . . . .
Достальные татара на побег бегут,
Сами они́ заклинаются:
„Не дай бог нам бывать ко Киеву,
Не дай бог нам видать русских людей!
Неужто в Киеве все таковы,
Один человек всех татар при́бил?"
Пошел Илья Муромец
Искать своего товарища,
Того ли Ва́силья Пьяницу Игнатьева;
И скоро нашел его на кружале Петровскием;
Привел ко князю Владимеру.
А пьет Илья довольно зелена вина
С тем Васильем со Пьяни́цей,
И называет Илья того Пьяницу
Василья братом названым.
То старина, то и деянье.

Царь Саул Леванидович

Царь Саул Леванидович
Поехал за море синее,
В дальну орду, в Половецку землю,
Брать дани и невыплаты.
А царица его проводила
От первого стану до второго,
От второго стану до третьего;
От третьего стану воротилася,
А сама она царю поклонилася:
„Гой еси ты есми, царь Саул,
Царь Саул Леванидович!
А кому мене, царицу, приказываешь?
А кому мене, царицу, наказываешь?
Я остаюсь царица черевоста,
Черевоста осталась, на тех порах“.
А и только царь слово выговорил,
Царь Саул Леванидович:
„А и гой еси, царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна!
Никому я тебе, царицу, не приказываю,
Не приказываю и не наказываю;
А токо ли тебе господи сына даст,
Вспой, скорми и за мной его пошли;
А токо ли тебе господи дочеря даст,
Вспой, скорми, замуж отдай,
А любимого зятя за мной пошли:
Поеду я на двенадцать лет“.
Вскоре после его царице бог сына даст,
Поп приходил со молитвою,
Имя дает Костентинушком Сауловичем.
А и царское дитя не по годам растет,
А и царское дитя не по месяцам,

А которой ребенок двадцати годов,
Он, Костентинушка, семи годков.
Присадила его матушка грамоте учиться:
Скоро ему грамота далася и писать научился.
Будет он, Костентинушка, десяти годов,
Стал-то по улицам похаживати,
Стал с ребятами шутку шутить,
С усатами, с бородатами,
А которые ребята двадцати годов,
И которые во полу-тридцати;
А все ведь дети княженецкие,
А все-то ведь дети боярские,
И все-то ведь дети дворянские,
Еще ли дети купецкие.
Он шутку шутит не по ребячью,
А творки творил не по маленьким:
Которого возмет за руку,
Из плеча тому руку выломит;
И которого заденет за ногу,
По гузна ногу оторвет прочь;
И которого хватит поперек хребта,
Тот кричит-ревет, окорачь ползет,
Без головы домой придет.
Князи, бояра дивуются,
И все купцы богатые:
А что это у нас за урод растет?
Что это у нас за выблядочок?
Доносили они жалобу великую
Как бы той царице Азвяковне,
Молоды Елены Александровне.
Втапоры скоро завела его матушка во теремы свои
Того ли млада Костентинушка Сауловича,
Стала его журить, бранить,
А журить, бранить, на ум учить смиренно жить.
А млад Костентин сын Саулович
Только у матушки выспросил:

„Гой еси, матушка,
Молоды Елена Александровна!
Есть ли у меня на роду батюшка?“
Говорила царица Азвяковна,
Молоды Елена Александровна:
„Гой еси, мое чадо милое,
А и ты младой Костентинушка Саулович!
Есть у тебя на роду батюшка,
Царь Саул Леванидович;
Поехал он за море синее,
В дальну орду, в Половецку землю,
Брать дани, невыплаты,
А поехал он на двенадцать лет;
Я осталася черевоста,
А черевоста осталася, на тех порах.
Только ему, царю, слово выговорила:
А кому меня, царицу, приказываешь и наказываешь?
Только лишь царь слово выговорил:
Никому я тебя, царицу, не приказываю и не наказываю;
А токо ли тебе господь сына даст,
Ты-де вспой, скорми,
Сына за мной пошли;
А токо ли тебе господь дочеря даст,
Вспой, скорми, замуж отдай,
А любимого зятя за мной пошли“.
Много царевич не спрашивает,
Выходил на крылечко на красное:
„Конюхи, приспешники!
Оседлайте скоро мне добра коня.
Под то седелечко черкеское,
А в задней слуке и в передней слуке
По тирону по каменю,
По дорогу по самоцветному;
А не для ради меня молодца басы,

Для ради богатырския крепости,
Для ради пути, для дороженьки,
Для ради темной ночи осеннеи,
Чтобы видеть при пути дороженьки:
Темна ночь до бела света“.
А и только ведь матушка видела.
Ставал во стремя вальяцатое,
Садился во седелечко черкеское;
Только он в ворота выехал,
В чистом поле дым столбом;
А и только с собою ружье везет,
А везет он палицу тяжкую,
А и медну литу в триста пуд.
И наехал часовню, зашел богу молитися;
А от той часовни три дороги лежат.
А и перва дорога написана,
А написана дорога вправо:
Кто этой дорогой поедет,
Конь будет сыт — самому смерть;
А другою крайнею дорогою левою:
Кто этой дорогой поедет,
Молодец сам будет сыт — конь голоден;
А середнею дорогою поедет:
Убит будет смертью напрасною.
Втапоры богатырское сердце разъярилося,
Могучи плечи расходилися,
Молоды Костентинушка Саулович
Поехал он дорогою среднею,
Доезжать до реки Смородины.
А втапоры Кунгур царь перевозится
Со теми ли татары погаными.
Тут Костентинушка Саулович
Зачал татаров с краю бить
Тою палицею тяжкою.
Он бьется, дерется целой день
Не пиваючи, не едаючи,

Ни на малой час отдыхаючи.
День к вечеру вечеряется,
Уж красное солнце закатается,
Молодой Костентинушка Саулович
Отъехал он от татар прочь,
Где бы молодцу опочив держать,
Опочив держать и коня кормить.
А ко утру заря занимается,
А и младой Костентинушка Саулович
Он, молодец, ото сна подымается,
Утренней росой умывается,
Белым полотном утирается,
На восток он богу молится.
Скоро-де садился на добра коня,
Поехал он ко Смородины-реке.
А и туто татары догадалися,
Они к Кунгуру царю пометалися:
„Гой еси ты, Кунгур царь,
Кунгур царь Самородович!
Как нам будет детину ловить,
Силы мало осталося у нас?“
А и Кунгур царь Самородович
Научал тех ли татар поганыих
Копати ровы глубокие:
„Заплетайте вы туры высокие,
А ставьте поторчины дубовые,
Колотите вы надолбы железные“.
А и тут татары поганые
И копали они ровы глубокие,
Заплетали туры высокие,
Ставили поторчины дубовые,
Колотили надолбы железные.
А поутру рано ранешенько,
На светлой заре, рано утренней,
На всходе красного солнышка,
Выезжал удалой доброй молодец,

Млады Костентинушка Саулович.
А и бегает, скачет с одной стороны
И завернется на другу сторону,
Усмотрел их татарские вымыслы,
Тамо татара просто стоят;
И которых вислоухих всех прибил,
И которых висячих всех оборвал.
И приехал к шатру, к Кунгуру царю,
Разбил его в крохи ....
А достальных татар домой отпустил.
И поехал Костентинушка ко городу Угличу;
Он бегает, скачет по чисту полю,
Хоботы метал по темным лесам,
Спрашивает себе сопротивника,
Сильна могуча богатыря,
С кем побиться, подраться и порататься.
А углицки мужики были лукавые,
Город Углич крепко заперли,
И взбегали на стену белокаменну,
Сами они его обманывают:
„Гой еси, удалой доброй молодец!
Поезжай ты под стену белокаменну,
А и нету у нас царя в Орде, короля в Литве,
Мы тебе поставим царем в Орду, королем в Литву“.
У Костентинушка умок молодешенёк,
Молодешенёк умок, зеленешенёк.
И здавался на их слова прелестные,
Подъезжал под стену белокаменну;
Они крюки, багры заметывали,
Подымали его на стену высокую,
Со его добрым конем.
Мало время замешкавши,
И связали ему руки белые
В крепки чембуры шелковые:
И сковали ему ноги резвые

В те ли железа немецкие;
Взяли у него добра коня
И взяли палицу медную,
А и тяжку литу в триста пуд;
Сняли с него платье царское цветное
И надевали на него платье опальное,
Будто тюремное;
Повели его в погребы глубокие,
Место темной темницы;
Только его посадили молодца,
Запирали дверями железными
И засыпали хрящем — пески мелкими.
Тут десятники засовалися,
Бегают они по Угличу,
Спрашивают подводы под царя Саула Леванидовича,
И которые под царя пригодилися.
И проехал тут он, царь Саул,
Во свое царство в Алыберское.
Царица его царя стретила,
А и молоды Елена Александровна;
За первом поклоном царь поздравствовал:
„Здравствуй ты, царица Азвяковна,
А и ты, молода Елена Александровна!
Ты осталася черевоста,
Что после мене тебе бог дал?“
Втапоры царица заплакала,
Скрозь слезы едва слово выговорила:
„Гой еси, царь Саул Леванидович!
Вскоре после тебе бог сына дал,
Поп приходил со молитвою,
Имя давал Костентинушком“.
Царь Саул Леванидович
Много ли царицу не спрашивает,
А и только он слово выговорил:
„Конюхи вы мои, приспешники!

Седлайте скоро мне добра коня,
Которой жеребец стоит тридцать лет".
Скоро тут конюхи металися,
Оседлали ему того добра коня;
И берет он, царь, свою збрую богатырскую,
Берет он сабельку вострую и копье мурзамецкое.
Поехал он скоро ко городу Угличу.
А те же мужики угличи, извозчики,
С ним ехавши рассказывают,
Какого молодца посадили в погребы глубокие,
И сказывают, каковы коня приметы,
И каков был молодец сам.
Втапоры царь Саул догадается,
Сам говорил таково слово:
„Глупы вы, мужики, неразумные!
Не спросили удала добра молодца
Его дядины, отчины,
Что он прежде того
Немало у Кунгура царя силы порубил,
Можно за то вам его благодарити и пожаловати;
А вы его назвали вором, разбойником,
И оборвали с него платье цветное,
И посадили в погреба глубокие,
Место темной темницы".
И мало время поизойдучи
Подъезжал он, царь, ко городу Угличу,
Просил у мужиков угличев,
Чтобы выдали такого удала добра молодца,
Которой сидит в погребах глубоких.
А и тут мужики угличи
С ним, со царем, заздорили,
Не пущают его во Углич град,
И не сказывают про того удала добра молодца:
Что-де у нас нет такого и не бывало.
Старики тут вместе соходилися,
Они думали думу единую,

Выводили тут удала добра молодца
Из того ли погреба глубокого,
И сымали железа с резвых ног,
Развязали чембуры шелковые,
Приводили ему добра коня,
А и отдали палицу тяжкую,
А медну литу в триста пуд,
И его платьице царское, цветное.
Наряжался он млады Костентинушка Саулович
В тое свое платье царское, цветное;
Подошел Костентинушка Саулович
Ко царю Саулу Леванидовичу,
Стал свою родину рассказывати.
А и царь Саул спохватается,
А и берет его за руку за правую,
И целует его во уста сахарные:
„Здравствуй, мое чадо милое,
Млады Костентинушка Саулович!"
А и втапоры царь Саул Леванидович
Спрашивает мужиков угличев:
„Есть ли у вас мастер заплечной с подмастерьями?"
И тут скоро таковых сыскали
И ко царю привели.
Царь Саул Леванидович
Приказал казнить и вешати,
Которые мужики были главные во Угличе.
И садилися тут на свои добры кони,
Поехали во свое царство в Алыберское.
И будет он, царь Саул Леванидович,
Во своем царстве в Алыберском,
Со своим сыном младым Костентинушком Сауловичем,
И съехалися со царицею, обрадовалися:
Не пива у царя варить, не вина курить,
Пир пошел на радостях!
А и пили да ели, потешалися.

А и день к вечеру вечеряется,
Красное солнце закатается,
И гости от царя разъехалися.
Тем старина и кончилася.

27

Агафонушка

А и на Дону, Дону, в избе на дому,
На крутых берегах, на печи на дровах,
Высока ли высота потолочная,
Глубока глубота подпольная,
А и широко раздолье — перед печью шесток,
Чистое поле — по подлавочью,
А и синее море — в лохани вода,
А у белого города у Жорного,
А была стрельба веретенная,
А и пушки-мушкеты горшечные,
Знамена поставлены помельные,
Востры сабли — кокошники,
А и тяжкие палицы — шемшуры,
А и те шемшуры были тюменских баб.
А и билася-дралася свекры со снохой,
Приступаючи ко городу ко Жорному,
О том пироге, о ячном мушнике.
А и билися-дралися день до вечера,
Убили они курицу пропащую.
А и на ту-то на драку, великой бой
Выбежал сильной могуч-богатырь,
Молодой Агафонушка Никитин сын.
А и шуба-то на нем была свиных хвостов,
Болестью опушена, комухой подложена,
Чирьи да вереды — то пуговки сливные,
Коросты-то — петельки.

А втапоры старик на полатех лежал,
Силу ту смечал, во штаны . .
А старая баба, умом молода,
Села . . . . ., сама песни поет.
А слепые бегут, спинаючи глядят,
Безголовые бегут, они песни поют,
Бездырые бегут, попер . . . . .,
Безносые бегут, понюхивают.
Безрукой втапоры клеть покрал,
А нагому безрукой за пазуху наклал.
Безъязыкого того — на пытку ведут,
А повешены — слушают.
А и резаной тот в лес убежал
На ту же на драку, великой бой.
Выбегали тут три могучие богатыри.
А у первого могучего богатыря
Блинами голова испроломана,
А у другого могучего богатыря
Соломой ноги изломаны,
А у третьего могучего богатыря
Кишкою брюхо пропороно.
В то же время и в тот же час
На море, братцы, овин горит,
С репою, со печенкою.
А и середи синя моря Хвалынского
Вырастал ли тут кряковист дуб,
А на том на сыром дубу кряковистом
А и сивая свинья на дубу гнездо свила,
На дубу гнездо свила и детей она свела,
Сивеньких поросяточек, поросяточек полосатеньких.
По дубу они все разбегалися,
А в воду они глядят, притонути хотят,
В поле глядят, убежати хотят.
А и по чистому полю корабли бегут,
А и серой волк на корме стоит,

А красна лисица потакивает:
Хоть вправо держи, хоть влево, затем куда хошь.
Они на небо глядят, улетети хотят.
Высоко ли там кобыла в шабуре летит.
А и чорт ли видал, что медведь летал,
Бурую корову в когтях носил.
В ступе-де курица объягнилася,
Под шестком та корова яйцо снесла,
В осеку овца отелилася.
А и то старина, то и деянье.

28

Садко богатый гость

По славной матушке Волге реке
А гулял Садко молодец тут двенадцать лет,
Никакой над собой притки
И скорби Садко не видывал.
А всё молодец во здоровье пребывал.
Захотелось молодцу побывать во Новегороде.
Отрезал хлеба великой сукрой,
А и солью насолил, его в Волгу опустил:
„А спасибо тебе, матушка, Волга река!
А гулял я по тебе двенадцать лет,
Никакой я притки, скорби не видывал над собой,
И в добром здоровье от тебе отошел;
А иду я, молодец, в Новгород побыватъ".
Проговорит ему матка Волга река:
„А и гой еси, удалой доброй молодец!
Когда придешь ты во Новгород,
А стань ты под башню проезжую,
Поклонися от меня брату моему
А славному озеру Ильменю".
Втапоры Садко молодец, отошед, поклонился.

Подошел ко Новугороду,
И будет у тоя башни проезжия,
Подле славного озера Ильменя,
Правит челобитье великое
От тоя-то матки Волги реки,
Говорит таково слово:
„А и гой еси, славной Ильмень озеро!
Сестра тебе, Волга, челобитье посылает двою“.
Говорил сам и кланялся.
Малое время замешкавши
Приходил тут от Ильмень озера
Удалой доброй молодец,
Поклонился ему, добру молодцу:
„Гой еси, с Волги удал молодец!
Как ты-де Волгу сестру знаешь мою?“
А и тот молодец Садко ответ держит:
„Что-де я гулял по Волге двенадцать лет,
Со вершины знаю и до устья ее
А и нижнея царства Астраханского“.
А стал тот молодец наказывати,
Которой послан от Ильмень озера:
„Гой еси ты, с Волги удал молодец!
Проси бошлыков во Новегороде
Их со тремя неводами,
И с теми людьми со работными,
И заметывай ты неводы во Ильмень озеро,
Что будет тебе божья милость“.
Походил он, молодец,
К тем бошлыкам новогородскиим;
И пришел он, сам кланяется,
Сам говорит таково слово:
„Гой вы еси, бошлыки, добры молодцы!
А и дайте мне те три невода,
Со теми людьми со работными,
Рыбы половити во Ильмени озере:
Я вам молодцам за труды заплачу“.

А и втапоры ему бошлыки не отказывалися,
Сами пошли бошлыки со работными людьми,
И закинули три невода во Ильмень озеро:
Первой невод к берегу пришел,
И тут в нем рыба белая,
Белая ведь рыба, мелкая;
И другой-то ведь невод к берегу пришел,
В том-то рыба красная;
А и третий невод к берегу пришел,
А в том-то ведь рыба белая,
Белая рыба в три четверти.
Перевозился Садко молодец на гостиной двор
Со тою рыбою ловленою:
А и перву рыбу перевозили всю,
Клали они рыбу в погребы;
Из другого же невода он в погреб же возил,
Та была рыба вся красная;
Из третьего невода возили они
В те же погребы глубокие;
Запирали они погребы накрепко,
Ставили караулы на гостином на дворе.
А и отдал тут молодец тем бошлыкам
За их за труды сто рублев.
А не ходит Садко на тот на гостиной двор по три дни,
На четвертой день погулять захотелось;
А и первой в погреб заглянет он,
А насилу Садко туто двери отворил:
Котора была рыба мелкая,
Те-то ведь стали деньги дробные;
И скоро Садко опять запирает.
А в другом погребу заглянул он:
Где была рыба красная,
Очутилось у Садка червонцы лежат.
В третьем погребу заглянул Садко:
Где была рыба белая,

А и тут у Садка всё монеты лежат.
Втапоры Садко купец, богатой гость,
Сходил Садко на Ильмень озеро,
А бьет челом, поклоняется:
„Батюшко мой, Ильмень озеро!
Поучи меня жить во Повеграде“.
А и тут ему говорил Ильмень озеро:
„А и гой еси, удалой доброй молодец!
Поводись ты со людьми со таможенными,
А и только про их ты обед доспей,
Позови молодцов посадских людей,
А станут те знать и ведати“.
Тут молодец догадается,
Сделал обед про таможных людей,
А стал он водиться со посадскими людьми.
И будет во Новегороде
У того ли Николы Можайского,
Те мужики новогородские сходилися
На братчину Никольшину,
Начинают пить канун, пива ячные.
И пришел тут к ним удалой доброй молодец,
Удалой молодец был волской сур,
Бьет челом, поклоняется:
„А и гой вы еси, мужики новогородские!
Примите меня во братчину Никольшину,
А и я вам сыпь плачу немалую“.
А и те мужики новогородские
Примали его во братчину Никольшину,
Дал молодец им пятьдесят рублев.
А и зачали пить пива ячные.
Напивались молодцы уже допьяна,
А п с хмелю тут Садко захвастался:
„А и гой еси вы, молодцы, славны купцы!
Припасите вы мне товаров во Новегороде,
По три дни и по три уповода,
Я выкуплю те товары по три дни, по три уповода,

Не оставлю товаров ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку;
А токо ли я товары не выкуплю,
Заплачу казны вам сто тысячей".
А и тут мужики новогородские
Те-то де речи его записывали.
А и выпили канун, пива ячные,
И заставили Садка ходить по Новугороду,
Закупати товары во Новегороде
Тою ли ценою повольною.
А и ходит Садко по Новугороду,
Закупает он товары повольной ценою:
Выкупил товары во Новегороде,
Не оставил товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку.
Вложил бог желанье в ретиво сердце,
А и шед Садко божий храм сорудил
А и во имя Стефана архидьякона;
Кресты, маковицы золотом золотил,
Он местны иконы изукрашивал,
Изукрашивал иконы, чистым земчугом усадил,
Царские двери вызолачивал.
А и ходит Садко по второй день по Новугороду,
Во Новеграде товару больше старого:
Он выкупил товары и по второй день,
Не оставил товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку.
И вложивал ему бог желанье в ретиво сердце,
Шед Садко божий храм сорудил
А и во имя Софеи премудрыя:
Кресты, маковицы золотом золотил,
Местны иконы изукрашивал,
Изукрашивал иконы, чистым земчугом усадил,
Царские двери вызолачивал.
А и ходит Садко по третий день,
По третий день по Новугороду,

Во Новегороде товару больше старого,
Всякиих товаров заморскиих:
Он выкупил товары в половину дня,
Не оставил товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку.
Много у Садки казны осталося,
Вложил бог желанье в ретиво сердце,
Шед Садко божий храм сорудил
Во имя Николая Можайского:
Кресты, маковицы золотом золотил,
Местны иконы изукрашивал,
Изукрашивал иконы, чистым земчугом усадил,
Царские двери вызолачивал.
А и ходит Садко по четвертой день,
Ходил Садко по Новугороду,
А и целой день он до вечера,
Не нашел он товаров во Новегороде
Ни на денежку, ни на малу разну полушечку.
Зайдет Садко он во темной ряд,
И стоят тут черепаны, гнилые горшки,
А все горшки уже битые;
Он сам Садко усмехается,
Дает деньги за те горшки,
Сам говорит таково слово:
„Пригодятся ребятам черепками играть,
Поминать Садка, гостя богатого,
Что не я, Садко, богат,— богат Новгород
Всякими товарами заморскими,
И теми черепанами, гнилыми горшки“.

29

Михайло Скопин

Как бы во сто двадцать седьмом году,
В седьмом году, в осьмой тысячи,
А и деялось, учинилося
Кругом сильна царства Московского,
Литва облегла со все четыре стороны;
А и с нею сила сорочина долгополая,
И те черкесы пятигорские,
Еще ли калмыки с татарами,
Со татарами, со башкирцами,
Еще чюкши с алюторами.
Как были припасы многие,
А и царские и княженецкие,
Боярские и дворянские;
А нельзя ни пройти, ни проехати,
Ни конному, ни пешему,
И ни соколом вон вылетети
А из сильна царства Московского
И великого государства Российского.
А Скопин князь Михайла Васильевич
Он правитель царству Московскому,

Обережатель миру крещеному
И всей нашей земли свето-русския,
Что ясен сокол вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал,
Выезжал воевода московской, князь Скопин,
Князь Михайла Васильевич,
Он поход чинил ко Новугороду.
Как и будет Скопин во Новеграде,
Приезжал он, Скопин, на съезжей двор,
Походил во избу во съезжую,
Садился Скопин на ременчат стул,
А и берет чернилицу золотую,
Как бы в ней перо лебединое,
И берет он бумагу белую,
Писал ерлыки скорописчаты
Во Свицкую землю, Саксонскую,
Ко любимому брату названому,
Ко свицкому королю Карлусу;
А от мудрости слово поставлено:
„А и гой еси, мой названой брат,
А ты свицкой король Карлус!
А и смилуйся, смилосердися,
Смилосердися, покажи милость,
А и дай мне силы на подмочь,
Наше сильно царство Московское
Литва облегла со все четыре стороны,
Приступила сорочина долгополая,
А и те черкесы пятигорские,
А и те калмыки со башкирцами,
А и те чюкши с алюторами;
И не можем мы с ними управиться:
Я закладываю три города русские“.
А с ерлыками послал скорого почтаря,
Своего любимого шурина,
А того Митрофана Фунтосова.
Как и будет почтарь в Половецкой орде

У честна короля, честного Карлуса,
Он въезжает прямо на королевской двор,
А ко свицкому королю Карлусу.
Середи двора королевского
Скочил почтарь со добра коня,
Вязал коня к дубову столбу,
Сумы подхватил, сам во палаты идет;
Не за чем почтарь не замешкался;
Приходит во палату белокаменну,
Расковыривал сумы, вынимал ерлыки,
Он кладет королю на круглой стол.
Принимавши, король распечатывает,
Распечатал, сам просматривает,
И печальное слово новыговорил;
От мудрости слово поставлено:
От любимого брата названного,
Скопина князя Михайлы Васильевича,
Как просит силы на подмочь,
Закладывает три города русские.
А честной король, честны Карлусы
Показал ему милость великую,
Отправляет силы со трех земель:
А и первые силы-то свицкия,
А другие силы саксонския,
А третие силы школьские —
Того ратного люду ученого,
А не много, не мало — сорок тысячей.
Прибыла сила во Новгород,
Из Новагорода в камешу Москву.
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина князя думушки прибыло.
А поутру, рано ранешенько
В соборе Скопин он заутреню отслужил,
Отслужил, сам в поход пошел,
Подымавши знаменье царское;
А на знаменье было написано

Чуден Спас со Пречистою,
На другой стороне было написано
Михайло и Гаврило архангелы,
Еще вся туто сила небесная.
В восточную сторону походом пошли,
Они вырубили чудь белоглазую,
И ту сорочину долгополую;
В полуденную сторону походом пошли,
Прекротили черкес пятигорскиих,
А немного дралися, скоро сами сдались,
Еще ноне тут Малороссия;
А на северну сторону походом пошли,
Прирубили калмыков со башкирцами;
А на западну сторону и в ночь пошли,
Прирубили чюкши с алюторами.
А кому будет божья помочь,
Скопину князю Михайлу Васильевичу,
Он очистил царство Московское
И велико государство Российское.
На великих тех на радостях
Служили обедни с молебнами,
И кругом города ходили в каменной Москвы;
Отслуживши обедни с молебнами,
И всю литургию великую,
На великих на радостях пир пошел,
А пир пошел и великой стол.
И Скопина князя Михайла Васильевича,
Про весь православной мир,
И велику славу до веку поют
Скопину князю Михайлу Васильевичу.
Как бы малое время замешкавши,
А во той же славной каменной Москвы,
У того ли было князя Воротынского,
Крестили младого князевича.
А Скопин князь Михайла кумом был,
А кума была дочи Малютина,

Того Малюты Скурлатова.
У того-то князя Воротынского
Как будет и почестной стол,
Туто было много князей и бояр и званых гостей.
Будет пир во полупире,
Княженецкой стол во полустоле,
Как пьянинька тут расхвастались,
Сильной хвастает силою,
Богатой хвастает богатеством;
Скопин князь Михайла Васильевич
А и не пил он зелена вина,
Только одно пиво пил и сладкой мед,
Не с большого хмелю он похвастается:
„А вы глупой народ, неразумные!
А все вы похваляетесь безделицей:
Я Скопин, Михайла Васильевич,
Могу князь похвалитися,
Что очистил царство Московское
И велико государство Российское;
Еще ли мне славу поют довеку,
От старого до малого,
От малого, до веку моего".
А и тут боярам за беду стало,
В тот час они дело сделали:
Поддернули зелья лютого,
Подсыпали в стакан в меды сладкие,
Подавали куме его крестовыя,
Малютиной дочи Скурлатовой.
Она знавши, кума его крестовая,
Подносила стакан меду сладкого
Скопину князю Михайлу Васильевичу.
Примает Скопин, не отпирается,
Он выпил стакан меду сладкого,
А сам говорил таково слово:
„Услышал во утробе неловко добре!
А и ты съела меня, кума крестовая,

Малютина дочи Скурлатова;
А зазнаючи мне со зельем стакан подала,
Съела ты меня, змея подколодная!“
Голова с плеч покатилася,
Он и тут, Скопин, скоро со пиру пошел,
Он садился, Скопин, на добра коня,
Побежал к родимой матушке;
А только успел с нею проститися,
А матушка ему пенять стала:
„Гой еси, мое чадо милое,
Скопин князь Михайла Васильевич!
Я тебе приказывала,
Не велела ездить ко князю Воротынскому;
А и ты мене не послушался;
Лишила тебя свету белого
Кума твоя крестовая,
Малютина дочи Скурлатова“.
Он к вечеру Скопин и преставился.
То старина, то и деянье,
Как бы синему морю на утишенье,
А быстрым рекам слава до моря,
Как бы добрым людям на послушанье,
Молодым молодцам на перениманье,
Еще нам, веселым молодцам, на потешенье,
Сидючи в беседе смиренныя,
Испиваючи мед, зелено вино;
Где-ко пиво пьем, тут и честь воздаем
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

30

Взятье Казанского царства

Середи было Казанского царства
Что стояли белокаменны палаты,
А из спальны белокаменной палаты,
Ото сна тут царица пробуждалася,
Царица Елена Симеону царю она сон рассказала:
„А и ты встань, Симеон царь, пробудися!
Что ночесь мне, царице, мало спалося,
В сновиденьице много виделося:
Как от сильного Московского царства
Кабы сизой орлище встрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше ведь царство наплывала;
А из сильного Московского царства
Подымался великий князь московский
А Иван, сударь, Васильевич, прозритель,
Со темя ли пехотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили под Казанское царство за пятнадцать верст,
Становились они подкопью под Булат реку,
Подходили под другую под реку под Казанку;
С черным порохом бочки закатали,
А и под гору их становили,
Подводили под Казанское царство;
Воску ярого свечу становили,
А другую ведь на поле в лагере:
Еще на поле свеча та сгорела,
А в земле-то идет свеча тишея.
Воспалился тут великий князь московский,
Князь Иван, сударь, Васильевич, прозритель,
И зачал канонеров тут казнити.
Что началася от канонеров измена.

Что большой за меньшого хоронился.
От меньшого ему, князю, ответу нету;
Еще тут ли молодой канонер выступался:
„Ты великий, сударь, князь московский!
Не вели ты нас, канонеров, казнити:
Что на ветре свеча горит скорее,
А в земле-то свеча идет тишее“.
Позадумался князь московский,
Он и стал те-то речи размышляти собою,
Еще как бы это дело оттянути.
Они те-то речи говорили,
Догорела в земле свеча воску ярого
До тоя-то бочки с черным порохом;
Принималися бочки с черным порохом,
Подымало высокую гору,
Разбросало белокаменны палаты.
И бежал тут великий князь московский
На тое ли высокую гору,
Где стояли царские палаты.
Что царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,
Она с радостью московского князя встречала
А того ли Ивана, сударь, Васильевича, прозрителя;
И за то он царицу пожаловал
И привел в крещеную веру,
В монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встретил великого князя,
Он и вынял ясны очи косицами;
Он и взял с него царскую корону
И снял царскую перфиду,
Он царской костыль в руки принял.
И в то время князь воцарился
И насел в Московское царство;
Что тогда-де Москва основалася;
И с тех пор великая слава.

31

Под Конотопом под городом

За рекою, переправою,
За деревнею Сосновкою,
Под Конотопом под городом,
Под стеною белокаменной,
На лугах, лугах зеленыих,
Тут стоят полки царские,
Все полки государевы,
Да и роты были дворянские.
А из далеча из чиста поля,
Из того ли из раздолья широкого,
Кабы черные вороны табуном табунилися,
Собирались, съезжалися
Калмыки со башкирцами,
Напущалися татарове
На полки государевы.
Они спрашивают, татарове,
Из полков государевых
Себе сопротивника.
А из полку государева
Сопротивника не выбрали
Не из стрельцов, не из солдат молодцов.

Втапоры выезжал Пожарской князь,
Князь Семен Романович,
Он боярин большой словет,
Пожарской князь.
Выезжал он на вылазку
Сопротив татарина
И злодея наездника;
А татарин у себя держит
В руках копье вострое,
А славны Пожарской князь
Одну саблю вострую
Во рученьке правыя.
Как два ясные соколы
В чистом поле слеталися,
А съезжались в чистом поле
Пожарской боярин с татарином.
Помогай бог князю
Семену Романовичу Пожарскому!
Своею саблей вострою
Он отводил востро копье татарское,
И срубил ему голову,
Что татарину наезднику.
А завыли злы татарове поганые,
Убил у них наездника,
Что ни славного татарина.
А злы татарове крымские,
Они злы да лукавые,
Подстрелили добра коня
У Семена Пожарского,
Падает его окорачь доброй конь.
Воскричит Пожарской князь
Во полки государевы:
„А и вы солдаты новобраные,
Вы стрельцы государевы!
Подведите мне добра коня,
Увезите Пожарского,

Увезите во полки государевы!“
Злы татарове крымские,
Они злы да лукавые,
А металися грудою,
Полонили князя Пожарского,
Увезли его во свои степи крымские
К самому хану крымскому
Деревенской шишиморы;
Его стал он допрашивать:
„А и гой еси, Пожарской князь,
Князь Семен Романович!
Послужи ты мне верою,
Да ты верою-правдою,
Заочью не изменою,
Еще как ты царю служил,
Да царю своему белому;
А и так-то ты мне служи,
Самому хану крымскому,
Я ведь буду тебе жаловать
Златом и серебром,
Да и женки прелестными,
И душами красными девицами“.
Отвечает Пожарской князь
Самому хану крымскому:
„А и гой еси, крымской хан
Деревенской шишиморы!
Я бы рад тебе служить,
Самому хану крымскому,
Кабы не скованы мои резвы ноги,
Да не связаны белы руки
Во чембуры шелковые,
Кабы мне сабелька вострая:
Послужил бы тебе верою
На твоей буйной голове,
Я срубил тебе буйну голову!“
Скричит тут крымской хан,

Деревенской шишиморы:
„А и вы, татары поганые!
Увезите Пожарского на горы высокие,
Срубите ему голову,
Изрубите его бело тело
Во части во мелкие,
Разбросайте Пожарского
По далече чисту полю!“
Кабы черные вороны
Закричали, загайкали,
Ухватили татарове
Князя Семена Пожарского,
Повезли его татарове
Они на гору высокую,
Сказнили татарове
Князя Семена Пожарского,
Отрубили буйну голову,
Иссекли бело тело
Во части во мелкие,
Разбросали Пожарского
По далече чисту полю,
Они сами уехали
К самому хану крымскому.
Они день-другой не идут,
Никто не проведает.
А из полку было государева
Казаки двое выбрались,
Эти двое казаки молодцы,
Они на гору пешком пошли,
И зашли туто на гору высокую,
И увидели те молодцы
То ведь тело Пожарского:
Голова его по себе лежит,
Руки, ноги разбросаны,
А его бело тело
Во части изрублено

И разбросано но раздолью широкому.
Эти казаки молодцы
Его тело собрали,
Да в одно место складывали;
Они сняли с себя липовой луб,
Да и тут положили его,
Увязали липовой луб накрепко,
Понесли его Пожарского
Конотопу ко городу.
В Конотопе городе
Пригодился там епископ быть,
Собирал он, епископ,
Попов и дьяконов
И церковных причетников,
И тем казакам удалым молодцам
Приказал обмыть тело Пожарского.
И склали его бело тело
В домовище дубовое,
И покрыли тою крышкою белодубовою.
А и тут люди дивовалися,
Что его тело в место срасталося.
Отпевавши надлежащее погребение,
Бело тело его погребли
Во сыру землю,
И пропели петье вечное
Тому князю Пожарскому.

32

Светел, радошен царь Алексей Михайлович

Когда светел, радошен
Во Москве благоверной царь
Алексей, царь Михайлович.

Народил бог ему сына царевича
Петра Алексеевича,
Первого императора по земле.
Все-то русские, как плотники-мастеры
Во всю ноченьку не спали,
Колыбель-люльку делали
Они младому царевичу;
А и нянюшки, мамушки,
Сенные красные деушки
Во всю ноченьку не спали,
Шинкарочку вышивали,
По белому рытому бархату
Они красным золотом;
Тюрьмы с покаянными
Они все распущалися;
А и погребы царские
Они все растворялися.
У царя благоверного
Еще пир и стол на радости,
А князи сбиралися,
Бояра съезжалися
И дворяна сходилися,
А все народ божий на пиру
Пьют, едят, прохлаждаются,
Во весельи, в радости,
Не видали как дни пропили
Для младого царевича
Петра Алексеевича,
Первого императора.

33

Когда было молодцу пора, время великое

Когда было молодцу
Пора, время великое,
Честь, хвала молодецкая;
Господь бог миловал,
Государь царь жаловал,
Отец, мать молодца
У себя во любве держал,
А и род-племя на молодца
Не могут насмотретися,
Суседи, ближние
Почитают и жалуют,
Друзья и товарищи
На совет съезжаются,
Совету советовать,
Крепку думушку думати,
Они про службу царскую
И про службу воинскую.
Скатилась ягодка
С сахарного деревца,
Отломилась веточка
От кудрявыя от яблони,
Отстает доброй молодец
От отца, сын от матери.
А ныне уж молодцу
Безвременье великое:
Господь бог прогневался,
Государь царь гнев взложил,
Отец и мать молодца
У себя не в любви держат,

А и род-племя молодца
Не могут и видети,
Суседи, ближние
Не чтут, не жалуют,
А друзья, товарищи
На совет не съезжаются,
Совету советовать,
Крепку думушку думати
Про службу царскую
И про службу воинскую.
А ныне уж молодцу
Кручина великая
И печаль немалая.
С кручины-де молодец,
Со печали великия,
Пошел доброй молодец
Он на свой конюшенной двор.
Брал доброй молодец
Он добра коня стоялого,
Наложил доброй молодец
Он уздицу тесмяную,
Седелечко черкеское,
Садился доброй молодец
На добра коня стоялого,
Поехал доброй молодец
На чужу, дальну сторону.
Как бы будет молодец
У реки Смородины,
А и змолится молодец:
„А и ты мать, быстра река,
Ты быстра река Смородина!
Ты скажи мне, быстра река,
Ты про броды конины,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частые!“
Провещится быстра река

Человеческим голосом,
Да и душей красной девицей:
„Я скажу те, быстра река,
Доброй молодец,
Я про броды конинью,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частые:
Со броду конинокого
Я беру по добру коню,
С перевозу частого
По седелечку черкескому,
Со мосточку калинова
По удалому молодцу.
А тебе, безвремянного молодца,
Я и так тебе пропущу".
Переехал молодец
За реку за Смородину,
Он отъехал молодец
Как бы версту-другую,
Он своим глупым разумом
Молодец похваляется:
„А сказали про быстру реку Смородину,
Не пройти, не проехати,
Ни пешему, ни конному,
Она хуже, быстра река,
Тоя лужи дожжевыя".
Скричит за молодцем,
Как в сугонь быстра река Смородина,
Человеческим языком,
Душей красной девицей:
„Безвремянной молодец!
Ты забыл за быстрой рекой
Два друга сердечные,
Два востра ножа булатные,
На чужой дальней стороне
Оборона великая!"

Воротился молодец
За реку за Смородину,
Нельзя что не ехати
За реку за Смородину,
Не узнал доброй молодец
Того броду кониного,
Не увидел молодец
Перевозу частого,
Не нашел доброй молодец
Он мосточку калинова.
Поехал-де, молодец,
Он глубокими омуты:
Он перву ступень ступил,
По черев конь утонул,
Другу ступень ступил,
По седелечко черкеское,
Третью ступень конь ступил,
Уже гривы не видети.
А и змолится молодец:
„А и ты, мать, быстра река,
Ты, быстра река Смородина!
К чему ты меня топишь,
Безвремянного молодца?"
Провещится быстра река
Человеческим языком,
Она душей красной девицей:
„Безвремянной молодец!
Не я тебе топлю,
Безвремянного молодца,
Топит тебя, молодец,
Похвальба твоя, пагуба".
Утонул доброй молодец
Во Москве реке, Смородине;
Выплывал его доброй конь
На крутые береги,
Прибегал его доброй конь

К отцу его и матери,
На луке на седельныя
Ерлычек написаной:
Утонул доброй молодец
Во Москве реке, Смородине.

34

Под Ригою стоял царь государь

А под славным было городом под Ригою,
Что стоял царь государь по три годы,
Еще бывшей Алексей царь Михайлович.
Изволил царь государь наряжатися;
Наряжается царь государь в каменну Москву
А и бывшей Алексей царь Михайлович.
Что поутру было рано ранешенько,
Как на светлой заре на утренней,
На восходе было красного солнышка,
Как бы гуси, лебеди воскикали,
Говорили солдаты новобраные:
„А свет государь, благоверной царь,
А и бывшей Алексей царь Михайлович!
Ты изволишь наряжаться в каменну Москву,
Не оставь ты нас, бедных, под Ригою!
Уж и так нам-де Рига наскучила,
А наскучила нам, Рига, напрокучила:
Много холоду, голоду приняли,
Наготы, босоты вздвое того“.
Что злата труба под Ригою протрубила,
Прогласил государь благоверной царь:
„А и детушки, вы, солдаты новобраные!
Не одним вам Рига-то наскучила,
Самому мне, государю, напрокучила.

Когда бог нас принесет в каменну Москву,
А забудем бедность, нужу великую,
А и выставлю вам погребы царские,
Что с пивом, с вином, меды сладкие“.

35

Поход селенгинским казакам

А за славным было батюшком за Байкалом-морем,
А и вверх было по матке Селенге по реке,
Из верхнего острогу Селенгинского
Только высылка была удалым молодцам,
Была высылка добрым молодцам,
Удалым молодцам, селенгинским казакам;
А вторая высылка посольским стрельцам;
На подачу им даны были табуноцки мужики,
Табуноцки мужики, люди ясашные.
Воевода походил у них Федор молодой Дементьянович,
Есаулом походил у него брат родной,
А по имени Прокопей Козеев молодец.
Переправились казаки за Селенгу за реку,
Напущались на улусы на мунгальские.
По грехам над улусами учинилося,
А мунгалов в домах не годилося,
Они ездили за зверями облавами.
Они туто казаки усмехаются,
Разорили все улусы мунгальские:
Они жен, детей мунгалов во полон взяли,
Шкарб и живот у них обрали весь.
Они стали казаки переправлятися
На другу сторону, за Селенгу за реку,
Опилися кумысу — кобылъего молока.

Из-за того было белого камени
Как бы черные вороны налетывали,
Набегали тут мунгалы из чиста поля.
Учинилася бой-драка тут великая:
Они жен, детей мунгалок и отбили назад,
А прибили казаков много до смерти,
Вдвое, втрое казаков их переранили,—
Табуноцки мужики на побег пошли,
Достальных казаков своих выдали.
А прибудут казаки в Селепгинской острог,
По базарам казаки они похаживают,
А и хвастают казаки, селенгиискиe молодцы
А своими ведь дырами широкими.

36

По долам девица копала коренья лютые

Кабы по горам, горам, по высокиим горам,
Кабы по долам, долам, по широкиим долам,
А и покрай было моря синего,
И по тем по хорошиим зеленым лугам,
Тут ходила, гуляла душа красная девица;
А копала она коренья, зелье лютое.
Она мыла те кореньица в синем море,
А сушила кореньица в муравленой печи,
Растирала те коренья во серебряном кубце,
Разводила те кореньица меды сладкими,
Рассычала коренья белым сахаром
И хотела извести своего недруга.
Невзначае извела своего друга милого,
Она по роду братца родимого.
И расплачется девица над молодцем,
Она плачет, девица, убиваючи,
Она жалобно, девица, причитаючи:
Занапрасно головушка погибнула!

Перед нашими воротами утоптана трава

Перед нашими широкими воротами
А утоптана трава, утолочена мурава,
Ощипаны цветочки лазоревые.
Еще кто траву стоптал, кто мураву столочил?
Сотоптала, столочила красная девица душа
Стоючи она с надежею, с милым другом.
Он держал красну девицу за белы ручки
И за хороши за перстни злаченые,
Целовал, миловал, ко сердцу прижимал,
Называл красну девицу животом своим.
И проговорит девица, душа красная:
„Ты надежа мой, надежа, сердечной друг!
А не честь твоя, хвала молодецкая,
Без числа больно, надежа, упиваешься,
А и ты мной, красной девицей, похваляешься;
А и ты будто надо мной все насмехаешься“.
Ему туто молодцу за беду стало,
Как он бьет красну девицу по белу ее лицу:
Он расшиб у девицы лице белое,
Проливал у девицы кровь горячую,
Замарал на девице платье цветное.
Расплачется девица перед молодцем:
„Когда тебе девица не в любви пришла,
А и ты сделай мне, надежа, ветляниньской стружок,
А и ты сделай мне на нем муравленой чердачок,
А и сделай беседу дорог рыбей зуб,
Исподерни ту беседу рытым бархатом,
А и дай мне, надежа, пятьдесят гребцов,
А другое пятьдесят в провожатые,

Отпусти меня, друг, надежа, за сине море,
За сине море во почестной монастырь:
Постригусь я, молодешенька, посхимлюся,
На постриженье ты дай мне пятьдесят рублев,
На посхименье дай мне другое пятьдесят".

38

Да не жаль добра молодца битого — жаль похмельного

А и не жаль мне-ко битого, грабленого,
А и того ли Ивана Сутырина,
Только жаль доброго молодца похмельного,
А того ли Кирилы Даниловича.
У похмельного доброго молодца буйна голова болит:
А вы, милы мои братцы, товарищи, друзья!
Вы купите винца, опохмельте молодца.
Хотя горько, да жидко — давай еще!
Замените мою смерть животом своим:
Еще не в кое время пригожусь я вам всем.

39

Из Крыму и из Нагаю

А из Крыму ли, братцы, из Нагаю,
Из тоя ли орды бусурманския
А ехали два братца родимые.
Под большим-то братом конь уставает,
А меньшей за большого умирает:
„А и той еси, мой братец родимой!
А я тебя, братец, посверстняе
А пеша ту дороженьку повыду“.
Когда было добру молодцу время,
Народ, господа его почитали;
А стало доброму молодцу безвременье,
Никто-де молодца не почитает,
А сам се молодец размышляет:
„Сокол ли то на сем свете не птица,
На его-то безвременьице бывает:
Он пеш да по чисту полю гуляет;
Худая-то птичка — куличонко,
И та над соколом насмеялась,
Наперед-то его залетела“.

40

По край моря синего стоял Азов город

А и по край было моря синего,
Что на усье Дону-то тихого,
На крутом красном бережку,
На желтых рассыпных песках
А стоит крепкой Азов город
Со стеною белокаменною,
Земляными раскатами
И ровами глубокими
И со башнями караульными.
Середи Азова города
Стоит темная темница,
А злодейка — земляная тюрьма;
И во той было тёмной темницы,
Что двери были железные,
А замок был в три пуда,
А пробои были булатные,
Как засовы были медные.
Что во той темной темницы
Засажен сидит донской казак
Ермак Тимофеевич.
Мимо той да темной темницы
Лучилося царю идти,
Самому царю тому турецкому
Салтану Салтановичу.
А кричит донской казак
Ермак Тимофеевич:
„А ты гой еси, турецкой царь
Салтан Салтанович!
Прикажи ты меня поить, кормить,
Либо казнить, либо на волю пустить!“

Псстоялся турецкой царь
Салтан Салтанович:
„А мурзы вы, улановья!
А вы згаркайте из темницы
Того тюремного старосту“.
А и мурзы-улановья
Металися через голову,
Привели его улановья
Они старосту тюремного;
И стал он, турецкой царь,
У тюремного старосты спрашивать:
„Еще что за человек сидит?“
Ему староста рассказывает:
„А и ты гой еси, турецкой царь
Салтан Салтанович!
Что сидит у нас донской казак
Ермак Тимофеевич“.
И приказал скоро турецкой царь:
„Вы мурзы, улановья
Ведите донского казака
Ко палатам моим царскиим!“
Еще втапоры турецкой царь
Напоил, накормил доброго молодца
И тожно стал его спрашивати:
„А ты гой еси, донской казак!
Еще как ты к нам в Азов попал?“
Рассказал ему донской казак:
„А и я послан из каменной Москвы
К тебе, царю, в Азов город,
А и послан был скорым послом,
И гостинницы дорогие к тебе вез;
А на заставах твоих меня всего ограбили,
И мурзы-улановья моих товарищей
Рассадили, добрых молодцов,
И по разным темным темницам“.
Еще втапоры турецкой царь

Приказал мурзы-улановьям
Собрать добрых молодцов,
Ермаковых товарищев.
Отпущает добрых молодцов,
Ермака в каменну Москву;
Снарядил доброго молодца,
Ермака Тимофеевича,
Наградил златом, серебром,
Еще питьями заморскими.
Отлучился донской казак
От Азова города,
Загулялся донской казак
По матушке Волге реке,
Не явился в каменну Москву.

41

Борис Шереметев

Во славном городе в Орешке,
По нынешнему званию Шлюшенбурха,
Пролегла туто широкая дорожка.
По той но широкой дорожке
Идет тут царев большой боярин,
Князь Борис сын Петрович Шереметев,
Со теми он со пехотными полками,
Со конницею и со драгунами,
Со удалыми донскими казаками.
Вошли они во Красную мызу
Промежу теми высокими горами,
Промежу теми широкими долами;
А все полки становилися.
А втапоры Борис сын Петрович
В объезд он донских казаков посылает,
Донских, гребецких да яицких.

Как скрали они шведские караулы,
Маэора себе во полон полонили,
Привезли его в лагери царские.
Злата труба в поле протрубила,
Прогласил государь, слово молвил,
Государь московский, первой император:
„А и гой еси, Борис сын Петрович!
Изволь ты маэора допросити тихонько, помалешеньку:
А сколько-де силы в Орешке
У вашего короля шведского?“
Говорит тут маэор не с упадкою,
А стал он силу рассказывать:
„С генералом в поле нашим сорок тысячей,
С королем в поле сметы нет“.
А втапоры царев большой боярин,
Князь Борис сын Петрович Шереметев,
А сам он царю репортует:
„Что много-де силы в поле той шведской:
С генералом стоит силы сорок тысячей,
С королем в поле силы сметы нет“.
Злата труба в поле, в лагере протрубила,
Прогласил первой император:
„А и гой еси, Борис Петрович!
Не устрашися маэора допросити,
Не корми маэора целы сутки,
Еще вы его повторите,
Другие вы сутки не кормите,
И сладко он расскажет,
Сколько у них силы шведския“.
А втапоры Борис Петрович Шереметев
На то-то больно догадлив:
А двое-де сутки маэора не кормили,
Во третьи винца ему подносили.
А втапоры маэор рассказал,
Правду истинну рассказал:

Всем с королем нашим и генералом
Силы семь тысячей, а более того нету.
И тут государь звеселился,
Велел ему, маэору, голову отляпать.

42

Благословите, братцы, про старину сказать

Благословите, братцы, старину сказать,
Как бы старину стародавную.
Как бы в стары годы, прежние,
Во те времена первоначальные,
А и сын на матери снопы возил,
Молода жена в припряжи была;
Его матушка обленчива,
Молода жена зарывчива.
Молоду жену свою поддерживал,
Он матушку свою подстегивал
Своим кнутиком воровинным,
Изорвался кнутик, он — березиной.

43

Князь Репнин

Промеж было Казанью, промеж Астраханью,
А пониже города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Из тое ли было нагорную сторонушки,
Как бы прошла, протекла Камышевка река,
Своим усьем она впала в матушку Волгу реку.
А по славной, было, матушке Камышевке реке

Выгребали, выплывали пятьдесят легких стругов,
Воровскиих казаков;
А на всяком стружечку по пятьдесят гребцов,
По пятьдесят гребцов — воровскиих казаков.
Заплывали, загребали в Коловинские острова,
Становились, молодцы, во тихих заводях,
Выгулять они на зеленые луга.
Расставили майданы терские
И раздернули ковры сорочинские;
А играли казаки золотыми они тавлеями,
Кто-де костью, кто-де картами — все удалы молодцы.
Посмотрят молодцы вниз по Волге реке,
Как бы чернь-то на Волге зачернеется,
А идут гребные из Астрахани.
Дожидались казаки, удалые молодцы,
Губернатора из Астрахани Репнина,
Князя Данилу Александровича:
А на что душа рождена, того бог и дал.
Подошли те гребные в Коловинские острова,
И бросали казаки они потехи все,
И бросалися во свои легоньки стружки,
Напущалися казаки на гребные струги;
Они все туто торговых перещупали,
Они спрашивают губернатора из Астрахани:
„А то коли он с вами, покажите его нам,
А до вас до купцов, удалых молодцов, и дела нет“.
Потаили купцы губернатора,
У себя они спрятывали под товары под свои.
Говорили молодцы, воровские казаки:
„А вы сами себе враги, за что его спрятывали“.
Обыскали под товарами губернатора,
Репнина князя Данилу Александровича,
Изрубили его во части мелкие,
Разбросали по матушке Волге реке;
А его-то госпожу, губернаторску жену,

И со малыми детушками
Они все молодцы, воровские казаки, помиловали;
А купцов молодцов ограбили,
Насыпали червонцами легки свои струги,
Пошли по Камышевке реке.

44

Во Сибирской украине, во Даурской стороне

Во Сибирской во украине,
Во Даурской стороне,
В Даурской стороне,
А на славной п'Амуре реке,
На усье Комары реки
Казаки царя белого
Они острог поставили,
Острог поставили,
Ясак царю собрали
Из-за сабельки вострыя,
Из-за сабли вострыя,
Из-за крови горячи.
Круг они острогу Комарского
Они глубокой ров вели,
Высокой вал валилися,
Рогатки ставили,
Чеснок колотили,
Смолье приготовили.
Поутру рано ранешенько,
Ровно двадцать пять человек,
Выходили молодцы они
На славну Амур реку,
С неводочками шелковыми,
Они по рыбу свежую.

Нещастье сделалось
Над удалыми молодцы:
Из далеча, из чиста поля,
Из раздолья широкого,
С хребта Шингальского,
Из-за белого каменя,
Из-за ручья глубокого
Выкаталося знамечко,
Выкаталося знамечко,
Большое бойдоское;
А знамя за знамем идет,
А рота за ротами валит,
Идет бойдоской князец
Он со́ силою поганою,
Со силою поганою
Ко острогу Комарскому.
Как вешняя вода
По лугам разлилася,
Облелеила сила поганая
Вкруг острогу Комарского;
Отрезали у казаков
Ретиво сердце с печепью,
Полонили молодцов
Двадцать пять человек,
С неводочки шелковыми
И с рыбою свежею.
А и ездит бойдоской князец,
На своем на добром коне,
Как черной ворон летает
Круг острогу Комарского.
Кричит бойдоской князец
Ко острогу Комарскому:
„А сдайтеся, казаки
Из острогу Комарского!
А и буду вас жаловать
Златом, серебром,

Да и женки прелестными,
А женки прелестными
И душами красными девицами".
Не сдаются казаки,
Во остроге сидечи,
Кричат они, казаки,
Своим громким голосом:
„Отъезжай, бойдоской князец!
От острогу Комарского".
А втапоры бойдоской князец,
Со своею силою поганою,
Плотной приступ чинит
Ко острогу Комарскому.
Казаки они справилися,
За ружье сграбилися,
А было у казаков
Три пушки медные,
А ружье долгомерное.
Три пушечки гунули,
А ружьем вдруг грянули,
А прибили они, казаки,
Тое силы бойдоские,
Тое силы бойдоские,
Будто мушки ильинские,
Тое силы поганые.
Заклинался бойдоской князец,
Бегучи от острогу прочь,
От острогу Комарского,
А сам заклинается:
„А не дай, боже, напредки бывать!"
На славной Амуре реке
Крепость поставлена,
А и крепость поставлена крепкая,
И зделан гостиной двор,
И лавки каменны.

45

Никите Романовичу дано село Преображенское

Да в старые годы, прежние,
Во те времена первоначальные,
Когда воцарился царь государь,
А грозной царь, Иван Васильевич,
Что взял он царство Казанское,
Симеона царя во полон полонил
С царицею со Еленою,
Выводил он измену из Киева,
Что вывел измену из Новагорода,
Что взял Рязань, взял и Астрахань.
А ныне у царя, в каменной Москве,
Что пир идет у него навеселе,
А пир идет про князей, про бояр,
Про вельможи, гости богатые,
Про тех купцов про сибирскиих.
Как будет летне-ет день в половина дня,
Смиренна беседушка навеселе;
А все туто князи и бояра
И все на пиру напивалися,
Промеж собою они расхвасталися:
А сильной хвастает силою,
Богато-ет хвастает богатеством.
Злата труба в царстве протрубила,
Прогласил царь государь, слово выговорил:
„А глупы бояра, вы неразумные!
А все вы безделицей хвастаетесь.
А смею я царь похвалитися,
Похвалитися и похвастати:

Что вывел измену я из Киева,
Да вывел измену из Новагорода,
А взял я Рязань, взял и Астрахань“.
В палатах злата труба протрубила,
Прогласил в палатах царевич молодой,
Что меньшой, Федор Иванович:
„А грозной царь, Иван Васильевич!
Не вывел измены в каменной Москве;
Что есть у нас в каменной Москве,
Что три большие боярина,
А три Годуновы изменники“.
За то слово царь спохватается:
„Ты гой еси, чадо мое милое,
Что меньшей Федор Иванович!
Скажи мне про трех ты бояринов,
Про трех злодеев, изменников:
Первого боярина в котле велю сварить,
Другого боярина велю на кол посадить,
Третьего боярина скоро велю сказнить“.
Ответ держит тут царевич молодой,
Что меньшей Федор Иванович:
„А грозной царь, Иван Васильевич!
Ты сам про них знаешь и ведаешь,
Про трех больших бояринов,
Про трех Годуновых изменников;
Ты пьешь с ними, ешь с едного блюда,
Единую чарой с ними требуешь“.
То слово царю не взлюбилося,
То слово не показалося,
Не сказал он изменников по имени:
Ему туто за беду стало,
За великую досаду показалося.
Скричал он, царь, зычным голосом:
„А есть ли в Москве немилостивы палачи?
Возмите царевича за белы ручки,
Ведите царевича со царского двора,

За те за ворота Москворецкие,
За славную матушку за Москву за реку,
За те живы мосты калиновы,
К тому болоту поганому,
Ко той ко луже кровавыя,
Ко той ко плахе белодубовой!“
А все палачи испужалися,
Что все в Москве разбежалися.
Един палач не пужается,
Един злодей выступается,
Малюта палач сын Скурлатович.
Хватя он царевича за белы ручки,
Повел царевича за Москву за реку.
Перепахнула вестка нерадошна
Во то во село в Романовское,
В Романовское, во боярское,
Ко старому Никите Романовичу,
Нерадошна вестка, кручинная:
„А и гой еси, сударь, мой дядюшка,
Ты старой Никита Романович!
А спишь, лежишь, опочив держишь,
Али те, Никите, мало можется?
Над собою ты невзгоды не ведаешь:
Упала звезда поднебесная,
Потухла во соборе свеча местная,
Не стало царевича, у нас в Москве,
А меньшего Федора Ивановича!“
Много Никита не выспрашивает,
А скоро метался на широкой двор,
Скричал он, Никита, зычным голосом:
„А конюхи мои, приспешники!
Ведите наскоре добра коня,
Не седланного, не узданного!“
Скоро-де конюхи металися,
Подводят наскоре добра коня;
Садился Никита на добра коня,

За себя он, Никита, любимого конюха хватил,
Поскакал за матушку Москву за реку,
А шапкой машет, головой качает,
Кричит он, ревет зычным голосом:
„Народ православной, не убейтеся,
Дайте дорогу мне широкую!“
Настиг палача он во полупутя,
Не дошед до болота поганого,
Кричит на его зычным голосом:
„Малюта палач сын Скурлатович!
Не за свойской кус ты хватаешься,
А этим кусом ты подавишься!
Не переводи ты роды царские“.
Говорит Малюта, немилостивой палач:
„Ты гой, Никита Романович!
А наше-то дело повеленное;
Али палачу мне самому быть сказнену?
А чем окровенить саблю вострую?
Что чем окровенить руки белые?
А с чем придтить к царю пред очи,
Пред его очи царские?“
Отвечает Никита Романович:
„Малюта палач сын Скурлатович!
Сказни ты любимого конюха моего,
Окровени саблю вострую,
Замарай в крове руки белые свои,
А с тем поди к царю пред очи,
Пред его очи царские“.
А много палач не выспрашивает,
Сказнил любимого конюха его,
Окровенил саблю вострую,
Замарал руки белые свои,
А прямо пошел к царю пред очи,
Подмастерье его голову хватил.
Идут к царю пред очи его царские,
В его любимую крестовую.

А грозны царь Иван Васильевич
Завидевши сабельку вострую,
А востру саблю, кровавую,
Того палача немилостива,
Потом же увидел и голову у них,
А где-ко стоял, он и туто упал:
Что резвы ноги подломилися,
Что царски очи замутилися,
Что по три дня ни пьет, ни ест.
Народ, христиане православные,
Положили любимого конюха
На те на телеги на ордынские,
Привезли до Ивана Великого,
Где кладутся цари и царевичи,
Где их роды, роды царские,
Завсегда звонят во царь-колокол.
А старой Никита Романович
Хватя он царевича,
На добра коня посадил,
Увез во село свое Романовское,
В Романовское и боярское.
Не пива ему варить, не вина курить,
А пир пошел у него на радостях:
А в трубки трубят по-ратному,
Барабаны бьют по-воинскому.
У той у церкви соборныя
Сбирались попы и дьяконы,
А все ведь причетники церковные,
Отпевали любимого конюха.
А втапоры пригодился царь,
А грозны царь Иван Васильевич,
А трижды земли на могилу бросил.
С печали царь по царству пошел,
По тем широким по улицам.
А те бояра Годуновые
Идут с царем, сами подмолвилися:

„Ты грозны царь, Иван Васильевич!
У тебя кручина несносная,
У боярина пир идет навеселе,
У старого Никиты Романовича“.
А грозны царь, он и крут добре,
Послал посла немилостивого,
Что взять его, Никиту, нечестно к нему.
Пришел посол ко боярину в дом,
Взял Никиту, нечестно повел,
Привел ко царю пред ясны очи.
Не дошед, Никита поклоняется
О праву руку до сыру землю.
А грозны царь Иван Васильевич
А в правой руке держит царской костыль,
А в левой руке держит царско жезло,
По нашему сибирскому востро копье,
А ткнет он Никиту в праву ноги,
Пришил его ко сырой земли,
А сам он, царь, приговаривает:
„Велю я Никиту в котле сварить,
В котле сварить, либо на кол посадить,
На кол посадить, скоро велю сказнить:
У меня кручина несносная,
А у тебя боярина пир навеселе.
К чему ты, Никита, в доме добре радошен?
Али ты, Никита, какой город взял?
Али ты, Никита, корысть получил?“
Говорит он, Никита, не с упадкою:
„Ты грозны царь, Иван Васильевич!
Не вели мене казнить, прикажи говорить:
А для того у мене пир навеселе,
Что в трубочки трубят по-ратному,
В барабаны бьют по-воинскому,
Утешают млада царевича,
Что меньшего Федора Ивановича!“
А много царь не выспрашивает,

Хватя Никиту за праву руку,
Пошел в палаты во боярские.
Отворяли царю на пяту,
Пошел в палаты во боярские.
Поднебесна звезда уж высоко взошла,
В соборе местна свеча затеплялася.
Увидел царевича во большом месте,
В большом месте, в переднем угле,
Под местными иконами.
Берет он царевича за белы ручки,
А грозны царь Иван Васильевич
Целовал его во уста сахарные;
Скричал он, царь, зычным голосом:
„А чем боярина пожаловати
А старого Никиту Романовича?
А погреб тебе злата, серебра,
Второе тебе — питья разного,
А сверх того грамота тарханная:
Кто церкву покрадет, мужика ли убьет,
А кто у жива мужа жену уведет
И уйдет во село во боярское
Ко старому Никите Романовичу,—
И там быть им не в выдаче“.
А было это село боярское,
Что стало село Преображенское,
По той грамоте тарханныя,
Отныне оно слывет и довеку.

46

Из монастыря Боголюбова старец Игренищо

Из монастыря да из Боголюбова
Идет старец Игренищо,
Игренищо, Кологренищо.
А и ходит он по монастырю,
Просил честныя милостыни,
А чем бы старцу душа спасти,
Душа спасти, ее в рай спусти.
Пришел то старец под окошечко
Человеку к тому богатому,
Просил честную он милостыню:
Просил редечки горькия,
Просил он капусты белыя,
А третьи — свеклы красныя.
А тот удалой господин добре сослал
Редечки горькия,
И той капусты он белыя,
А и той свеклы красныя
А с тою ли девушкой поваренною.
Сошла та девка со двора она
И за те ворота за широкие.

Посмотрит старец Игренищо-Кологренищо
Во все четыре он во стороны,
Не увидел старец он, Игренищо,
Во всех четырех во сторонушках
Никаких людей не шатаются, не мотаются.
А не рад-то старец Игренищо
А и тоя ли редечки горькия,
А и той капусты белыя,
А третьи—свеклы красныя,
А и рад-то девушке-чернавушке.
Ухватил он девушку-чернавушку,
Ухватил он, посадил в мешок
Со тою-то редькою горькою
И со той капустой белою
И со той со свеклой со красною.
Пошел он, старец, по монастырю,
И увидели его ребята Десятильниковы,
И бросалися ребята они ко старцу,
Хватали они шилья сапожные
А и тыкали у старца во шелковый мешок:
Горька редька рыхнула,
Белая капуста крикнула,
Из красной свеклы рассол пошел.
А и тута ребята Десятильниковы,
Они тута со старцем заздорили.
А и молится старец Игренищо,
А Игренищо-Кологренищо:
„А и гой вы еси, ребята Десятильниковы!
К чему старца меня обидите!
А меня вам обидеть, не корысть получить.
Будьте-тка вы ко мне в Боголюбов монастырь,
А и я молодцов вас пожалую:
А и первому дам я пухов колпак,
А и век-то носить, да не износить;
А другому дам камчат кафтан,
Он весь-то во тетивочку повыстеган;

А третьему дам сапожки зелен сафьян
Со темя подковами немецкими".
А и тут ему ребята освободу дают!
И ушел он, старец Игренищо,
А Игренищо-Кологренищо,
Во убогие он свои во келейки.
А поутру раненько, ранешенко
Не изребели ребята Десятильниковы,
Промежду обедни-заутрени
Пришли они, ребята Десятильниковы,
Ходят они по монастырю
А и спрашивают старца Игренища,
Игренища-Кологренища.
А увидел сам старец Игренищо,
Он тем-то ребятам поклоняется,
А слово сказал им ласковое:
„Вы-то, ребята, разумные,
Пойдем ко мне в келью, идите".
Всем рассказал им подробно всё.
„А четверть пройдет, другой приди".
А всем рассказал, по часам рассказал.
Монастырски часы были верные.
А который побыстрея их, ребят, наперед пошел
Ко тому старцу ко Игренищу,
Первому дал он пухов колпак:
А брал булаву в полтретья пуда
Бил молодца по буйной голове:
„Вот молодцу пухов колпак,
Век носить, да не износить,
Поминать старца Игренища!"
И по тем часам монастырскиим
А и четверть прошла, другой пришел.
А втапоры старец Игренищо
Другому дает кафтан камчатной:
Взял он плетку шелковую,
Разболок его, детину, донага,

Полтораста ударов ему в спину влепил.
А и тех-то часов монастырских
Вернота их четверть прошла,
И третий молодец в монастырь пошел
Ко тому старцу ко Игренищу.
Допрошался старца Игренища.
И завидел его старец Игренищо,
Игренищо-Кологренищо,
А скоро удобрил и в келью взял,
Берет он полено березовое,
Дает ему сапожки зелен сафьян:
А и ногу перешиб и другую подломил.
„А вот вы, ребята Десятильниковы!
Всех я вас, ребят, пожаловал:
Первому дал пухов колпак,
А и тот ведь за кельей валяется;
А другому наделил я камчат кафтан,
А и тот не ушел из монастыря;
А последнему — сапожки зелен сафьян,
А и век ему носить, да не износить“.

47

Садков корабль стал на море

Как по морю, морю по синему,
Бегут-побегут тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, един Сокол корабль
Самого Садка, гостя богатого.
А все корабли, что соколы летят,
Сокол корабль на море стоит.
Говорит Садко купец, богатой гость:
„А ярыжки вы, люди наемные,
А наемны люди, подначальные!
А в место все вы собирайтеся,
А и режьте жеребья вы волжены,
А и всяк-то пиши на имена,
И бросайте вы их на сине море!"
Садко покинул хмелево перо,
И па ем-то подпись подписана,
А и сам Садко приговариват:
„А ярыжки, люди вы наемные!
А слушай речи праведных,
А бросим мы их на сине море,
Которые бы по верху пловут,

А и те бы душеньки правые;
Что которые-то во море тонут,
А мы тех спихнем во сине море!“
А все жеребья поверху пловут,
Кабы яры гоголи по заводям;
Един жеребей во море тонет,
Во море тонет хмелево перо
Самого Садка, гостя богатого.
Говорил Садко купец, богатой гость:
„Вы ярыжки, люди наемные,
А наемны люди, подначальные!
А вы режьте жеребья ветляные,
А пишите всяк себе на имена,
А и сами к ним приговаривай:
А которы жеребьи во море тонут,
А и то бы душеньки правые!“
А и Садко покинул жеребей булатной,
Синего булату ведь заморского,
Весом-то жеребей в десять пуд.
И все жеребьи во море тонут,
Един жеребей поверху пловет
Самого Садка, гостя богатого.
Говорит тут Садко купец, богатой гость:
„Вы ярыжки, люди наемные,
А наемны люди, подначальные!
Я, Сад-Садко, знаю-ведаю,
Бегаю по морю двенадцать лет,
Тому царю заморскому
Не платил я дани-пошлины,
И во то сине море Хвалынское
Хлеба с солью не опусковал;
По меня, Садка, смерть пришла!
И вы купцы, гости богатые,
А вы целовальники любимые,
А и все приказчики хорошие,
Принесите шубу соболиную!“

И скоро Садко наряжается,
Берет он гусли звончаты
Со хороши струны золоты,
И берет он шахматницу дорогу
Со золоты тавлеями,
Со теми дороги, вальящаты.
И спущали сходню ведь серебряну,
Под красным золотом.
Походил Садко купец, богатой гость,
Спущался он на сине море,
Садился на шахматницу золоту,
А и ярыжки, люди наемные,
А наемны люди, подначальные,
Утащили сходню серебряну,
И серебряну под красным золотом,
Ее на Сокол корабль,
А Садко остался на синем море.
А Сокол корабль по морю пошел,
А все корабли как соколы летят,
А один корабль но морю бежит
Как бел кречет,
Самого Садка, гостя богатого.
Отца, матери молитвы великие,
Самого Садка, гостя богатого:
Подымалася погода тихая,
Понесло Садка, гостя богатого.
Не видал Садко купец, богатой гость
Ни горы, ни берегу;
Понесло его, Садка, к берегу,
Он и сам Садко туто дивуется.
Выходил Садко на круты береги,
Пошел Садко подле синя моря,
Нашел он избу великую,
А избу великую, во все дерево,
Нашел он двери и в избу пошел.
И лежит на лавке царь морской:

„А и гой еси ты, купец, богатой гость!
А что душа радела, того бог мне дал,
И ждал Садка двенадцать лет,
А ныне Садко головой пришел;
Поиграй, Садко, в гусли ты звончаты!“
И стал Садко царя тешити:
Заиграл Садко в гусли звончаты;
А и царь морской зачал скакать,
Зачал плясать,
И того Садка, гостя богатого,
Напоил питьями разными.
Напивался Садко питьями разными,
И развалялся Садко, и пьян он стал,
И уснул Садко купец, богатой гость.
А во сне пришел святитель Николай к нему,
Говорит ему таковы речи:
„Гой еси ты, Садко купец, богатой гость!
А рви ты свои струны золоты,
И бросай ты гусли звончаты,
Расплясался у тебя царь морской:
А сине море сколыбалося,
А и быстры реки разливалися,
Топят много бусы-корабли,
Топят души напрасные
Того народу православного!“
А и тут Садко купец, богатой гость
Изорвал он струны золоты,
И бросает гусли звончаты.
Перестал царь морской скакать и плясать:
Утихло море синее,
Утихли реки быстрые.
А поутру стал туто царь морской,
Он стал Садка уговаривать.
А и хочет царь Садка женить,
И привел ему тридцать девиц.
Никола ему во сне наказывал:

„Гой еси ты, купец, богатой гость!
А станет тебе женить царь морской,
Приведет он тридцать девиц:
Не бери ты из них хорошую, белыя, румяныя,
Возьми ты девушку повареннуую,
Повареннуую, что котора хуже всех“.
А и тут Садко купец, богатой гость,
Он думался, не продумался,
И берет он девушку повареннуую,
А котора девушка похуже всех.
А и туто царь морской
Положил Садка на подклете спать,
И ложился он с новобрачною;
Николай во сне наказывал Садку:
Не обнимать жену, не целуй ее.
А и тут Садко купец, богатой гость,
С молодой женой на подклете спит,
Свои рученьки ко сердцу прижал;
Со полуночи, в просоньи ногу леву
Накинул он на молоду жену.
Ото сна, Садко, пробуждался он,
Очутился под Новымгородом,
А левая нога во Волх реке.
И скочил Садко, испужался он,
Взглянул, Садко, он на Новгород,
Узнал он церкву, приход своих,
Того Николу Можайского;
Перекрестился крестом своим.
И глядит Садко по Волх реке:
От того синя моря Хвалынского,
По славной матушке Волх реке,
Бегут-побегут тридцать кораблей,
Един корабль самого Садка, гостя богатого.
И встречает Садко купец, богатой гость,
Целовальников любимыих.
Все корабли на пристань стали,

Сходни метали на крутой берег,
И вышли целовальники на крут берег,
И тут Садко поклоняется:
„Здравствуйте, мои целовальники любимые
И прикащики хорошие!“
И тут Садко купец, богатой гость,
Со всех кораблей в таможню положил
Казны своей сорок тысячей,
По три дни не осматривали.

48

Добрыня купался, Змей унес

Доселева Рязань она селом слыла,
А ныне Рязань словет городом.
А жил во Рязани тут богатой гость,
А гостя-то звали Никитою.
Живучи-то Никита состарелся,
Состарелся, переставился.
После веку его долгого
Осталось житье-бытье, богатество,
Осталась его матера жена,
Амелфа Тимофеевна,
Осталось чадо милое,
Как молодой Добрынюшка Никитич млад.
А и будет Добрыня семи годов,
Присадила его матушка грамоте учиться,
А грамота Никите в наук пошла;
Присадила его матушка пером писать.
А будет Добрынюшка во двенадцать лет,
Изволил Добрыня погулять молодец
Со своею дружиною хороброю,

Во те жары петровские.
Просился Добрыня у матушки:
„Пусти меня матушка купатися,
Купатися на Сафат реку“.
Она, вдова многоразумная,
Добрыне матушка наказывала,
Тихонько ему благословение дает:
„Гой еси ты, мое чадо милое,
А молоды Добрыня Никитич млад!
Пойдешь ты, Добрыня, на Израй на реку,
В Израе реке станешь купатися,
Израй река быстрая,
А быстрая она, сердитая;
Не плавай, Добрыня, за нерву струю,
Не плавай ты, Никитич, за другу струю“.
Добрыня-то матушки не слушался,
Надевал на себя шляпу земли греческой,
Над собой он, Добрыня, невзгоды не ведает.
Пришел он, Добрыня, на Израй на реку,
Говорил он дружинушке хоробрыя:
„А и гой еси вы, молодцы удалые!
Не мне вода греть, не тешити ее“.
А все молодцы разболокалися,
И тут Добрыня Никитич млад.
Никто, молодцы, не смеет, никто нейдет,
А молодой Добрынюшка Никитич млад,
Перекрестясь, Добрынюшка в Израй реку пошел;
А поплыл Добрынюшка за перву струю,
Захотелось молодцу и за другую струю,
А две-то струи сам переплыл,
А третья струя подхватила молодца,
Унесла во пещеры белокаменны.
Неоткуль взялось тут лютой зверь,
Налетел на Добрынюшку Никитича.
А сам говорит-то Горынчище,
А сам он, Змей, приговаривает:

„А стары люди пророчили,
Что быть Змею убитому
От молода Добрынюшки Никитича,
А ныне Добрыня у меня сам в руках!“
Молился Добрыня Никитич млад:
„А и гой еси, Змеище, Горынчище!
Не честь-хвала молодецкая,
На нагое тело напущаешься“.
И тут Змей Горынчищо
Мимо его пролетел.
А стали его ноги резвые
А молоды Добрынюшки Никитьевича,
А грабится он ко желту песку.
А выбежал доброй молодец,
А молоды Добрынюшка Никитич млад,
Нагреб он шляпу песку желтого;
Налетел на его Змей Горынчище,
А хочет Добрыню огнем спалить,
Огнем спалить, хоботом ушибить.
На то-то Добрынюшка не робок был,
Бросает шляпу земли греческой
Со темя пески желтыми
Ко лютому Змею Горынчищу:
Глаза запорошил и два хобота ушиб.
Упал Змей Горынчище
Во ту во матушку во Израй реку.
Когда ли Змей исправляется,
Во то время и во тот же час
Свашал Добрыня дубину тут,
Убил до смерти,
А вытащил Змея на берег,
Его повесил на осину на кляплую:
„Сушися ты, Змей Горынчище!
На той-то осине на кляплыя“.
А поплыл Добрынюшка
По славной матушке по Израй реке,

А заплыл в пещеры белокаменны,
Где жил Змей Горынчище;
Застал в гнезде его малых детушек,
А всех прибил, пополам перервал;
Нашел в пещерах белокаменных
У лютого Змеища Горынчища,
Нашел он много злата, серебра;
Нашел во палатах у Змеища
Свою он любимую тетушку,
Тое-то Марью Дивовну,
Выводит из пещеры белокаменны.
И собрал злата, серебра,
Пошел ко матушке родимыя своей:
А матушки дома не годилося,
Сидит у князя Владимера.
Пришел-де он во хоромы свои,
И спрятал он свою тетушку
И пошел ко князю явитися.
Владимер князь запечалился,
Сидит он, ничего свету не видит.
Пришел Добрынюшка
К великому князю Владимеру,
Он Спасову образу молится,
Владимеру князю поклоняется.
Скочил Владимер на резвы ноги,
Хватя Добрынюшку Никитича,
Целовал его во уста сахарные.
Бросилася его матушка родимая,
Схватала Добрыню за белы руки,
Целовала его во уста сахарные.
И тут с Добрынею разговор пошел,
А стали у Добрыни выспрашивати:
А где побывал, где ночевал?
Говорит Добрыня таково слово:
„Ты гой еси, мой сударь, дядюшка,
Князь Владимер, солнце киевско!

А был я в пещерах белокаменных
У лютого Змеища Горынчища,
А всю породу змеиную его я убил
И детей всех погубил,
Родимую тетушку повыручил“.
А скоро послы побежали по ее;
Ведут родимую его тетушку,
Привели ко князю во светлу гридню.
Владимер князь светел, радошен:
Пошла-то у них пир-радость великая,
А для ради Добрынюшки Никитича,
Для другой сестрицы родимыя—Марьи Дивовны.

49

Первая поездка Ильи Муромца в Киев

Как из славного города из Мурома,
Из того села Корочаева,
Как была-де поездка богатырская:
Наряжался Илья Муромец Иванович
Ко стольному городу ко Киеву,
Он тою дорогою прямоезжею,
Котора залегла ровно тридцать лет,
Чрез те леса брынские,
Чрез черны грязи смоленские;
И залег ее дорогу Соловей-разбойник.
И кладет Илья заповедь велику:
Что проехать дорогу прямоезжую,
Котора залегла ровно тридцать лет,
Не вымать из налушна тугой лук,
Из колчана не вымать калену стрелу.
Берет благословение великое у отца с матерью,
А и только его Илью видели.

Прощался с отцом, с матерью,
И садился Илья на своего добра коня,
А и выехал Илья со двора своего
Во те ворота широкие;
Как стегнет он коня по тучным бедрам,
А и конь под Ильею рассержается,
Он перву скок ступил за пять верст,
А другого ускока не могли найти.
Поехал он чрез те леса брынские,
Через те грязи смоленские.
Как бы будет Илья во темных лесах,
Во темных лесах, во брынских,
Наезжал Илья на девяти дубах,
И наехал он, Илья, Соловья-разбойника.
И заслышал Соловей-разбойник
Того ли топу конского,
И тоя ли он поезки богатырские,
Засвистал Соловей по-соловьиному,
А в другой зашипел, разбойник, по-змеиному,
А втретьи зрявкает по-звериному:
Под Ильею конь окорачился,
И падал ведь на кукорачь.
Говорит Илья Муромец Иванович:
„А ты волчья сыть, травяной мешок!
Не бывал ты в пещерах белокаменных,
Не бывал ты, конь, во темных лесах,
Не слыхал ты свисту соловьиного,
Не слыхал ты шипу змеиного,
А того ли ты крику звериного,
А звериного крику, туриного?“
Разрушает Илья заповедь великую,
Вымает калену стрелу
И стреляет в Соловья-разбойника.
И попал Соловья да в правой глаз,
Полетел Соловей с сыра дуба
Комом ко сырой земли.

Подхватил Илья Муромец Соловья на белы руки,
Привязал Соловья ко той ко луке ко седельныя.
Проехал он воровску заставу крепкую,
Подъезжает ко подворью дворянскому:
И завидела-де его молода жена,
Она хитрая была и мудрая,
И збегала она на чердаки на вышние —
Как бы двор у Соловья был на семи верстах,
Как было около двора железной тын,
А на всякой тынинке по маковке,
И по той по голове богатырския —
Наводила трубками немецкими
Его, Соловьева, молодая жена,
И увидела доброго молодца Илью Муромца,
И бросалась с чердака во свои высокие терема
И будила она девять сыновей своих:
„А встаньте, обудитесь добры молодцы,
А девять сынов, ясны соколы!
Вы подите в подвалы глубокие,
Берите мои золотые ключи,
Отмыкайте мои вы окованиы ларцы,
А берите вы мою золоту казну,
Выносите ее за широкой двор
И встречайте удала доброго молодца:
А наедет, молодцы, чужой мужик,
Отца-то вашего в тороках везет!“
А и тут ее девять сыновей закорилися,
И не берут у нее золотые ключи,
Не походят в подвалы глубокие,
Не берут ее золотой казны,
А худым ведь свои думушки думают:
Хочут обвернуться черными воронами,
Со темя носы железными,
Они хочут расклевать добра молодца,
Того ли Илью Муромца Ивановича.
Подъезжает он ко двору ко дворянскому.

И бросалась молода жена Соловьева,
А и молится, убивается:
„Гой еси ты, удалой доброй молодец!
Бери ты у нас золотой казны, сколько надобно,
Опусти Соловья-разбойника,
Не вози Соловья во Киев град!“
А его-то дети, Соловьевы,
Неучливо они поговаривают.
Они только Илью и видели,
Что стоял у двора дворянского.
И стегает Илья он добра коня,
А добра коня по тучным бедрам,
Как бы конь под ним осержается:
Побежал Илья, как сокол летит.
Приезжает Илья он во Киев град,
Середи двора княженецкого,
И скочил он, Илья, со добра коня,
Привязал коня к дубову столбу,
Походил он во гридню во светлую
И молился он Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею,
На все на четыре стороны.
У великого князя Владимера
У него, князя, почестной пир,
А и много на пиру было князей и бояр,
Много сильных могучих богатырей;
И поднесли ему, Илье, чару зелена вина
В полтора ведра.
Принимает Илья единой рукой,
Выпивает чару единым духом.
Говорил ему ласковой Владимер князь:
„Ты скажись, молодец, как именем зовут,
А по именю тебе можно место дать,
По изотчеству пожаловати“.
И отвечает Илья Муромец Иванович:
„А ты ласковой, стольной Владимер князь!

А меня зовут Илья Муромец сын Иванович,
И проехал я дорогу прямоезжую
Из стольного города из Мурома,
Из того села Корочаева".
Говорят тут могучие богатыри:
„А ласково солнце, Владимер князь!
В очах детина завирается,
А где ему проехать дорогою прямоезжею,
Залегла та дорога тридцать лет
От того Соловья-разбойника".
Говорит Илья Муромец:
„Гой еси ты, сударь, Владимер князь!
Посмотри мою удачу богатырскую,
Вон я привез Соловья-разбойника
На двор к тебе!"
И втапоры Илья Муромец
Пошел с великим князем на широкой двор,
Смотреть его удачи богатырския.
Выходили туто князи, бояра,
Все русские могучие богатыри:
Самсон богатырь Колыванович,
Сухан богатырь сын Домантьевич,
Светогор богатырь и Полкан другой,
И семь-то братов Збродовичи,
Еще мужики были Залешана,
А еще два брата Хапиловы —
Только было у князя их тридцать молодцов.
Выходил Илья на широкой двор
Ко тому, Соловью-разбойнику,
Он стал Соловья уговаривать:
„Ты послушай меня, Соловей-разбойник млад!
Посвисти, Соловей, по-соловьиному,
Пошипи, змей, по-змеиному,
Зрявкай, зверь, по-туриному
И потешь князя Владимера".
Засвистал Соловей по-соловьиному,

Оглушил он в Киеве князей и бояр,
Зашипел злодей по-змеиному,
Он втретье зрявкает по-туриному;
А князи и бояра испужалися,
На корачках по двору наползалися,
И все сильны богатыри могучие.
И накурил он беды несносныя:
Гостины кони с двора разбежалися,
И Владимер князь едва жив стоит
Со душой княгиней Апраксевной.
Говорил тут ласковой Владимер князь:
„А и ты гой еси, Илья Муромец сын Иванович!
Уйми ты Соловья-разбойника;
А и эта шутка нам не надобна!“

50

Илья ездил с Добрынею

Как из славного города из Киева
Поезжали два могучие богатыри:
Поезжал Илья Муромец
Со своим братом названым,
С молодым Добрынею Никитичем.
А и будут они во чистом поле,
Как бы сверх тоя реки Череги,
Как бы будут они у матушки у Сафат реки,
Говорит Илья Муромец Иванович:
„Гой еси ты, мой названой брат,
Молоды Добрынюшка Никитич млад!
Поезжай ты за горы высокие,
А и я, дескать, поеду подле Сафат реки“.
И поехал Добрыня на горы высокие,
И наехал он, Добрынюшка Никитич млад, бел
шатер,
И начался Добрыне какой сильной могуч богатырь:

Из того бела шатра полотняного
Выходила тут баба Горынинка.
Заздорилася баба Горынинка;
Молоды Добрыня Никитич
Скочил, Добрыня, со добра копя,
Напущался он на бабу Горынинку;
Учинилася бой-драка великая:
Они тяжкими палицами ударились,
У них тяжкие палицы разгоралися;
И бросили они палицы тяжкие,
Они стали уже драться рукопашным боем.
Илья Муромец сын Иванович,
А ездил он подле Сафат реки,
И наехал он туто бродучий след
И поехал и по тому следу бродучему.
А наезжает он богатыря в чистом поле,
Он Збута Бориса королевича.
А навтапоры Збут королевич млад
И отвязывал стремя вожья выжлока,
Со руки опускает ясна сокола,
А сам ли-то выжлоку наказыват:
„А тепере мне не до тебе пришло!
А и ты бегай, выжлок, по темным лесам,
И корми ты свою буйну голову“.
И ясну соколу он наказыват:
„Полети ты, сокол, на сине море
И корми свою буйну голову,
А мне, молодцу, не до тебе пришло!“
Наезжает Илья Муромец Иванович.
Как два ясна сокола слеталися:
И наехал Збут королевич млад,
Напущается он на старого,
На стара казака Илью Муромца,
И стреляет Илью во белы груди,
Во белы груди из туга лука;
Угодил Илье он во белу грудь.

Илья Муромец сын Иванович
Не бьет его палицей тяжкою,
Не вымает из налушна тугой лук,
Из колчана калену стрелу,
Не стреляет он Збута Бориса королевича,
Его только схватил во белы руки
И бросает выше дерева стоячего.
Не видал он, Збут Борис королевич,
Что того ли свету белого,
И тоя-то матушки сырой земли,
И назад он летит ко сырой земли.
Подхватил Илья Муромец Иванович
На свои он руки богатырские,
Положил его да на сыру землю,
И стал Илья Муромец спрашивать:
„Ты скажись мне, молодец, свою дедину, вотчину?"
Говорит Збут Борис королевич млад:
„Кабы у тебя на грудях сидел,
Я спорол бы тебе старому груди белые!"
И до того его Илья бил, покуда правду сказал.
А и сговорит Збут Борис королевич млад:
„Я того короля задонского".
А втапоры Илья Муромец Иванович,
Глядючи на свое чадо милое,
И заплакал Илья Муромец Иванович:
„Поезжай ты, Збут Борис королевич млад,
Поезжай ты ко своей, ты ко своей сударыне матушке,
Кабы ты попал на наших русских богатырей,
Не отпустили бы тебя они живого от Киева".
И поехал тут Збут королевич млад.
И приехал тут Збут королевич млад
Ко тому царю задонскому,
Ко своей сударыне матушке.
Матушке стал свою удачу рассказывать:
„А и гой еси, сударыня матушка!

Ездил я, Збут королевич млад,
К великому князю Владимеру:
На его потешных лугах
И наехал я в поле старого
И стрелял его во белы груди,
И схватал меня, старой, в чистом поле,
Меня чуть он не забросил за облако
И опять подхватил меня на белы груди“.
Еще втапоры его матушка
Того короля задонскаго,
Разилася о сыру землю
И не может во слезах слово молвити:
„Гой еси ты, Збут Борис королевич млад!
Почто ты напущался на старого?
Не надо бы тебе с ним дратися,
Надо бы съехаться в чистом поле,
И надо бы тебе ему поклонитися
О праву руку, до сырой земли.
Он по роду тебе батюшка, стары казак
Илья Муромец сын Иванович“.
И поехал он на горы высокие,
А искати он брата названого,
Молоду Добрынюшку Никитича.
И дерется он с бабой Горынинкой.
Едва душа его в теле полуднует.
Говорит Илья Муромец сын Иванович:
„Гой еси, мой названой брат,
Молоды Добрынюшка Никитич млад!
Не умеешь ты, Добрыня, с бабой дратися,
А бей ты бабу, блядь, по щеке,
Пиная, растуку мать, под гузно,
А женской пол от того пухол“.
А и втапоры покорилася баба Горынинка,
Говорит она, баба, таковы слова:
„Не ты меня побил, Добрыня Никитич млад,
Побил меня стары казак

Илья Муромец единым словом".
И скочил ей Добрыня на белы груди,
И выдергивал чингалище булатное,
Хочет спороть ей груди белые.
И молится баба Горынинка:
„Гой еси ты, Илья Муромец Иванович!
Не прикажи ты мне резать груди белые,
Много у меня в земле останется злата и серебра".
И схватал Илья Добрыню за белы руки.
И повела их баба Горынинка
Ко своему погребцу глубокому,
Где лежит золота казна,
И довела Илью с Добрынею.
И стали они у погребца глубокого,
Они сами туто, богатыри, дивуются,
Что много злата и серебра,
А цветного платья все русского.
Оглянулся Илья Муромец Иванович
Во те во раздолья широкие.
Молоды Добрынюшка Никитич млад
Втапоры бабе голову срубил.
То старина, то и деянье.

51

Князь Роман жену терял

А князь Роман жену терял,
Жену терял, он тело терзал,
Тело терзал, во реку бросал,
Во ту ли реку во Смородину.
Слеталися птицы разные,
Сбегалися звери дубравные;
Откуль взялся млад сизой орел,
Унес он рученьку белую,
А праву руку с золотым перстнем.

Схватилася молода княжна,
Молода княжна Анна Романовна:
„Ты гой еси, сударь мой батюшка,
А князь Роман Васильевич!
Ты где девал мою матушку?“
Ответ держит ей князь Роман,
А князь Роман Васильевич:
„Ты гой еси, молода княжна,
Молода душа Анна Романовна!
Ушла твоя матушка мытися,
А мытися и белитися,
А в цветно платье наряжатися“.
Кидалась молода княжна,
Молода душа Анна Романовна:
„Вы гой еси, мои нянюшки, мамушки,
А сенные красны девушки!
Пойдем-то со мной на высокие теремы,
Смотреть мою сударыню матушку,
Каково она моется, белится,
А в цветно платье наряжается“.
Пошла она, молода княжна,
Со своими няньки-мамками,
Ходила она по всем высоким теремам,
Не могла-то найти своей матушки.
Опять приступила к батюшке:
„Ты гой еси, сударь мой батюшка,
А князь Роман Васильевич!
А где ты девал мою матушку?
Не могли мы сыскать в высоких теремах“.
Проговорит ей князь Роман,
А князь Роман Васильевич:
„А и гой еси ты, молода княжна,
Молода душа Анна Романовна!
Со своими няньками, мамками,
Со сенными красными девицами
Ушла твоя матушка родимая,

Ушла гулять во зеленой сад,
Во вишенье, в орешенье".
Пошла ведь тут молода княжна
Со няньками, мамками во зеленой сад;
Весь повыгуляли,
Никого не нашли в зеленом саду,
Лишь только в зеленом саду увидели,
Увидели новую диковинку:
Ни откуль взялся млад сизой орел,
В когтях несет руку белую,
А и белу руку с золотым перстнем;
Уронил он, орел, белу руку,
Белу руку с золотым перстнем
Во тот ли зеленой сад.
А втапоры нянюшки-мамушки
Подхватили они рученьку белую,
Подавали они молодой княжне,
Молодой душе Анне Романовне.
А втапоры Анна Романовна,
Увидела она белу руку,
Опознавала она хорош золот перстень
Ее родимыя матушки;
Ударилась о сыру землю,
Как белая лебедушка скрикнула,
Закричала тут молода княжна:
„А и гой еси вы, нянюшки, мамушки,
А сенные красные девушки!
Бегите вы скоро на быстру реку,
На быстру реку Смородину,
А что тамо птицы слетаются,
Дубравные звери сбегаются".
Бросалися нянюшки, мамушки,
А сенные красные девушки.
По край реки Смородины
Дубравные звери кости делят,
Сороки, вороны кишки тащат.

А ходит тут в зеленом саду
Молода душа Анна Романовна,
А носит она руку белую,
А белу руку с золотым перстнем.
А только ведь нянюшки
Нашли они пусту голову,
Сбирали они с пустою головой
А все тут кости и ребрушки,
Хоронили они и пусту голову
Со теми костьми, со ребрушки,
И ту белу руку с золотым перстнем.

52

Во хорошем высоком тереме, под красным косящатым окошком

Во хорошом-то высоком тереме,
Под красным, под косящатым окошком,
Что голубь со голубушкой воркует,
Девица с молодцем речи говорила:
„А душечка, удалой доброй молодец!
Божился, доброй молодец, ратился,
А всякими неправдами заклинался,
Порукою давал мне Спасов образ,
Образ святителя Николу чудотворца:
Не пить бы пива пьяного до пьяна,
Зеленого вина не пить до повалу,
Сладкиих медов, беспросыпных.
А ноне ты, мой надежа, запиваешься:
Ты пьешь-то пива пьяного до пьяна,
Зеленое вино пьешь до повалу,
А сладкие пьешь меды без просыпу“.
Ответ держит удалой доброй молодец:
„Ты глупая девица, да неразумная!

Не с радости пью я, молодец, с кручины,
С тоя ли бляди, великия печали:
Записан доброй молодец в солдаты,
Поверстан, доброй молодец, я в капралы.
Не то мне, доброму молодцу, забедно,
Что царь меня на службу ту посылает,
А то мне, доброму молодцу, забедно,
Отец-мати старешеньки остаются,
А некому поить будет, их кормити;
Еще мне, доброму молодцу, забедно,
Что с недругом в одном мне полку быти,
В одной мне шириночке служити.

53

Атаман польской

Зарайским городом
За Рязанью за Старою,
Из далеча из чиста поля,
Из раздолья широкого,
Как бы гнедого тура
Привезли убитого,
Привезли убитого
Атамана польского,
Атамана польского,
А по имени Михайла Черкашенина.
А птицы ластицы
Круг гнезда убиваются,
Еще плачут малы его дети
Над белым телом.
С высокого терема
Зазрила молодая жена,
А плачет, убивается
Над его белым телом,

Скрозь слезы свои она
Едва слово промолвила,
Жалобно причитаючи
Ко его белу телу:
„Казачья вольная
Поздорову приехали,
Тебя света моего
Привезли убитого,
Привезли убитого
Атамана польского,
А по имению
Михайла Черкашенина“.

54

На литовском рубеже

Как далече, далече, во чистом поле,
Далече во чистом поле,
На литовском на рубеже,
Под Смоленским городом,
Под Смоленским городом,
На лугах, лугах зеленыих,
На лугах, лугах зеленыих,
Молода коня имал,
Молодец коня имал,
Дворянин душа спрашивает:
„А и конь-то ли, доброй конь,
А конь наступчивой,
Зачем ты травы не ешь,
Травы, конь, зеленыя?
Зачем, конь, травы зеленыя не ешь,
Воды не пьешь ключевыя?“
Провещится доброй конь
Человеческим языком:

„Ты хозяин мой ласковой,
Дворянин, душа отецкой сын!
Затем я травы не ем,
Травы не ем зеленыя
И воды не пью ключевыя,
Я ведаю, доброй конь,
Над твоей буйной голове
Невзгоду великую:
Поедешь ты, молодец,
На службу царскую
И на службу воинскую,
А мне, коню, быть подстрелену,
Быть тебе молодцу в пойманье.
Потерпишь ты, молодец,
Потерпишь, молодец,
Нужи-бедности великие,
А примешь ты, молодец,
Много холоду-голоду,
Много холоду, ты, голоду,
Наготы-босоты вдвое того!“
Позабыл доброй молодец
А и то время нещастливое,
Повестка ему, молодцу,
На ту службу на царскую.
Поехал он, молодец,
Он во полках государевых.
От Смоленца города,
Далече во чистом поле
Стоят полки царские,
А и роты дворянские,
А все были войска российские.
Из далеча чиста поля,
Из раздолья широкого,
Напущалися тут
На их полки неверные,
Полки неверные,

Всё чудь поганая.
А Чудо поганое
На вылазку выехал,
А спрашивал противника
Из полков государевых:
Из роты дворянския
Противника не выскалось.
А он-то задорен был,
Дворянин, отецкой сын,
На вылазку выехал,
Со Чудом дратися,
А Чудо поганое о трех руках.
Съезжаются молодцы
Далече во чистом поле;
А у Чуда поганого
Одно было нобоищо,
Одно было побоищо —
Большая рогатина,
А у дворянина сабля вострая.
Сбегаются молодцы,
Как два ясные соколы
В едино место слеталися.
Помогай бог молодцу,
Дворянину русскому!
Он отводит рогатину
Своею саблею вострою,
Что у Чуда поганого
Отвел его рогатину,
Прирубил у него головы,
Все идолища поганая.
Подстрелили добра коня,
Подстрелили добра коня
У дворянина смоленского,
Он ведь пеш, доброй молодец,
Бегает пеш по чисту полю,
Кричит-ревет молодец

Во полки государевы:
„Стрельцы вы старые!
Подведите добра коня,
Не выдайте молодца
Вы у дела ратного,
У часочку смертного!“
А идолы поганые
Металися грудою,
Все схватили молодца,
Увезли в чисто поле,
Стали его мучати:
И не поят, не кормят его,
Морят его смертью голодною,
И мучат смертью неподобною.
А пало молодцу на ум
Нещастье великое,
Что ему доброй конь наказывал:
Изгибла головушка
Ни за едину денежку.

55

Ох! в горе жить — не кручинну быть

А и горе, горе-гореваньице!
А в горе жить — не кручинну быть,
Нагому ходить — не стыдитися,
А и денег нету — перед деньгами,
Появилась гривна — перед злыми дни.
Не бывать плешатому кудрявому,
Не бывать гулящему богатому,
Не отростить дерева суховерхого,
Не откормить коня сухопарого,
Не утешити дитя без матери,
Не скроить атласу без мастера.

А горе, горе-гореваньице!
А и лыком горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я от горя в темны леса,
А горе прежде век зашел;
А я от горя в почестной пир,
А горе зашел, впереди сидит;
А я от горя на царев кабак,
А горе встречает, уж пива тащит:
Как я наг-то стал, насмеялся он.

56

Чурилья игуменья

Да много было в Киеве божьих церквей,
А больше того почестных монастырей;
А и не было чуднее Благовещения Христова.
А у всякой церкви по два попа,
Кабы по два попа, по два дьякона
И по малому певчему по дьячку;
А у нашего Христова Благовещенья честного
А был у нас-де Иван пономарь,
А горазд-де, Иванушка, он к заутрени звонить.
Как бы русая лиса голову клонила,
Пошла-то Чурилья к заутрени:
Будто галицы летят, за ней старицы идут,
По правую руку идут сорок девиц,
Да по левую руку друга сорок,
Позади ее девиц и сметы нет;
Девицы становилися по крылосам,
Честна Чурилья в алтарь пошла.
Запевали тут девицы четью петь,
Запевали тут девицы стихи верхние;
А поют они на крылосах, мешаются,
Не по-старому поют, усмехаются;

Проговорит Чурилья игуменья:
„А и Федор дьяк, девей староста!
А скоро походи ты по крылосам,
Ты спроси, что поют девицы, мешаются,
А мешаются девицы, усмехаются?“
А и Федор дьяк стал их спрашивать:
„А и, старицы черницы, души красные девицы!
А что вы поете, сами мешаетесь,
Промежу собой, девицы, усмехаетесь?“
Ответ держат черницы, души красные девицы:
„А и Федор дьяк, девей староста!
А сором сказать, грех утаить,
А и то поем, девицы, мешаемся,
Промежу собой, девицы, усмехаемся:
У нас нету дьяка запевальщика,
А и молодой Стафиды Давыдьевны,
А Иванушки пономаря зде же нет“.
А сказал он, девей староста,
А сказал Чурилье игуменье:
„То девицы поют, мешаются,
Промежу собой девицы усмехаются:
Нет у них дьяка запевальщика,
Стафиды Давыдьевны, пономаря Иванушки“.
И сказала Чурилья игуменья:
„А ты Федор дьяк, девей староста!
А скоро ты побеги по монастырю,
Скоро обойди триста келей,
Поищи ты Стафиды Давыдьевны.
Али, Стафиде, ей мало можется?
Али стоит она перед богом, молится?“
А Федор дьяк заскакал, забежал,
А скоро побежал по монастырю,
А скоро обходил триста келей,
Дошел до Стафидины келейки:
Под окошечком огонек горит,
Огонек горит, караул стоит.

А Федор дьяк караул скрал,
Караул скрал, он в келью зашел,
Он двери отворил, и в келью зашел:
„А и гой еси ты, Стафида Давыдьевна,
А и царская ты богомольщица,
А и ты же княженецка племянница!
Не твое-то дело тонцы водить,
А твое-бо дело богу молитися,
К заутрени идти“.
Бросалася Стафида Давыдьевна,
Наливала стакан винца, водки добрыя,
И другой медку сладкого,
И пала ему, старосте, во резвы ноги:
„Выпей стакан зелена вина,
Другой меду сладкого,
И скажи Чурилье игуменье,
Что мало Стафиде можется,
Едва душа в теле полуднует“.
А и тот-то Федор, девей староста,
Он скоро пошел ко заутрени,
И сказал Чурилье игуменье:
„Что той-де старицы,
Стафиды Давыдьевне мало можется,
Едва ее душа полуднует“.
А и та-то Чурилья игуменья,
Отпевши заутрени,
Скоро поезжала по монастырю,
Испроехала триста келей,
И доехала ко Стафидины кельицы,
И взяла с собою питья добрые,
И стала ее лечить, поить.

Высота ли, высота поднебесная

Высока ли высота поднебесная,
Глубока глубота окиян-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Непровские;
Чуден крест леванидовской,
Долги плеса чевылецкие,
Высокие горы сорочинские,
Темны леса брынские,
Черны грязи смоленские,
А и быстрые реки понизовские,
При царе Давыде Евсеевиче,
При старце Макарье Захарьевиче
Было беззаконство великое:
Старицы по кельям — родильницы,
Ченцы по дорогам — разбойницы,
Сын с отцом на суд идет,
Брат на брата с боем идет,
Брат сестру за себя емлет.
Из далеча чиста поля
Выскакал тут, выбегал
Суровец богатырь, Суздалец,
Богатого гостя, заморенин сын.
Он бегает, скачет по чисту полю,
Спрашивает себе сопротивника,
Себе сильна-могуча богатыря
Побиться, подраться, порататься,
Силы богатырски поотведати,
А могучи плечи приоправити.
Он бегал, скакал по чисту полю,
Хоботы метал по темным лесам.
Не нашел он в поле сопротивника

И поехал ко городу Покидошу.
И приезжал ко городу Покидошу.
Во славном городе Покидоше,
У князя Михайла Ефимонтьевича,
У него, князя, почестной пир.
А и тут молодцу пригодилося,
Приходил на княженецкой двор,
Походил во гридню во светлую,
Спасову образу молится,
Великому князю поклоняется.
А князь Михайла Ефимонтьевич
Наливал чару зелена вина в полтора ведра,
Подает ему, доброму молодцу,
А и сам говорил таково слово:
„Как, молодец, именем зовут,
Как величать по изотчеству?“
Стал, молодец, он рассказовати:
„Князь-де Михайла Ефимонтьевич!
А меня зовут, добра молодца,
Суровец богатырь, Суздалец,
Богатого гостя, заморенин сын“.
А и тут князю то слово полюбилося,
Посадил его за столы убраные,
В ту скамью богатырскую,
Хлеба с солью кушати
И довольно пити, прохлажатися.

58

Дурень

А жил был дурень,
А жил был бабин.
Вздумал он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,

Себя казати.
Отшедши дурень
Версту, другу,
Нашел он, дурень,
Две избы пусты,
В третей людей нет.
Заглянет в подполье,
В подполье черти
Востроголовы,
Глаза, что часы,
Усы, что вилы,
Руки, что грабли,
В карты играют,
Костью бросают,
Деньги считают,
Груды переводят.
Он им молвил:
„Бог вам в помочь,
Добрым людям!“
А черти не любят,
Схватили дурня,
Зачали бити,
Зачали давити,
Едва его, дурня,
Жива отпустили.
Пришедши дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воет.
А мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то также:
„Ты глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То же бы ты слово,
Не так же бы молвил;
А ты бы молвил:

„Будь враг проклят
Именем господним,
Во веки веков, аминь“.
Черти б убежали,
Тебе бы, дурню,
Деньги достались
Место кладу“.
„Добро ты, баба,
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Таков не буду!“
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Увидел дурень
Четырех братов,
Ечмень молотят,
Он им молвил:
„Будь враг проклят
Именем господним!“
Бросилися к дурню
Четыре брата,
Стали его бити,
Стали колотити,
Едва его, дурня,
Жива отпустили.
Пришедши дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воет.
А мать бранити,
Жена пепяти,
Сестра-то также:
„А глупой, дурень,

Неразумной, бабин!
То же бы ты слово,
Не так же бы молвил;
Ты бы молвил
Четырем братам,
Крестьянским детям:
„Дай вам, боже,
По сту на день,
По тысячу на неделю!“
„Добро ты, баба,
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Таков не буду!“
Пошел же дурень,
Пошел же бабин,
На Русь гуляти,
Себя казати.
Увидел дурень
Семь братов,
Мать хоронят,
Отца поминают,
Все тут плачут,
Голосом воют;
Он им молвил:
„Бог вам в помощь,
Семь вас братов!
Мать хоронити,
Отца поминати.
Дай, господь бог, вам
По сту на день,
По тысячу на неделю“.
Схватили его, дурня
Семь-то братов,
Зачали его бити,

По земле таскати,
В ..... валяти,
Едва его, дурня,
Жива отпустили.
Идет-то дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воет.
Мать бранити
Жена пеняти,
Сестра-то также:
„А глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То же бы ты слово,
Не так же бы молвил,
Ты бы молвил:
„Прости, боже,
Благослови, дай, боже,
Им царство небесное,
В земли упокой,
Пресветлы рай всем!
Тебе бы, дурня,
Блинами накормили,
Кутьей напитали“.
„Добро ты, баба,
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Таков не буду“.
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Себя казати,
Людей видати.
В стречу ему свадьба.
Он им молвил:
„Прости, боже, благослови!

Дай вам господь бог
Царство небесно,
В земле упокой,
Пресветлы рай всем!“
Наехали дружки,
Наехали бояра,
Стали дурня
Плетьми стегати,
По ушам хлестати.
Пошел, заплакал.
Идет да воет.
Мать его бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то также:
„Ты глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То же бы слово,
Не так же бы молвил,
Ты бы молвил:
„Дай господь бог
Новобрачному князю
Сужено поняти,
Под злат венец стати,
Закон божий прияти,
Любовно жити,
Детей сводити!“
„Потом я, дурень,
Таков не буду!“
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
В стречу дурню
Идет старец,
Он ему молвил:
„Дай господь бог

Тебе же, старцу,
Сужено поняти,
Под злат венец стати,
Любовно жити,
Детей сводити!“
Бросился старец,
Схватал его, дурня,
Стал его бити,
Костылем коверкать,
И костыль изломал весь;
Не жаль старцу дурака-то,
Но жаль ему, старцу, костыля-то.
Идет-то дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воет,
Матери расскажет.
Мать его бранити,
Жена журити,
Сестра-то также:
„Ты глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То ж бы ты слово,
Не так же бы молвил,
Ты бы молвил:
„Благослови меня, отче
Святой игумен!“
А сам бы мимо“.
„Добро ты, баба,
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Впредь таков не буду!“
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
В лесу ходити.

Увидел дурень
Медведя за сосной,
Кочку роет,
Корову коверкат.
Он ему молвил:
„Благослови мя, отче
Святой игумен!
А от тебя дух дурен“.
Схватал его медведь-ат,
Зачал драти,
И всего ломати,
И смертно коверкать,
И .... выел.
Едва его, дурня,
Жива оставил.
Пришедчи дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воет,
Матери расскажет,
Мать его бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то также:
„Ты глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То же бы слово,
Не так же бы молвил:
Ты бы заускал,
Ты бы загайкал,
Ты бы заулюкал“.
„Добро ты, баба,
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Таков не буду!“
Пошел же дурень

На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Будет дурень
В чистом поле,
В стречу дурню
Шишков полковник.
Он заускал,
Он загайкал,
Он заулюкал.
Наехали на дурня
Солдаты,
Набежали драгуны,
Стали дурня бити,
Стали колотити.
Тут ему, дурню,
Голову сломили,
И под кокору
Бросили.
Тут ему, дурню,
И смерть случилась.

59

Голубина книга сорока пядень

Да с начала века животленного
Сотворил бог небо со землею,
Сотворил бог Адама с Еввою,
Наделил питаньем во светлом раю,
Во светлом раю жити во свою волю.
Положил господь на их заповедь великую:
А и жить Адаму во светлом раю,
Не скушать Адаму со едного древа
Того сладкого плоду винограднова.
А и жил Адам во светлом раю,
Во светлом раю со своею со Еввою
А триста тридцать три годы.
Прелестила змея подколодная,
Приносила ягоды с едина древа:
Одну ягоду воскушал Адам со Еввою
И узнал промеж собою тяжкой грех,
А и тяжкой грех и великой блуд.
Согрешил Адаме во светлом раю,
Во светлом раю со своею со Еввою.
Они тута стали в раю нагим наги,
А нагим наги стали, босенушки.

Закрыли соромы ладонцами,
Пришли они к самому Христу,
К самому Христу, царю небесному.
Зашли они на Фаор гору,
Кричат-ревут зычным голосом:
„Ты небесной царь, Иисус Христос!
Ты услышал молитву грешных раб своих.
Ты спусти на землю, меня, трудную,
Что копать бы землю копарулями,
А копать землю копарулями
А и сеять семена первым часом“.
А небесной царь, милосерде свет,
Опущал на землю его трудную,
А копал он землю копарулями
А и сеял семена первым часом.
Вырастали семена другим часом,
Выжинал он семена третьим часом.
От своих трудов он стал сытым быть,
Обуватися и одеватися.
От того колена от Адамова,
От того ребра от Еввина
Пошли христиане православные
По всей земли Святорусския.
Живучи Адаме состарелся,
Состарелся, переставился,
Свята глава погребенная.
После по той потопе по Поевы,
А на той горе Сионския,
У тоя главы святы Адамовы
Вырастала древо кипарисова.
Ко тому-то древу кипарисову
Выпадала книга Голубиная,
Со небес-то книга повыпадала:
В долину та книга сорока пядей,
Поперек та книга двадцати пядей,
В толшину та книга тридцати пядей.

А на ту гору на Сионскую
Собиралися-соезжалися сорок царей со царевичем,
Сорок королей с королевичем
И сорок калик со каликою
И могучи сильные богатыри,
Во единой круг становилися.
Проговорит Волотомон царь,
Волотомон царь Волотомонович:
„Сорок царей со царевичем,
Сорок королей с королевичем,
А сорок калик со каликою
И все сильные могучи богатыри
А и бьют челом, поклоняются
А царю Давыду Евсеевичу:
Ты премудры царь, Давыд Евсеевич!
Подыми ты книгу Голубиную,
Подыми книгу, распечатывай,
Распечатывай, ты просматривай,
Просматривай, ее прочитывай:
От чего зачался наш белой свет,
От чего зачался солнцо праведно,
От чего зачался и светел месяц,
От чего зачалася заря утрення,
От чего зачалася и вечерняя,
От чего зачалася темная ночь,
От чего зачалися часты звезды?“
Проговорит премудры царь,
Премудры царь Давыд Евсеевич:
„Вы, сорок царей со царевичем,
А и сорок королей с королевичем,
И вы, сорок калик со каликою
И все сильны могучи богатыри!
Голубина книга не малая,
А Голубина книга великая:
В долину книга сорока пядей,
Поперек та книга двадцати пядей,

В толщину книга тридцати пядей.
На руках держать книгу не удержать,
Читать книгу, не прочести.
Скажу ли я вам своею памятью,
Своей памятью, своей старою,
От чего зачался наш белой свет,
От чего зачался сонцо праведно,
От чего зачался светел месяц,
От чего зачалася заря утрения,
От чего зачалася и вечерняя,
От чего зачалася темная ночь,
От чего зачалися часты звезды.
А и белой свет — от лица божья,
Сонцо праведно — от очей его,
Светел месяц — от темечка,
Темная ночь — от затылечка,
Заря утренняя и вечерняя — от бровей божьих,
Часты звезды — от кудрей божьих".
Все сорок царей со царевичем поклонилися,
И сорок королей с королевичем бьют челом,
И сорок калик со каликою,
Все сильные могучие богатыри.
Проговорит Волотомон царь,
Волотомон царь Волотомонович:
„Ты премудры царь, Давыд Евсеевич!
Ты скажи, пожалуй, своею памятью,
Своею памятью стародавную:
Да которой царь над царями царь,
Котора моря всем морям отец,
И котора рыба всем рыбам мати,
И котора гора горам мати,
И котора река рекам мати,
И котора древа всем древам отец,
И котора птица всем птицам мати,
И которой зверь всем зверям отец,
И котора трава всем травам мати,

И которой град всем градом отец?“
Проговорит премудры царь,
Премудры царь Давыд Евсеевич:
„А небесной царь — над царями царь,
Над царями царь, то Исус Христос;
Окиан-море — всем морям отец.
Почему он всем морям отец?
Потому он всем морям отец:
Все моря из него выпали,
И все реки ему покорилися.
А кит рыба всем рыбам мати.
Почему та кит рыба всем рыбам мати?
Потому та кит рыба всем рыбам мати,
На семи китах земля основана.
Ердань река—рекам мати.
Почему Ердань река рекам мати?
Потому Ердань река рекам мати,
Крестился в ней сам Исус Христос.
Сионская гора — всем горам мати:
Ростут древа кипарисовы,
А берется сера по всем церквам,
По всем церквам место ладону.
Кипарис древа всем древам отец.
Почему кипарис всем древам отец?
Потому древам всем отец,
На нем распят был сам Исус Христос,
То небесной царь.
Мать божья плакала, богородица,
А плакун-травой утиралася,
Потому плакун-трава всем травам мати.
Единорог зверь — всем зверям отец.
Почему единорог всем зверям отец?
Потому единорог всем зверям отец,
А и ходит он под землею,
А не держат его горы каменны,
А и те-то реки его быстрые;

Когда выйдет он из сырой земли,
А и ищет он сопротивника,
А того ли люта льва зверя;
Сошлись они со львом во чистом поле,
Начали они, звери, дратися:
Охота им царями быть,
Над всемя зверями взять большину.
И дерутся они о своей большине;
Единорог зверь покоряется,
Покоряется он льву зверю;
А и лев подписан — царем ему быть,
Царю быть над зверями всем;
А и хвост у него колечиком.
А нагай птица всем птицам мати:
А живет она на киане море,
А вьет гнездо на белом камене;
Набежали гости корабельщики
А на то гнездо нагай птицы
И на его детушек на маленьких;
Нагай птица вострепенется,
Окиан море восколыблется,
Кабы быстрые реки разливалися,
Топят много бусы-корабли,
Топят много червленые корабли,
А всё ведь души напрасные.
Ерусалим град — всем градам отец
Почему Ерусалим всем градам отец?
Потому Ерусалим всем градам отец,
Что распят был в нем Исус Христос.
Исус Христос, сам небесной царь,
Опричь царства Московского.

Там на горах наехали бухары

Еще там на горах наехали бухары. *(Дважды.)*
Весур весур валахтантарара хтаранда руфу!
А наехал Жинжа: „здравствуй, мости пане!“
(Дважды.)
Весур весур валахтантарара хтаранда руфу!
Потанцуй же, Жинжа! — Горазд, мости пане!
(Дважды.)
Весур весур валахтантарара хтаранда руфу!
Он зачал же скакать, учал припевати. *(Дважды.)*
Весур весур валахтантарара хтаранда руфу!
Привели ему, жиду, что жидовку хорошу. *(Дважды.)*
Весур весур валахтантарара хтаранда руфу!
Он зачал ее охлесгывати и ошевертывати. *(Дважды.)*
Весур весур валахтантарара хтаранда руфу!
Еще имали были свои добрые кони. *(Дважды.)*
Весур весур валахтантарара хтаранда руфу!
А поехали были на своих добрыих конях. *(Дважды.)*
Весур весур валахтантарара хтаранда руфу!
Они с холмы на холмы, на холмы горы. *(Дважды.)*
Весур весур валахтантарара хтаранда руфу!
Еще хелмы да велми, куварзы визан! *(Дважды.)*
Весур весур валахтантарара хтаранда руфу!
Еще шанцы да шпенцы, бекбеке бекенцы, бекушенцы!

61

Ох, горюна, ох, горю хмелина

Ох, горюна, ох, горю хмелина!
Гуляли девушки подле реки,
По круту по красну бережку.
Ох, горюна, ох, горю хмелина!
Садили девушки хмель в огород.
Ох, горюна, ох, горю хмелина!
Сами они приговаривали:
Ох, горюна, ох, горю хмелина!
Расти, хмелюшка, корнем глубок,
Корнем глубок, да ты листом широк.
Ох, горюна, ох, горю хмелина!
Шишки велики, белы, что снег.
Ох, горюна, ох, горю хмелина!
Без тебе, хмелюшка, пива не варят и вина не курят,
Добрые молодцы не женятся,
Красные девицы замуж не идут.
Ох, горюна, ох, горю хмелина!
Теща к зятю боса пришла,
Она в полог к зятю нага легла,

Поутру встала, сама мокра:
Зять злокоман, не ты ли пошутил?
Не ты ли пошутил, подол намочил?
А и тещинка ты, ты теща ласковая!
Ко греху пришло, ...
Теща к зятю закаялася:
Да не дай бог бывать ко зятю в дом,
Да не дай бог бывать у зятя в доме,
Завали, боже, дорогу пеньем-колодьем,
Пеньем-колодьем и выскорью!

62

У Спаса к обедне звонят

У Спаса к обедне звонят,
У прихода часы говорят,
По монастырям благовестят.
Теща к обедне спешит,
На мутовке рубашку сушит,
На поваренке кокошнички.
А и теща к обедне пошла,
Что идет помалешоньку,
Ступает потихошуньку,
С ноги на ногу поступывает,
На башмачки посматривает,
Чеботы наколачивает.
Все боги теща прошла,
А зашед-то, Николе челом,
А Николе Мясницкому.
Все люди теща прошла,
А зашед-то, она зятю челом,
Да Денису Борисовичу.
А и зять на нее не глядит,
Господин слово не говорит:

„А и вижу я, вижу сама,
А что есть на нем бешеная,
Бить зятю дочи моя,
Прогневить сердце материно
И пролить бы горячу кровь.
А и чем будет зятя дарить,
Чем господина дарить?
Есть у мене у вдовы,
Будет с него живота,
Пойду млада в торги,
Куплю млада камки,
Сошью ли я зятю кафтан,
Сошью дочери сарафан,
Чтобы зять дочери не бил,
Не гневил сердце материно,
Не проливал бы горячу кровь“.
У Спаса к обедне звонят,
У прихода часы говорят,
По монастырям благовестят.
Теща к обедне спешит,
На мутовке рубашку сушит,
На поваренке кокошнички.
Она теща к обедне пошла,
А идет помалешоньку,
Ступает потихошуньку,
С ноги на ногу поступывает,
На башмачки посматривает,
Чеботы накалачивает.
А все боги теща прошла,
А зашед-то, Николе челом,
А Николе Мясницкому.
Все люди теща прошла,
А зашед-то, она зятю челом,
Да Денису Борисовичу.
Зять на нее не глядит,
Господин слово не говорит:

„Вижу я, вижу сама,
А что есть на нем бешеная,
Бить зятю дочерь моя,
Прогневить сердце материно,
Проливать бы горячу кровь.
Чем будет зятя дарить,
Чем господина дарить?
Есть у меня, у вдовы,
Есть у меня молоды
А три церкви, три каменны,
А и маковицы серебряны,
Кресты позолочены.
Промежу теми церквы
Протекла быстрая река,
А на той на быстрой на реке
Много гусей, лебедей,
Много серых малых уточек.
А и тем будет зятя дарить,
Мне-ко тем господина дарить
И Дениса Борисовича“.
А и зять на нее поглядел,
Господин слово выговорил:
„Теща ты, теща моя,
Богоданная матушка!
Ты поди-тко живи у мене,
А работы не робь на мене;
Только ты баню топи,
Только ты воду носи,
Еще мне робенки качай“.

63

Теща ты, теща моя

А и теща, ты теща моя,
А ты чертова перешница!
Ты поди, погости у мене!
А и ей выехать не на чем.
Пешком она к зятю пришла,
А в полог отдыхать легла
Она в жары петровские.
А зять на пиру пировал,
А увидел за женой за своей,
За ее-то за дочерью,
На повете чужого мужика,
Он худые-то шутки шутил.
Осердяся, он домой-то ушел,
Ему тут поталанелося:
Изашел свою тѐшшеньку у себя,
В пологу, на мосту,
Смех отсмехивает,
Он и трублю оттрубливает.

64

Усы, удалы молодцы

Ах доселева усов и слыхом не слыхать,
А слыхом их не слыхать, и видом не видать.
А нонеча усы проявились на Руси,
А в новом Усольи у Строгонова.
Они щепстко по городу похаживают,
А кораблики бобровые, верхи бархатные,
На них смурые кафтаны,
С подпушечками с камчатыими,

А и синие чулки, астраханские черевики,
А красные рубашки, косые воротники, золотые
плетни.
Собиралися усы на царев на кабак,
А садилися молодцы во единой круг.
Большой усище и всем атаман,
А Гришка Мурышка, дворянской сын,
Сам говорит, сам усом шевелит:
„А братцы усы, удалые молодцы!
А и лето проходит, зима настает,
А и надо чем усам голова кормить,
На полатях спать и нам сытым быть.
Ах нуте-тко, усы, за свои промыслы!
А мечитеся по кузницам,
Накуйте топоры с подбородышами,
А накуйте ножей по три четверти,
Да и зделайте бердыши
И рогатины и готовьтесь всё.
Ах знаю я крестьянина, богат добре,
Живет на высокой горе, далеко в стороне,
Хлеба он не пашет, да рожь продает,
Он деньги берет да в кубышку кладет,
Он пива не варит и соседей не поит,
А прохожиих-то людей ночевать не пущат,
А прямые дороги не сказывает.
Ах надо-де к крестьянину умеючи идти:
А по полю идти — не посвистовати,
А и по бору идти — не покашливати,
Ко двору его идти — не попарковати.
Ах у крестьянина-то в доме борзые кобели
И ограда крепка, избушка заперта,
У крестьянина ворота крепко заперты“.
Пришли они, усы, ко крестьянскому двору,
А хваталися за забор да металися на двор.
Ах кто-де во двери, атаман в окно:
А и тот с борку, иной с борку,

Уж полна избушка принабуркалася.
А Гришка Мурышка, дворянской сын,
Сел впереди под окном,
Сам и локоть на окно, ноги под гузно,
Он сам говорит и усом шевелит:
„А и ну-тко ты, крестьянин, поворачивайся!
А и дай нам, усам, и попить и поесть,
И попить и поесть и позавтракати".
Ох метался крестьянин в большой анбар;
И крестьянин-ат несет пять пудов толокна,
А старуха-то несет три ушата молока.
Ах увидели усы, молодые молодцы,
А и кадь большу, в чем пива варят.
Замешали молодцы они теплушечку,
А нашли в молоке лягушечку.
Атаман говорит: „Ах вы, добры молодцы, вы не брезгуйте!
А и по-нашему, по-русски, холоденушка".
Они по кусу хватили, только голод заманили,
По другому хватили, приоправилися,
Как по третьему хватили, ему кланялися:
„А спасибо те, крестьянин, на хлебе на соли,
И на кислом молоке, на овсяном толокне,
Напоил нас, накормил, да и животом надели,
Надели ты нас, усов, по пятидесят рублев,
А большому атаману полтараста рублев".
А крестьянин-ат божится: „Право, денег нет".
А старуха ратится: „Ни полушечки".
А дурак на печи, что клеит, говорит:
„А братцы усы, удалы молодцы!
А и есть-де ведь у батюшки денежки,
А и будет вас, усов, всех оделять,
А мне-де, дураку, не достанется;
А все копит зятьям, растаким матерям".
А проговорит усище, большой атаман:
„Братцы, усы, за свои промыслы!

Ох ну-тко, Афонас, доведи его до нас!
Ах ну-тко, Агафон, да вали его нагонь!
А берите топоры с подбородышами,
Ах колите заслон да щепайте лучину,
Добывайте огонь, кладите на огонь середи избы,
Валите крестьянина брюхом в огонь,
А старуху валите ..... на огонь".
Не мог крестьянин огня стерпеть,
Ах стал крестьянин на огонь ......,
Побежал крестьянин в большой анбар,
Вынимал из-под каменя с деньгами кубышечку,
Приносил крестьянин, да бряк на стол:
„Вот вам, усам, по пятидесят рублев,
А большому-то усищу полтараста рублев".
Вставали усы, они крестьянину кланяются.
„Да спасибо те, крестьянин, на хлебе на соли,
И на овсяном толокне и на кислом молоке,
Напоил нас, накормил, животом наделил.
Ах мы двор твой знаем и опять зайдем,
И тебя убьем и твоих дочерей уведем,
А дурака твоего в есаулы возьмем".

65

Кто Травника не слыхал

А и деялося в весне,
На старой на Канакже,
Ставил Потанька плужок
Под окошко к себе на лужок.
От моря-то синего,
Из-за гор высоких,
Из-за лесу, лесу темного
Вылетал молодой Травник.

Прилетал молодой Травник,
Молодой Зуй болотиник.
А садился Травник на лужок,
А травку пощипывает,
По лужку похаживает.
Ходючи Травник по лужку,
Да попал Травник в плужок
Своей левой ноженькой,
Он правым крылошком,
Да мезинным перстичком.
А и пик, пик, пик Травник!
Сидючи Травник на лужку,
На лужку Травник во плужку,
Едва Травник вырвался,
Звился Травник высоко,
Полетел Травник далеко.
Залетел Травник в Москву,
И нашел в Москве кабачок,
Тот кабачок, то кручок.
А и тут поимали его,
Били его в дуплю,
Посадили его в тюрьму.
Пять недель, пять недель посидел,
Пять алтын, пять алтын заплатил;
И за то его выпустили,
Да кнутом его выстегали,
По рядам его выводили.
Едет дуга на дуге,
Шелудяк на хромой лошади,
А все Травника смотре́ть,
Все молодого смотреть.
Едва Травник вырвался,
Взвился Травник высоко,
Полетел Травник далеко,
На старую Капакже,
Ко Семену Егупьевичу

И ко Марье Алфертьевне
И ко Анне Семеновне.
Залетел Травник в окно,
По избе он похаживает,
А низко спину гнет,
Носом в землю прет,
Збой за собой держит
И лукавство великое.
А Семен Травника не взлюбил,
Господин Травника не взлюбил:
„А что за птица-то,
А что за лукавая?
Она ходит, лукавится,
Збой за собой держит,
А и низко спину гнет,
А носом в землю прет“.
И Семен Травника по щеке,
Господин по другой стороне;
А спину, хребет столочил,
Тело, печень прочь оттоптал.
Пряники сладкие, сапоги печатные,
Калачи крупичатые, сапогами толоченые.
Втапоры мужики,
Неразумные канакжана,
Они ходят, дивуются:
„Где Травника не видать?
Где молодого не слыхать?
Не клюет травыньки
Он вечны зеленыя“.
Говорит Травникова жена,
Душа Анна Семеновна,
А наливная ягодка,
Виноградная вишенье:
„А глупы мужики,
Неразумные канакжана!
Травник с похмелья лежит,

Со Семеновы почести.
А Семен его подчивал,
Господин его чествовал:
Спину, хребет столочил,
Тело, печень оттоптал".

66

Свиньи хрю, поросята хрю

Свиньи хрю, поросята гиги, гуси гого.
Встани, затопляй, перекисло мешай.
Чья была кручина — не щепана лучина,
А великая печаль — на печи детей качать.
Плачет дитя, возрыдает дитя, пособити нельзя.
Бачка сердит, так мачка . . . .
Пиво-то в шубе, вино в зипуне,
Брага в шабуре, прощелыга вода,
И нага и боса, она без пояса.
Кто напьется воды, не боится беды,
Никакой кормолы и не дьявольшины.
Когда Москва женилась, Казань поняла,
Понизовные городы в приданыя взяла,
Иркуцка, Якуцка, Енисейской городок;
А и Новгород был тысяцкой,
А Уфа-то .....-сваха была,
Кострома город хохочет, в поездку ехать не хочет.
А вздумали-згодали по Куракина послали,
А Куракин говорит: „Изопьем-ка вина,
То прибудет ума".
Испили маленько, шумит в голове,
Испить было побольше, побольше шумит,
Изопьем, посидим, пошлем по жены,
По свои госпожи.

А жены наши идут, будто уточки плывут,
А и матери идут, будто свиньи бредут.
А и ел чеснок, отрыгается,
Целовал молоду, то забыть нельзя.
А капуста в масле — не ества ли то,
А грибы с чесноком — не вологa ли то,
Молодица в шапке — не девка ли то,
Веселой молодец — не утеха ли то.
Мать дочери своей говаривала и наказывала,
Не велела молоденьке с мужем спать,
Под одежду ..... .—
А и я молода с глупа разума
Потихоньку ...... и всего мужа ....
А спи ты, мой муж, не раскатывайся,
Что сизой голубок на гнездушке.
А и мужу-то жена свету видети,
Дала петлю на шею, сама взложила,
Она милому в окошко конец подала:
„Мил, потяни! мой голубчик, потяни!"
Милой потянул, ее муж захрипел,
Будто спать захотел.
„А и я мужа не била, не бранивала,
А и только .... сыну говаривала:
Ешь, муж, нож, ты гложи ножны,
А и сохни с боку, боли с хребту,
Со всего животу".
А и ела баба сметану, да брюхо болит,
А глядела бы на милого, да муж не велит,
Под лавкой лежит, он собакой ворчит,
Кобелем визжит.
Баба ....., хочет баню збить,
Потолок своротить, двери выставити,
Баню выстудити.
Ваня в баню, жена его за баню,
Василей на сенях, бог дал сына,
Сына Екима, а затем будет Иван,

Добро будет и нам.
А щука-де не рыба, линь не еда,
А чужа жена ожога, ожгла молодца
Поперек животца.
А щучины не ем, карасей-то не ем,
А и ем треску, припру к шеску.
А жена мужу .... на истопке,
Привела его смотреть: „Вот, муженек,
Голубей гнездо тебе киевских, мохноногиньких“.
Попадья на попа разгузынилася,
Распечалилася:
А кобылу ту колом и корову ту колом,
А на мелкого скота ослопиною.
С двора он видит, поп, неминучую свою,
Ухватил он книгу, сам бегом из избы.

67

Стать почитать, стать сказывать

А стать почитать, стать сказывати.
А и городы все, пригородья все,
Малую деревню — и тут спомянуть.
А в Нижнем славном Новегороде,
На перегородье в бубны звонят,
В горшки благовестят,
Да помелами кадят, мотовилами крестят,
Стих по стиху на дровнях волокут.
А и молоду молодку под полосью везут.
А на лавице ковер, на пече приговор.
На полатех мужик с Ориною лежит.
А не мил мне Семен, не купил мне серег,
Только мил мне Иван, да купил сарафан,
Он, положа на лавку, примериват.
Стал он красной клин в середку вбил.

А был я на Волме, на Волме горах
А купил я девонку, да Улкой зовут,
Дал за девонку полтину да рубль....

68

О станишниках, или разбойниках

Как далече, далече во чистом поле,
Что ковыль-трава во чистом в поле шатается,
А и ездит в поле стар матер человек,
Старой ли казак Илья Муромец.
А и конь ли под ним, кабы лютой зверь,
Он сам на коне, как ясен сокол.
Со старым ведь денег не годилося,
Только червонцев золотых с ним семь тысячей,
Дробных денег сорок тысячей,
Коню ведь под старым цены не было.
Почему-то цены ему не было?
Потому-то коню цены не было,
За реку-то он броду не спрашивал,
Котора река цела верста,
А скачет он с берегу на берег.
Наехали на старого станишники,
По-нашему, русскому, разбойники,
Кругом его, старого, облавили,
Хотят его, старого, ограбити,
С душей, с животом его разлучить хотят.
Говорит Илья Муромец Иванович:
„А и гой есть вы, братцы станишники!
Убить меня, старого, вам не за что,
А взяти у старого нечего".
Вымал он из налушна крепкой лук,
Вынимал он ведь стрелку каленую,
Он стреляет не по станишникам,
Стреляет он, старой, по сыру дубу.

А спела тетивка у туга лука,
Станишники с коней попадали,
Угодила стрела в сыр кряковистой дуб,
Изломала в черенья в ножевые дуб.
От того-то ведь грому богатырского,
Того-то станишники испужалися,
А и пять они часов без ума лежат,
А и будто ото сна сами пробуждаются:
А Сёма стает, пересёмывает,
А Спиря стает, то постыривает,
А все они, станишники, бьют челом:
„Ты старой казак, Илья Муромец!
Возми ты нас в холопство вековечное,
Дадим рукописанье служить довеку“.
Говорит Илья Муромец Иванович:
„А и гой есть вы, братцы станишники!
Поезжайте от меня во чисто поле,
Скажите вы Чуриле, сыну Пленковичу,
Про старого казака Илью Муромца“.

69

О атамане Флоре Минаевиче

Приуныли, приутихли (*Дважды.*) на Дону донски да казаки,
А яицкие, донские (*Дважды.*), запороцкие.
А и почем они уныли?
Потому они приуныли (*Дважды.*) на Дону донски да казаки,
Ах что взял у них государь царь (*Дважды.*) ... город,
Со тремя с темя со малыми с пригородками,
А и со славною со Кубаньей, с крепким Лютиком.
А во славном да во Черкаском во земляном городке
А стоит у казаков золотой бунчуг,

А на бунчуге стоит чуден золот крест,
А перед крестом туто стоит войсковой их атаман,
А по имени ли Флор сын Минеевич.
Ко кресту тут собиралися донски казаки,
А и донские, гребенские, запороцки хохлачи
Становились молодцы во единой войской круг,
Середи круга стоит войсковой атаман,
А по имени ли Флор сын Минеевич.
Атаман речи говорил, будто в трубу трубил:
„А и вы, братцы казаки, вы яицкие, донски
(*Дважды.*), запороцкие,
Пособите мне, атаману, вы думу думати,
Челобитна ли нам писати, государю .... подавать?
Самому ли мне атаману в Москву ехати?
Перемирье бы нам взять перед самим царем:
Залегли пути дороги за сине море гулять (*Дважды.*)
Еще от вора, от Васки от Голицына с детьми,
Залегли пути дороги за сине море,
А и не стало нам добычи на синем море
И на тихом Дону па Иваныче“.
И поехал атаман в каменну Москву.
Еще будет атаман в каменной Москве,
Поклонился государю о праву руку,
Сквозь слезы он словечко едва выговорил:
„Ах ты свет наш, надежда, благоверный царь!
А и грозен, сударь, Петр Алексеевич!
Прикажи нам на Дону чем кормитися (*Дважды.*),
Залегли пути дорожки за сине море
От вора, от Васки от Голицына с детьми.
Еще те .... дороги уволные ...зл...труба
...царстве.... про.р.б...рил....
„А и гой есть атаман и с донскими казаки,
У тебя, у атамана, ведь казачий суд
Есть ли ... непорядочно живет ба........*“.

*Слова, обозначенные точками, в подлиннике слиняли.

О Стеньке Разине

А и по край было море синего (*Дважды.*),
А на усть Дону тихого,
На крутом красном берегу
А и стоит крепкой Азов город (*Дважды.*)
Со стеной белокаменной (*Дважды.*)
И со башнями наугольными (*Дважды.*),
И со рвами глубокими (*Дважды.*),
С земляными раскатами (*Дважды.*),
И с рогатками железными.
Среди Азова города
Тут стоит темна темница....

Примечания и словарь непонятных слов

Агафон — один из „усов“, казаков-разбойников; комическая параллель к нему — горе-богатырь Агафонушка, герой особой песни.

ажно — между тем.

алтын — название старинной монеты; до сих пор живет в слове: „пятиалтынный“.

Аравицкий — из Аравии.

бабариха — шуточное слово: баба.

бабрековый — из шелковой ткани „баберека“.

бабин — шуточно-бранное: „бабин сын“.

басá — то же, что „краса“.

бат — долбленный из одной колоды челн, однодеревка.

башлык — „бошлык“, рыболовный, неводный начальник, голова.

безвременный — несчастный.

бердыш — широкий топор, насаженный на длинное древко.

березина — березовая ветвь.

беседа — кроме значения „собрание“, „общество“, еще — особое место под навесом на судах, беседка.

бойдоский князь, см. „мунгалы“.

бóльшина — старшинство, первенство.

браный — эпитет полога: из узорочной рединки.

братчина — древнее учреждение, носившее характер народных собраний, приурочиваемых к какому-либо празднику, — „Никольщина“; участники должны были для пира приносить что-либо, участвовать в складчину; приношение называлось „сыпь“.

бродучий след — по рыхлому, сыпучему, вязкому.

бурнастая (бурмасская) — эпитет лисицы: совсем красная.

бусы — иностранное (голландское) название корабля, во-

шло в язык с Петра I; употребляется рядом с другим иностранным наименованием: „бусы-галеры“.

вальящатый — массивный, прочный; резной, точеный.

ветляный — „ветляненький“, из дерева ветлы.

висячий — то же, что „вислоухий“, у кого обвислые уши,— разиня, простофиля.

вихнуть — веять.

вожий — эпитет собаки: хорошо вывоженный в своре.

войский — войсковой.

волжоный — из дерева таволги.

волога — жидкое съестное, похлебка.

волокитный — обыденный, будничный.

волочайка — потаскушка.

воровинный — веревочный.

воскикать — закричать.

вражбу чинить — колдовать.

веселды — всегда.

втокарить — воткнуть.

выжлок — гончая собака.

выскорье — вывороченное с корнем дерево, бурелом.

выходы — то же, что „дань“.

вера — „ему вера побоpотися“ — охота, желание.

галица — галка.

глуздырь — птенец, еще не умеющий летать, молокосос.

гоголь — особый вид утки.

годиться — случиться.

Годуновы — из рода царя Бориса Федоровича Годунова; один из них — Семен Никитич, боярин и воевода, пособлял царю в 1600 г. в обвинении окружавших бояр в злоумышлении на жизнь Бориса; отрицательное отношение песни к Годуновым указывает на ее иную партийную принадлежность.

Голицын — „Васка“: здесь воспоминание о князе Василии Васильевиче Голицыне, любимце царевны Софьи Алексеевны, известном своими неудачными крымскими походами, в которых принимали участие казаки; среди последних о Голицыне сохранилась особая сатирическая песня.

гомозить — возиться, вертеться.

грабиться — хвататься руками.

гребенские — казаки; Гребенская — самая старая из мелких казацких общин, сложившаяся в XVI в., населенная выходцами с Дона.

гридня, гридница — приемная комната в княжеских палатах.

грянуть — налечь на весла; загреметь.
гунуть — ударить.
Десятильниковы — ребята: „десятильник“ — сборщик пошлин с монастырей и церквей.
дети боярские — особое служилое сословие, потомки бояр, не усвоившие себе боярского звания, наследники измельчавших боярских имуществ.
домовище — гроб.
дородный — видный, красивый.
дупль — расселина, щель.
дюжина, правильнее „дужина“,— следы от колец на пальцах.
епанечка — безрукавная шубейка.
ерлык, правильнее „ярлык“,— грамота, письмо.
Ермак Тимофеевич — покоритель Сибири, победивший в 1582 г. местного князя Кучума; сначала атаман казачьей ватаги, потом защитник городков по р. Чусовой, принадлежавших богатым солеварам, братьям Строгановым; погиб, утонув в Иртыше, в 1584 г.; введен в число любимых народных богатырей как „племянник“ Ильи Муромца; герой многих других казацких песен, слившихся отчасти с песнями о Разине, с которым поэтически сблизился так же, как и с Ильей Муромцем; песенное изображение его похода в Сибирь с множеством топографических упоминаний близко соответствует историческому описанию похода Ермака, находящемуся в Сибирской летописи.
забедно — обидно, досадно.
заводь — речной залив.
заворочали — накрыли.
загрезить — неясно надумывать что-либо.
зазнаючи — заведомо зная.
зазрить — завидеть.
займище — место, затопляемое рекой в весеннее половодье.
закорилися — начали возражать.
залезено — приобретено, добыто.
замычется — замыкается, запирается.
запоручить — просватать невесту.
зарывчатый — усердный, порывистый.
засельщина — сельский житель, в ироническом смысле, то же что „деревенщина“.
заспороваться — заспорить.
заступь заступовать — начать шахматный ход.
захламостить — завалить хламом.

заход — хлев, отхожее место.
зватое — в старину существовала должность „позовщика“, лица, приглашавшего гостей на пир; за это им платили „зватое“.
заокоман — враг, недруг.
зуй — птица, небольшой кулик; на севере „зуйки“ — мальчики, помогающие взрослым при рыбной ловле.
изголовь — мыс, конец острова.
изнести — „сердца не изнести“ — не утишить сердца.
изойти — захватить врасплох.
изредели — „не изредели“ — не испугались.
изъехать — захватить наездом.
изымать — поймать, ухватить.
имать — ловить.
истопка — чердак, вышка.
исторговаться — распродать товар.
камка — шелковая китайская ткань с разводами; „белохрущатая“, „хрущатая“ — ее разные сорта.
Карлус — шведский король Карл IX.
канун — день перед праздником; пиво, варенное к празднику.
кляплый — пригнутый книзу.
кокора — дерево, вырванное с корнем.
кологривый — с косматой, развалистой гривой.
коломенка — особый вид лодки.
колышки — „а колышки метал“, вернее „колыжка“,— ком, куча.
комуха — лихорадка.
копаруля — остроконечный заступ.
кораблик — теплая шапка, у которой зад и перед вздернуты носами вверх.
кормола — то же, что „крамола“.
Коромышев Семен, историческое имя—Корамышев Иван— царский посол в Персии, убитый казаками; песня старается оправдать этот поступок.
короста — чесотка, сыпь.
корчагой согнуть — смять, подломить.
косицами — „косица“ — висок.
котух — хлев.
крашенина — „печатная“, холстинная набойка.
кросна — холст.
кряковистый — кряжистый, крепкий.
купавый — красивый.
кут — угол избы.
куяк — чешуйчатые латы, панцырь.

ладонцы — ладони.
лоснуть — лосниться.
лепкий — липкий, склизкий.
Магазея, вернее „Мангазея“,— первый русский город в Сибири, основан в 1601 г.; когда-то торговый и богатый, он, после ряда пожаров, приходил постепенно в упадок и окончательно запустел в 1662 г.
майданы — в данном случае „игорный стол“.
маковица — глава церкви, которая большей частью золотилась.
Малюта Скурлатович — думный дворянин Ивана Грозного, глава опричины Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский Малюта; от „Скурлатович“ произошло „скурлаты“ — „немилостивые“ — в значении слуг Грозного, беспрекословно выполняющих жестокие повеления царя.
Мастрюк, историческое имя — Мамстрюк Темгрюкович — брат второй жены Ивана Грозного — Марьи Темгрюковны, царский шурин, пятигорский (черкесский) князь; принял православие под именем Михаила, жил в Москве; царь относился к нему то чрезвычайно любезно, давая ответственные поручения, то жестоко; в 1571 году Грозный предал его казни, хотя скрывал это, сохраняя дружественные отношения с его родственниками, пятигорскими князьями.
матерой — возмужалый, на возрасте.
матица — балка, на которой покоится весь потолок избы; в другом случае употреблено при слове „остров“: против „матицы острова“ казаки выдернули струги: в значении „середка“, „средняя часть“.
мезинный — мизинный, маленький.
мета — цель.
мехоноша — лицо, на обязанности которого лежит нести за товарищами мешок — „мех“ — с припасами или для сбора подаяний.
Минаев Фрол — атаман, любимый той частью донских казаков, которые тянули к московскому правительству; участвовал в походах Петра I против Азова. Когда Петр нарушил казацкие вольности, последовало восстание под предводительством Булавина; царь послал против казаков вооруженную силу, Булавин кончил самоубийством, казаки сильно поплатились, и весь Дон был разорен. Песня скорбит об этом тягостном положении казаков, и Минаев собирает их „в круг“ „думу думати“.

могорец — угощенье при сделках, теперь — „могорыч“.
мотовило — снаряд для разматывания пряжи.
мохноногинький — с „мохнами“ на ногах, ноги крыты перьями.
Могозея — см. Магазея.
мошно, „мочно“,— можно.
мунгалы — в сборнике помещены две песни о малоизвестных событиях военного прошлого казаков: „Поход селенгинским казакам“ и „Во Сибирской украине, во Даурской стороне“. В первой — фактический рассказ о столкновении с мунгалами близ р. Селенги за Байкалом, кончившемся для казаков неудачно; в другой — оборона выстроенного казаками Камарского острога от силы „бойдоского“ князька. Обе песни сложены вслед за событием — приступом китайцев в 1665 году к Камарскому острогу. Исторические документы подтверждают, что „бойдоские люди“ много „колотилися“, но взять острога не могли. Песни очень близко передают факты; на долю поэтического вымысла приходятся: обещания бойдоского князька жаловать казаков за сдачу ему острога и заклятие — не бывать впредь на „славной Амур реке“.
мурава — зелень, трава на корню; отсюда „муравленый“, постоянный эпитет печи, покрытой обливными, темнозеленого цвета изразцами с „травами“ — разводами, орнаментацией.
мурзамецкое — от „мурза“ — восточного происхождения.
мутовка — палочка с рожками на конце для мешанья и взболтки.
мучник — печеный хлеб, пшеничный или житный, т. е. „ячный“.
набелки — то же, что „набилки“, часть тканкого стана.
набойница — лодка-однодеревка с набоями по бортам в одну или две доски.
нагонь — на огонь.
надолба — столбик, вкопанная стойка.
назола — досада, огорчение.
налучен — чехол для лука.
наносить — доносить „напрасную речь“, то есть клевету.
напрокучить — наскучить, надоесть.
наступчивый — эпитет коня: выступающий бодрою, твердою поступью.
наст — снежный покров, отвердевший от морозов.
нахтармá — изнанка меха, мездра.
начаться — ожидать, думать.

невыходы — неправильно употребленное вместо „выходы“, синоним дани.
недоладом — навыворот, кувырком.
неладом заревел — „неладно“, неистово.
ничем зовет людей — не называет по имени, то есть вовсе не считается как с людьми.
ногай, нагай — название птицы, скорей легендарного, чем естественного происхождения.
огноище — всякого рода гнойные язвы, проказа.
облавить — окружить.
облелеяла — облила, облегла, обступила.
оболожил „душу“ — ублажил.
обручница — невеста, жена, „обручная“ в смысле „обрученная“.
обудиться — проснуться.
однорядочка — особый покрой старинного кафтана.
озадориться — войти в задор.
оздынуть — поднять.
окольный „двор“ — находящийся поблизости, по соседству.
оконница — переплет оконной рамы; в старину делался фигурно, так как вставлялась слюда.
окорачиться — сесть „на корачки“ — назад, подогнув ноги.
опазновати — узнавать, признать по памяти.
ордынские „телеги“ — память о татарских повозках, может быть, „арбах“.
осек — огороженный выгон.
ослопина — жердь, дубина.
остояться — остановиться.
острог — поселенье, обнесенное „острогом“, частоколом.
отецкий — имеющий отца, законный.
отхожие „караулы“, полки — выдвинутые далеко за пределы города, на рубеж; название взято от татар; в старину существовали еще „ертоульные“ полки.
охлупья — верхняя часть крыши, конек.
очестливый — умеющий воздать честь, обходительный, вежливый.
ошевертовать — то же, что „охлестывать“.
пала — вм. опала.
папороток — второй сустав крыла, малое крылышко.
переволока — полоса земли между двумя реками, волок.
переная — эпитет стрелы: оперенная.
перфида — испорченное „порфира“.
печера — пещера.
плаши — верхушки шапок.
плетни — шнурки, завязки.

плодбище, вернее „плотбище“,— место на берегу реки, где вяжут плоты, строят суда.

повалечное — сбор за мытье белья на плоту.

повалуша — летняя, холодная комната, часто служит спальней.

поваренка — ковш, большая разливная ложка.

подай — „не подай нас“ — не предай нас.

подбородыш — загиб боевого топора.

поддернули „зелья“ — бросили отравы.

подик — место в печи, на которое кладутся дрова.

подклет — нижняя часть избы; наверху — „горница“.

подмолвиться — подольститься, собирая сплетни.

подсолнучник, вернее „подсолнечник“,— зонтик.

подсумок — небольшая сума, носимая через плечо на ремне.

покаять — исповедать, узнать грехи; отсюда „покаянная“ — место строгого заключения, тюрьма.

покользнуть — поскользнуть.

полть — половина туши, вдоль разрубленной.

полудновать — жить последние минуты.

польский, то есть полевой, атаман; он носит историческое имя: Михаил Черкашенин был одним из тех атаманов, которые приводили казаков на царскую службу при Иване Грозном; он же поднял донских казаков на Азов потому, что крымский хан казнил его сына Данила.

понос понесла, то есть сделалась беременной.

понять — взять.

посапывать — подхватывать.

посверстнее — покрепче.

посёмывать — выжидать, медлить; точно так же „поспиривать“ или „постырпвать“ — топтаться на месте неповоротливо.

посрочить — отложить на известный срок.

постояться — приостановиться, задержаться.

потаковкам — вместо „потаковками“ — ковшами.

поталаниться — посчастливиться.

потнички — войлок, подкладываемый под седло.

поторчины — колья, вбитые вертикально.

потылица — затылок.

пошаркивати — производить шорох.

пошахал — пошагал.

приворотная — изба у ворот, сторожка.

принабуркалася — оказалась полна народом.

приспевать — приготовлять.

приспешник — слуга.
притка — несчастный случай, беда.
причалина — петля, навеска.
пробой — ушко, в которое продевается замок.
прозритель — провидящий будущее.
пропасть — мертвечина, смерть.
протаможье — штраф за неявку товаров в таможне и за продажу товаров, не оплаченных пошлиной.
прохлад, говорить „за прохлад“ — разговаривать покойно, приятно.
прощаться — просить прощенья.
прощелыга — обычно про человека: плут, действующий обманом.
прыскучий — то же, что „рыскучий“, дикий.
пятá — шип в гнезде, на котором вращается дверь.
радеть — желать.
разболакаться — раздеваться.
разгузыниться — рассердиться.
Разин Степан Тимофеевич—предводитель донской и волжской казачьей бедноты, недовольной царским правительством и его порядками; движение продолжалось с 1667 по 1671 г. Личность Разина оставила глубокий след в народной памяти; о нем сложился целый цикл песен, бытующих главным образом у казаков; особой популярностью пользовалась песня о взятии Астрахани, наиболее громком событии всего движения; песни разинского цикла красивы по форме и поэтичны по содержанию.
разиться — броситься, кинуться.
разну „полушечку“ — в значении „худой“, „ничего не стоящий“, вроде „ломаный грош“.
разрывчатый — сильно упругий, тугой.
рассычала — подслащала, сдабривала „сытой“.
разъясачивать: „ясачить“ — обложить ясаком, то есть податью; „разъясачить“ — назначить, распределить подать.
раскаты — вал, укрепления города.
расшеперивать — растопыривать.
Репнин Данило Александрович — астраханский губернатор; имя губернатора относится к XVIII в., но возможно, что песня была сложена еще в XVII в. как продукт творчества казацкой вольной вольницы; имя Репнина могло попасть позже.
ротиться — клясться, божиться.

рыбей „зуб“ — кость моржа, клыки.
рытый — эпитет бархата: с разводами.
ряд — „темный“, „черленый“; торговля производилась прежде в особых крытых помещениях, которые, по расположению лавок, в них находящихся, звались „рядами“; они носили название по роду продаваемых в них товаров: „сундучный“, „обжорный“; „черленый“ — по продаваемому в нем „красному товару“.
с борку — отовсюду; *ср.* „с бору да с сосенки“.
свашал — схватил.
свашела — сваха.
свершна́ „умом“ — сверстна: ровня по уму.
Свицкая „земля“ — Шведская.
сграбиться — вцепиться, схватиться.
Сендомирский Юрий, собственно Юрий Мнишек — воевода сандомирский, на дочери которого, Марине (в песнях „Игнатьевне“), был женат Лжедмитрий I, выступающий в песнях под именем Гришки Расстриги, сына Отрепьева, то есть так, как он значился по официальным данным. Марина в песнях выставляется обычно „еретницей“, „чародейкой“, умеющей обертываться „в сороку“. Брак Самозванца с Мариной состоялся 8 мая 1606 г.
середа — пол в той части избы, которая называется „середой“.
Симеон. — Казанское царство пало после взятия Казани, 1 октября 1552 г. Последним царем его был Едигер. Имя „Симеон“ попало в песню, вероятно, благодаря имени Симеона Бекбулатовича, касимовского царевича, которого Иван Грозный, став во главе опричины, сделал „царем“ над земщиной.
скатный — эпитет жемчуга: крупный, круглый, ровный.
Скопин — князь Михайло Васильевич Скопин-Шуйский (1587—1610), знаменитый полководец; возвысился по воцарении Василия Шуйского; успешно действовал против поляков, заключив союз с Швецией, которая на помощь ему прислала отряд под командованием Якова Понтуса Делагарди, выступающего в песнях под фамилией „Фунтосова“; на пиру у кн. Воротынского жена князя Дм. Шуйского поднесла ему отраву, от которой он умер.
скрасть караулы — захватить врасплох.
скурлат — дорогое сукно иностранного происхождения.
сливной — сплошной.

слоны — „жилы слоны сохатныя". „Слоном", или „слоною", в старину звали вообще большое животное, которое „слоняется" по лесам, поэтому и эпитет „сохатный", прилагаемый обыкновенно к лосю, имеющему широкие, „с рассохами", рога, вполне уместен.

смурый — темный; „смурое сукно" — крестьянской выделки, некрашеное, сделанное из темной мешаной шерсти.

смышлять — промышлять, добывать.

снарядный — нарядный.

сопка — гора, вершина горы.

сопротивница — пара, невеста, жена.

соян — женский сарафан особого покроя.

спораться — спорить.

столовати — пировать.

столочить — вытоптать, примять.

стольник — придворный чин, собственно заведующий княжеским столом, хотя стольникам поручались и другие, более важные дела; в песнях встречаются и другие чины: „чашники", „постельники", существовавшие в прежнем царском обиходе.

струг, „стружок" — легкое речное судно.

стряпчий — повар.

сугонь — погоня.

сукрой — круглый ломоть хлеба во всю ковригу.

сур — от „суровый",— удалой молодец, резвый забияка.

сыгрыш — мотив, напев.

сыть — пища, корм.

тавлеи — шахматы, шашки.

тарханная „грамота" — дающая известные льготы.

терять — сгубить, убить.

тешить — утишать.

тесмяный — сделанный из тесьмы.

тма — тьма, обозначает „десять тысяч".

тожно — тогда, вслед за тем.

токо — если.

толды — тогда.

толочить — топтать.

тонцы, вероятно, как и „сыгрыш", принадлежат к терминам, знакомым профессиональным гуслярам; обозначают тоже какой-либо напев из их музыкального репертуара.

торгаться — дергаться.

торженые — эпитет усов: поставленные вверх, круто завитые.

торока — ремни у задней седельной луки.
травник — птица кулик.
третьяк — бык по третьему году.
трубля, „трубачить“ — насмехаться, трунить.
трясся — лихорадка.
тур — вымерший дикий бык, водившийся еще при Владимире Мономахе в XII в., предмет большой охоты; в другом значении: род укрепления — корзина, набитая землей.
тынинка, от „тын“,— заборный кол.
тысяцкий — старший свадебный чин.
увольные дороги — свободный путь.
украина — отдаленная окраина, рубежная часть Московского государства.
улан — татарский сановник; вместе с другим названием „мурза“ часто употребляется в песнях в форме „мурзы-*улановья*“ для обозначения свиты татарского царя.
улус — становище, селенье.
упадкою — говорить „не упадкою“ — смело, без боязни.
уповод — промежуток времени в несколько часов, срок.
урас — рана, увечье, пораженье.
уреченные — то же, что „урочные“, условленные, назначенные.
ускорить — поспеть.
утин — боль в пояснице.
утолочить — то же, что толочить.
хайлище — „хайло“, рот.
хмелина — нить вьющегося хмеля; „хмельник“ — место, огород, где разведен хмель.
хобот — хвост; в другом значении: окружный путь, изгиб.
холоденушка — лягушка, которую иногда пускали в молоко, чтобы оно не прокисло.
хрящ — крупнозернистый песок.
целовальник — нанятый приказчик, который в доказательство будущей верной службы „целовал крест“; долго жило как название торгующего в кабаке.
час — „час ты мне свет дал“ — сейчас.
чебодан — вместо „чемодан“.
чембур — повод, за который водят или привязывают коня.
чердак — светелка под кровлей; каюта на судне.
черевоста — беременна.
черепан — собственно делающий горшки, гончар; здесь — синоним горшка, разбитого в черепки.
чеснок — одно из средств обороны.
чингалище — кинжал.

чинсиь — пирог с начинкой.
чистое — эпитет поля; в песнях под этим именем всего чаще изображается южнорусская степь, ненаселенная, покрытая „ковылем-травою“, по которой, по „шляхам“, протоптанным дорогам, двигались неприятельские татарские орды; отсюда „поленица“, или богатырь из этого татарского Поля, или русский богатырь, выезжающий в Поле на борьбу с татарами.
шабура, или „шабур“,— армяк, зипун из крестьянской ткани.
шамшура — шапочка, надеваемая женщинами под кокошник, или сам кокошник.
шап — то же, что „щап“, щеголь.
шелепуга — плеть, кнут.
шелудяк — покрытый сыпью, паршею.
Шереметев Борис Петрович (1652—1719), знаменитый сподвижник Петра I, принимал деятельное участие в войне со Швецией; в 1703 г. взял Нотебург, прежний русский городок Орешек, переименованный Петром I в Шлиссельбург, „Шлюшенбург“ песен.
шипкарочку — ошибка, вм. „шириночку“, полотенце.
шишимора — то же, что „кикимора“: вор, плут.
шкарб — то же, что „скарб“: пожитки, движимое имущество.
шлык — женский головной убор.
щапливый — от „щап“, щеголеватый, нарядный.
щаски — то же, что „счастки“ — счастье.
Щелкан — искаженное из „Шевкал“, „Шамхал“; в песне припоминаются жестокий выбор дани и насилия, произведенные в Твери одним из присланных ханом татарских воевод.
щепетко — нарядно.
ягодица — щека.
яловица — овца, еще не давшая приплода.
ярый — белый.
ярыжка — работник, батрак.
ясак — подать, дань.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга подготовлена
к печати изд-вом
„Academia"

***

Редактор М. А. Лифшиц.
Литер.-технич. наблюдение
В. В. Соколовская.
Техред И. А. Подсухин.

***

Сдано в набор 16/III 1937.
Подп. в печать 22/IX 1937.
Тираж 10.000. Уполн. Главлита Б-25670. Зак. тип. 1252.
Бумага 72 × 102 1/32. Печ. листов 10,37. У. а. л. 13,23.
К 43.

***

Отпечатано на ф-ке книги
«Красный пролетарий».
Москва, Краснопролет., 16.

Цена Р. 4.50
Переплет Р. 2.00.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
300	11 св.	изредели — «не изредели»	изребели — «не изребели»

Древние Российские стихотворения.